

Ф. Дж. Роджерс

**ПЕРВЫЙ
АНГЛИЧАНИН
В ЯПОНИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения



Ф. Дж. Роджерс

**ПЕРВЫЙ
АНГЛИЧАНИН
В ЯПОНИИ**

*История
Уильяма Адамса*



ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА”
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

ББКл8
Р60

P. G. Rogers
The First Englishman in Japan
The Story of Will Adams
L o n d o n, 1956

Редакционная коллегия

*Л. Б. Алаев, Л. М. Белоусов, А. Б. Давидсон,
Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда,
К. В. Малаховский (председатель), Н. А. Симония*

Перевод с английского

Н. В. ЗОНИНОЙ и А. М. КАБАНОВА

Ответственный редактор и автор предисловия

Г. Е. Светлов

Роджерс Ф. Дж.

Р 60 Первый англичанин в Японии. История Уильяма Адамса. Пер. с англ. Н. В. Зониной и А. М. Кабанова. Предисл. Г. Е. Светлова. М., Главная редакция восточной литературы издательства „Наука”, 1987.

96 с. с ил. („Рассказы о странах Востока”).

В книге рассказывается о жизни и приключениях отважного английского моряка и кораблестроителя, предприимчивого торговца Уильяма Адамса, первого англичанина, прожившего в Японии долгие годы. Попав после кораблекрушения в Японию, Адамс сумел завоевать доверие могущественного правителя Японии Токугава Иэясу, сделался его незаменимым консультантом по самым разным вопросам. Автор рисует картину жизни средневековой Японии, рассказывает о первых европейцах, побывавших в этой стране, которая казалась им таинственной и странной.

Р 1905020000-058 66-87
013 (02) -87

ББКл8

© Главная редакция восточной литературы издательства „Наука”, 1987.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга повествует о человеке необычной судьбы. Англичанин Уильям Адамс в 1598 – 1600 годах на голландском корабле совершил через Атлантический и Тихий океаны тяжелое, полное опасностей плавание в Японию, где остался до конца своих дней. В книге Роджерса читатель знакомится с разными сторонами незаурядной личности Адамса – отважного моряка, способного кораблестроителя, предприимчивого торговца, тонкого дипломата, ловкого и изворотливого придворного. Автор отнюдь не идеализирует своего героя – перед нами типичный представитель нарождавшейся в недрах английского феодального общества буржуазии, воплотивший в себе ее противоречивые черты: честолюбивый и жадный до денег, грубый и дерзкий, хитрый и эгоистичный и в то же время исключительно энергичный, деятельный, дальновидный, а главное – чрезвычайно целеустремленный и настойчивый. Он словно был олицетворением своего времени – эпохи великих географических открытий, дальних плаваний в поисках новых торговых путей, первых колониальных захватов, ставших важнейшим источником первоначального накопления капиталов.

Роджерс ставит Адамса в один ряд с выдающимися английскими мореплавателями и флотоводцами XVI века – Ф. Дрейком, Ральфом, Дж. Хокинсом, которые не брезговали и обычным пиратством. Вряд ли, однако, такое сопоставление оправдано. Заслуги Адамса как мореплавателя достаточно скромны. Он не открыл новых земель и не совершил, подобно Френсису Дрейку, кругосветного плавания. В отличие от Дрейка и Хокинса ему не довелось сражаться с испанской „Непобедимой армадой“, разгром которой возвестил о рождении новой „владычицы морей“ – Британии. В то же время не заслужил он и сомнительной репутации одного из первых работорговцев эпохи первоначального накопления, которую история закрепила за Джоном Хокинсом.

Известность Адамсу принесло другое: войдя в доверие к могущественному правителю Японии Токугава Иэясу и будучи в течение многих лет его ближайшим советником, он не только оказывал известное влияние на внешнюю политику японского правительства, но, по существу, стал источником, из которого японцы черпали столь необходимые им научно-практические знания в таких областях, как география, математика, искусство навигации, кораблестроение и др. В этом смысле он сделал больше, чем любой, даже самый выдающийся его предшественник из числа португальцев и испанцев, которые пришли в Японию за-

долго до Адамса. И как бы Роджерс подчас ни преувеличивал роль своего соотечественника, отражая тем самым присущую многим западным авторам склонность переоценивать значение появления европейцев в Японии, нельзя отрицать, что Адамс оставил заметный след в японской истории начала XVII века.

Неудивительно поэтому, что имя Адамса достаточно широко известно и пользуется популярностью в современной Японии, в чем довелось убедиться и автору этих строк. Помнится, во время одной из прогулок в живописной местности на полуострове Миура близ Токио проселочная дорога вывела меня на невысокий холм, на склонах которого росли японские вишни — сакуры. Стоял чудесный апрельский день. Под деревьями расположилось множество местных жителей и туристов, пришедших сюда на традиционное ханами — „любование цветущей сакурой”. От них я и узнал, что холм называется Андзинцука — „Холм штурмана” — в честь Адамса, которого японцы знают под именем Миура Андзин — „Штурман из Миура”, где находилось имение Адамса, пожалованное ему Изясу. Мне показали скромные надгробные камни на могилах Адамса и его жены, рассказав при этом, что ежегодно 14 апреля здесь проводится праздник в память первого англичанина, ступившего на берега Японии.

Несколько позже мне пришлось побывать в курортном городке Ито на полуострове Идзу. Как одну из достопримечательностей города туристам показывают там воздвигнутый на берегу залива Сагами памятник Адамсу, который в 1605 — 1610 годах жил в Ито, где руководил сооружением первых в Японии килевых судов. Следы пребывания Адамса есть и в Токио: один из кварталов города, где некогда стоял его дом, носит название Андзин тё — „Квартал штурмана”.

Об Адамсе написано немало. Несколько лет спустя после окончания второй мировой войны в Японии было издано подробное описание его жизни и деятельности, принадлежащее перу Окада Акио. Английские исследователи в ряде своих работ воздают должное Адамсу, как человеку, внесшему большой вклад в установление первых контактов между Великобританией и Японией. Имя Адамса фигурирует не только в специальных исследованиях, посвященных японо-европейским связям в XVI — XVII веках, но и во многих общих работах по истории Японии.

Вот уже в течение более ста лет Адамс привлекает внимание также литераторов. На английском языке в разное время, начиная с 1861 года, вышло по меньшей мере три романа о нем. Адамс — прототип главного героя нашумевшего в конце 70-х годов псевдоисторического романа американского писателя Джемса Клейвела „Сёгун”. Поставленный по его мотивам одноименный многосерийный телефильм пользовался большой популярностью у японских телезрителей.

Думается, интерес художественной литературы к личности Адамса далеко не случаен. Ведь он был первым европейцем, натурализовавшимся в Японии, навсегда поселившимся в этой стране. Он столкнулся с абсолютно чуждыми ему культурой, нормами и правилами поведения, представлениями о духовных ценностях. В эпоху Адамса Европа и Япония были настолько не похожи в этом плане, что английский моряк

оказался в полном смысле слова в совершенно ином мире. И тем не менее, судя по тому, что мы знаем о нем, он нашел в себе способности вжиться в новую среду, стать „своим” в японском обществе. Об этом говорит и высокое положение, которого он достиг при дворе Иэясу, и его умение вести дела с представителями разных японских кругов, и его поведение, порой шокировавшее англичан, встретившихся с Адамсом много лет спустя после того, как тот попал в Японию (капитан английской флотилии Джон Сэрис возмущался тем, что «Адамс разговаривал и вел себя как „настоящий японец”»!). Читая книгу Роджерса, незольно ловишь себя на мысли: не опроверг ли Адамс собственным опытом слова, произнесенные много позже его соотечественником: „Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда...”. Временами кажется, что в лице Адамса Восток и Запад, две незнакомые друг другу цивилизации, встретились и сосуществовали.

В наше время, когда проблема взаимодействия различных культур становится особенно актуальной, уже одно это обстоятельство служит достаточным основанием, чтобы привлечь к Адамсу интерес не только историков, но и куда более широкого круга лиц. Однако здесь следует оговориться. Книга Роджерса не дает представления о духовном мире Адамса, не позволяет судить, насколько глубоким было проникновение в жизнь принявшего его общества. В данном случае чаще всего приходится довольствоваться догадками и предположениями. Вместе с тем очевидно, что были объективные обстоятельства, которые помогли Адамсу найти общий язык с жителями страны, ставшей его второй родиной, и достигнуть высокого положения в японском обществе. Чтобы разобраться в этих обстоятельствах, следует обратиться к событиям японской истории, как предшествовавшим прибытию Адамса в Японию, так и тем, очевидцем, а в ряде случаев и участником которых он был.

„Судьба привела его в эту страну в один из решающих моментов ее истории”, — пишет Роджерс. С биографом Адамса нельзя не согласиться. Япония вступила в завершающую стадию борьбы против феодальной раздробленности, за создание единого, централизованного государства, которую последовательно возглавляли выдающиеся политические деятели и военачальники Ода Нобунага (1534 — 1582), Тоётоми Хидэёси (1536 — 1598), Токугава Иэясу (1542 — 1616). 21 октября 1600 г. — всего через полгода после того, как Адамс ступил на японскую землю, — Токугава Иэясу, ставший к тому времени богатейшим феодальным владельцем Японии, наголову разбил войска своих политических противников в битве при Сэкигахара. Эта победа сделала его единодержавным правителем страны. Закончилась эпоха смут и кровавых феодальных междоусобиц, длившаяся свыше ста лет и известная в истории как сэнгоку дзидай — „эпоха воюющих княжеств”. Став в 1603 году сёгуном — военно-политическим правителем Японии, Иэясу положил начало токугавскому сёгунату, просуществовавшему свыше двух с половиной веков, вплоть до незавершенной буржуазной революции 1867 — 1868 годов.

Сэнгоку дзидай — это не только бесконечные междоусобицы, поставившие японское феодальное государство на грань развала. В эту эпоху страну потрясли мощные выступления крестьян, доведенных до крайней

степени обнищания и разорения. В ряде случаев речь шла о настоящих крестьянских войнах, принимавших огромные масштабы. Справиться с этими восстаниями каждому в отдельности феодалу становилось все труднее. Таким образом, преодоление феодальной раздробленности, создание единого, централизованного государства диктовалось в первую очередь необходимостью подавления растущего сопротивления крестьянства феодальному гнету, эффективной борьбы с крестьянскими восстаниями, которые угрожали самим основам феодального строя. Не случайно одним из главных мероприятий Хидзэси в области внутренней политики была так называемая *катана-гари* — „охота за мечами“ с целью разоружить в первую очередь крестьян.

Наряду с необходимостью борьбы с крестьянскими восстаниями решение задачи создания единого, централизованного государства отвечало и интересам торгового сословия в городах, диктовалось установлением рыночных связей между отдельными районами страны, ростом внутренней торговли — иными словами, развитием товарных отношений в рамках феодального общества. В XVI веке происходило быстрое развитие городов, становившихся центрами ремесленного производства и торговли. В свою очередь, объединение страны, создание сильной централизованной власти форсировало этот процесс.

Развитию городов, росту внутренней торговли, повышению товарности ремесленного производства и земледелия в немалой мере способствовало расширение внешнеторговых связей. Во второй половине XVI века Япония вела активную торговлю не только с соседними Кореей, Китаем и островами Рюкю, но и более отдаленными странами — Сиамом, Камбоджей, Аннамом, Филиппинами и др. Многие местные князья на свой страх и риск снаряжали экспедиции на поиски выгодных объектов для заморской торговли. По мере усиления центральной власти такие экспедиции стали снаряжаться правительством сёгуна.

На рубеже XVI — XVII веков Япония поддерживала внешние связи уже с народами шестнадцати стран. Дело не ограничивалось одной торговлей. Шел процесс весьма активной экспансии Японии, принимавшей различные формы — от неудачных завоевательных походов Хидзэси в Корею и набегов японских пиратов на соседние земли вплоть до создания постоянных японских поселений подчас в весьма отдаленных от Японии странах. Такие поселения возникли на Филиппинах, в Сиаме, на восточном побережье Индокитайского полуострова. Японцы пытались обосноваться даже на островах Индонезии и побережье Малайи. Особенно сильным влиянием пользовались японцы в странах Индокитая, внешние связи которых в значительной мере находились в их руках. Короче говоря, японцы активно выходили за пределы национальных границ. И стимулировался этот процесс теми же факторами, которые толкали европейских купцов и мореплавателей все дальше и дальше от родных берегов: ускоренным развитием товарных отношений, зарождением в недрах феодализма хозяйственных связей нового типа.

Во второй половине XVI века Япония вовсе не была такой отсталой страной, как это обычно изображалось тогда европейцами. В пользу этого говорит и уровень научно-технических знаний, достигнутых к тому

времени японцами. Им были хорошо известны и книгопечатание, и компас, и порох, и искусство морской навигации, и т. п.

Именно в этот период происходит встреча японцев с европейцами. В западной буржуазной литературе этот процесс зачастую рассматривается как односторонний: европейцы открыли для себя Японию, которая служила лишь объектом их активной деятельности. ~~Этой ошибочной точки зрения, судя по всему, придерживается и Роджерс.~~ Для правильного понимания того, что происходило в действительности, важное значение имеет следующее высказывание выдающегося советского востоковеда Н. И. Конрада: „Мировая эпоха великих географических открытий XVI – XVII веков – эпоха двустороннего движения в страны Южных морей... С одной стороны, с Запада, шли португальцы, за ними несколько позднее – голландцы и англичане; с другой стороны, с Востока, – испанцы, двигавшиеся из Мексики; из своих стран – китайцы и японцы. В странах Южных морей произошла встреча этих двух великих исторических движений. Открылась новая всемирно-историческая эра: эра широкого международного общения, в которое были вовлечены народы Дальнего Запада – португальцы, испанцы, голландцы и англичане – и народы Дальнего Востока – китайцы и японцы”¹.

Итак, Европа и Япония двигались навстречу друг другу. В основных чертах процесс социально-исторического развития шел в Японии теми же путями, что и в главных европейских странах. Интересы экономические толкали и европейские державы, и Японию на путь внешней экспансии. Однако, в то время как Западная Европа уже вступила в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений, в Японии этот процесс шел с отставанием. Экспансия, колониальные захваты играли в политике западноевропейских держав куда большую роль, чем в Японии, все еще остававшейся страной феодальной. Видимо, это явилось одним из факторов, определивших то обстоятельство, что встреча европейцев с японцами произошла не в далеких океанских просторах, а в непосредственной близости от берегов собственно Японии.

В 1543 году китайскую джонку с тремя португальцами на борту прибило к берегу островка Танэгасима, что расположен в нескольких десятках километров от самого южного из четырех главных Японских островов – Кюсю. Трое незадачливых португальских моряков были первыми европейцами, вступившими в контакт с японцами. Последующие десятилетия стали свидетелями бурного развития связей между Японией, с одной стороны, и Португалией, затем Испанией, а несколько позже Голландией и Англией – с другой. Важную роль в этом наряду с торговлей сыграло католическое миссионерство. Первым миссионером в Японии был португальский иезуит Франсиско Ксавье, прибывший в эту страну в 1549 году. За ним последовали другие португальцы – члены Ордена Иисуса, а несколько позднее – в начале 90-х годов XVI века – в Японии появились испанские францисканцы и члены других рели-

¹ Конрад Н. И. Очерки японской литературы. М., 1973, с. 452.

гиозных орденов, обосновавшиеся к тому времени на захваченных Испанией Филиппинских островах. Миссионеры стремились заручиться поддержкой верхушки отдельных феодальных княжеств, чтобы, используя этот фактор, распространить влияние католической церкви на массы народа. В значительной мере им это удалось, особенно в ряде районов Кюсю и на западе Хонсю, где многие князья были обращены в христианство.

При этом местными феодалами двигало отнюдь не стремление обрести истину в новой вере, а куда более прозаические мотивы: ведь обращение в христианство открывало дополнительные возможности для контактов с европейцами, в частности, для прибыльной торговли с ними. У европейцев приобреталось огнестрельное оружие, что давало владельцам юго-западных княжеств немалые преимущества перед их противниками в междоусобной борьбе, которая в описываемый период достигла своего пика. О том, какое значение они придавали закупкам огнестрельного оружия у португальских купцов, свидетельствует любопытный факт, что японская хроника, в которой рассказывается о первых контактах японцев с европейцами, называется „Тэппо ки” — „Записки об аркебузах”, а на острове Танэгасима установлена каменная плита в память об их ввозе в Японию.

Следуя примеру господ, католичество принимали подвластные им крестьяне. Вскоре на юго-западе Японии образовались целые районы, где большинство населения составляли новообращенные христиане. Эти районы миссионеры использовали как базу для дальнейшего распространения своего влияния.

Руководствуясь чисто практическими соображениями, покровительствовал католическим миссионерам, равно как и обращенным в христианство японцам, и Ода Нобунага. Стремясь покончить с влиянием крупных буддийских монастырей, которые он считал не менее серьезным препятствием на пути объединения страны, нежели своевольных феодалов, Нобунага не прочь был в борьбе против них опереться на христиан. Доброжелательное отношение к миссионерам Нобунага опять-таки использовал для того, чтобы при их посредстве получить у португальских купцов огнестрельное оружие, наличие которого помогло ему в одной из битв одержать крупную победу над противниками объединения Японии.

На первых порах Хидэёси, будучи заинтересован в расширении торговых связей с Европой, также покровительствовал христианам. В его ближайшем окружении было несколько обращенных в христианство князей. Однако быстрое распространение христианства стало вызывать у Хидэёси растущую настороженность: в усиливающемся влиянии католической церкви он начал усматривать угрозу планам объединения страны под своей единоличной властью, тем более что обращение в христианство ряда князей способствовало усилению сепаратистских тенденций в их политике. В 1587 году Хидэёси издал указ об изгнании иезуитов из пределов Японии. Однако последние к тому времени обеспечили себе настолько прочные позиции среди местных феодалов, что избавиться от них оказалось не так-то легко. Пользуясь тем, что указ 1587 года не распространялся на португальских купцов, миссионеры сами стали активно заниматься коммерческой деятельностью, чтобы

отвести от себя обвинения в пропаганде христианства. Первая попытка покончить с распространением католицизма в Японии была, таким образом, сведена на нет.

Тем не менее подозрения Хидэёси относительно истинных намерений миссионеров продолжали расти. Они получили подтверждение в ходе взаимных разоблачений португальских иезуитов и испанских францисканцев и доминиканцев, которые выливали друг на друга ушатy грязи, пытаясь восстановить Хидэёси против своих соперников. Стало очевидно, что пропаганда католицизма чревата опасностью подчинения Японии иностранному влиянию и в конечном счете утратой ею своей национальной независимости. Это побудило Хидэёси издать в 1597 году указ, решительно запрещающий христианство. Феодалным князьям под страхом смертной казни было запрещено принимать новую веру. Всем иезуитам предписывалось немедленно покинуть страну. Десятки христианских проповедников – японцев и иностранцев – были казнены, многие церкви разрушены.

Смерть Хидэёси в 1598 году вновь вызвала усиление политической неустойчивости в стране, что, в свою очередь, привело к ослаблению гонений на христиан. Этим воспользовались миссионеры, активизировавшие проповедь католицизма, результаты чего не замедлили сказаться: согласно некоторым источникам, число обращенных в христианство японцев в начале XVII века возросло до 750 тысяч. По более осторожным оценкам, численность христиан не превышала 300 тысяч, но для Японии той эпохи это была весьма солидная цифра, соответствовавшая примерно 2% населения страны². Обращенные в новую веру появились в самых различных частях Японии, вплоть до острова Хоккайдо, который в то время был лишь частично колонизирован японцами³.

В первые годы после своего прихода к власти Токугава Иэясу достаточно терпимо относился к христианам, не принимал решительных мер против проникновения европейцев в Японию. Это объяснялось большим интересом, который он проявлял в то время к развитию внешних связей Японии, выгодной торговле с соседними странами, поискам путей в более отдаленные края. Начало XVII века – период наивысшего подъема японского мореплавания перед тем, как Япония на два с лишним столетия изолировала себя от внешнего мира. В эти годы японские корабли совершали плавания не только в страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Дважды – в 1610 и 1613 годах – они пересекали Тихий океан, доставляя посольства сёгуна в Новую Испанию, как тогда называлась Мексика. Иэясу прекрасно понимал, что дальнейшее развитие японского мореплавания невозможно без освоения практических знаний других народов, в частности, их опыта сооружения крупных кораблей, которые японцы строить еще не умели. Вот почему Адамс, бывший не только

² *Picken S. Christianity and Japan. Tokyo, 1983, с. 33.*

³ *Мураками Сигэёси. Нихон-но сюкё (Религия Японии). Токио, 1971, с. 139.*

опытным штурманом, но и корабельных дел мастером, встретил столь благожелательный прием при дворе правителя.

Однако такое отношение к английскому моряку объяснялось не только стремлением Иэясу использовать его знания и опыт. Предоставим слово испанскому автору Диего Пачеко, который, на наш взгляд, довольно точно и в то же время образно определил место и роль Адамса во взаимоотношениях Японии с европейскими державами в начале XVII века. «Уильям Адамс, английский штурман голландского корабля „Лифде“, был маленькой фигурой, отбрасывавшей длинную тень, ибо его прибытие (в Японию) в 1600 году ознаменовало начало вмешательства англичан и голландцев, злейших соперников Испании и Португалии. Прибытие поврежденного „Лифде“ в Бунго было случайным, но своевременным, поскольку совпало с возникновением голландской торговой империи в Ост-Индии. Адамс мог также сооружать океанские суда; это искусство в дополнение к национальности сделало его весьма полезным в планах Иэясу... С этого времени англичанин много трудился на ниве кораблестроения и в то же время делал все, чтобы подогревать подозрения Иэясу в отношении миссионеров»⁴.

В самом деле, трудно вообразить более подходящий момент для появления на японской сцене человека, представлявшего одновременно две нации, только что выдвинувшиеся в число экономически наиболее сильных держав Европы и энергично прокладывающие себе путь на Восток, преодолевая сопротивление португальцев и испанцев, чем время появления там Адамса. В 1600 году создается английская Ост-Индская компания, два года спустя – голландская. Эти колониальные компании получают от своих правительств монопольное право торговли на Востоке, право неограниченной эксплуатации захваченных земель. Голландцы утверждаются на островах Индонезии и на Цейлоне (Шри Ланка), англичане – на побережье Индии.

Поиски новых источников обогащения толкают голландских и английских купцов все дальше на Восток – к берегам Японии и Китая. В то же время Иэясу предпринимает усилия для расширения внешней торговли Японии, поощряет строительство торгового флота. Сначала он пытался для выполнения этих задач воспользоваться услугами испанцев. Он вступил в контакт с испанскими властями на Филиппинах, предлагая открыть для торговли с Испанией порты Восточной Японии, просил прислать мастеров-судостроителей. Он даже дал понять испанцам, что не будет проводить в жизнь указ своего предшественника о запрещении христианства и действительно закрыл глаза на оживление деятельности католических миссионеров, особенно испанских. Однако довольно скоро Иэясу убедился в том, что испанцы, используя его расположение в интересах укрепления своих позиций в Японии, не проявляют энтузиазма в отношении развития с ней торговли и помощи в создании торгового флота. Его подозрения относительно подлинных намерений испан-

⁴ *Cooper M. and oth. The Southern Barbarians. Tokyo, 1971, c. 76.*

цев и все еще остающихся в Японии португальских миссионеров усиливаются. И вот тут-то появляется Адамс.

Далеко не лестные отзывы Адамса об испанцах и португальцах в беседах с Иэясу падали на благодатную почву. В то же время из рассказов Адамса Иэясу получил представление об изменениях в расстановке сил в Европе, которая начинала складываться не в пользу Испании и Португалии, о возможностях торговли с Голландией и Англией. Его не могла не привлечь перспектива завязать деловые отношения с этими странами, не отягощая себя необходимостью терпеть взамен присутствие католических миссионеров. В лице голландцев и англичан Иэясу увидел серьезный противовес их влиянию.

Из книги Роджерса читатель почерпнет сведения о соперничестве между европейскими державами в Японии в конце XVI — начале XVII века. Справедливости ради следует, однако, отметить, что автор далеко не всегда объективен в оценках. Подобно главному герою своего повествования протестанту Адамсу, который, мягко говоря, не испытывал теплых чувств к католикам — испанцам и португальцам, Роджерс склонен изображать последних в худшем свете, обеляя подчас голландцев и англичан. С такой трактовкой вряд ли можно согласиться. И тех и других гнала к далеким берегам Японии жажда наживы, и те и другие не гнушались любыми средствами для достижения своих целей. Да и сам Роджерс, по существу, признает это, рассказывая о частых столкновениях между голландцами и англичанами, принимавшими подчас довольно острый характер.

В то же время тенденциозный подход Роджерса мешает ему правильно оценить значение первых контактов японцев с португальцами и испанцами. Разумеется, в Японию попадали далеко не лучшие представители этих наций. Алчные торговцы, грубые моряки, а чаще всего миссионеры — иезуиты, францисканцы, доминиканцы, августинцы — вот кто в ту эпоху олицетворял в глазах жителей Японских островов Португалию и Испанию. Поэтому трудно было ожидать от этих первых контактов серьезного культурного воздействия Запада на Японию. Да и сами японцы не были еще готовы к глубокому восприятию европейской культуры. Как мы уже отмечали, их интерес к заморским пришельцам ограничивался преимущественно узкими прагматически-утилитарными рамками. Неудивительно, что первоначально в их представлениях европейцы ассоциировались главным образом с торговлей огнестрельным оружием, а первое, что японцы переняли у португальцев, было изготовление некоторых видов этого оружия.

Однако задачи проповеди „истинной веры“ диктовали также необходимость ознакомления хотя бы ограниченного числа представителей японского общества с элементами культуры Запада. Поэтому миссионеры создавали типографии, где помимо религиозных текстов печатались отдельные образцы светской литературы (например, басни Эзопа) в переводе на японский язык, заводили художественные мастерские, в которых обучали японцев копировать изготовленные в Европе иконы, одновременно прививая им навыки живописи масляными красками, в то время совершенно неизвестной в Японии.

Уже первые контакты с „южными варварами“, как называли тогда в Японии всех европейцев, будили интерес японцев к внешнему миру, стимулировали дальние плавания японских моряков и торговцев. У португальцев, хотя и в ограниченных масштабах, заимствовался опыт кораблестроения. Контакты с ними способствовали и росту географических знаний японцев. Талантливый португальский ученый Морейра, побывавший в Японии в 1590 – 1592 годах, впервые составил точную карту этой страны и района Северо-Восточной Азии.

Важное значение имел еще один аспект пребывания португальских и испанских миссионеров в Японии. Читатель книги Роджерса с интересом ознакомится с приведенными в ней двумя пространными извлечениями из писем иезуитов Франсиско Ксавье и Алессандро Валиньяно, в которых излагаются их впечатления о Японии. Эпистолярная литература иезуитов, многие из которых прожили в Японии долгие годы, пользовалась исключительно большой популярностью в Западной Европе. Письма иезуитов неоднократно издавались отдельными сборниками в различных европейских странах. Они служили, по существу, единственным источником сведений европейцев о неведомой стране. Ныне это ценнейший материал для изучения истории Японии и японо-европейских связей второй половины XVI – начала XVII века.

Наиболее интересные высказывания и соображения о современной им Японии оставили Луиш Фроиш (1532 – 1597), Алессандро Валиньяно (1539 – 1606), Жоао Родригес (1562 – 1633). Фроиш, проживший в Японии свыше тридцати лет, был свидетелем многих важных исторических событий, описания которых содержатся в его записях. По словам английского исследователя М. Купера, лишь одно письмо Фроиша о его встрече с Ода Нобунага содержит куда больше информации о личности этого выдающегося военачальника, чем любое количество официальных документов⁵. Одним из первых европейцев Фроиш стал изучать духовную жизнь японского народа, пытаясь постигнуть его нравственные представления и ценности.

Еще больше в этом отношении сделал Родригес, который, отлично владея японским языком, в течение многих лет был переводчиком при Хидэёси и Иэясу. Он составил первую систематическую грамматику японского языка, подробный японо-португальский словарь. Десятки страниц его двухтомной истории деятельности ордена иезуитов в Японии посвящены описанию произведений живописи, ландшафтных садов и особенно чайной церемонии, в которой Родригес видел одно из высших проявлений духовной культуры японского народа.

Письма и записи иезуитов представляют интерес не только для историков. Многие их высказывания о восприятии европейцами духовных ценностей и эстетических представлений японцев оказываются созвучны впечатлениям многочисленных наших современников при их первом соприкосновении с японской культурой и искусством. Так,

⁵ Там же, с. 101.

Валиньяно в одном из своих писем отмечал: „Не менее удивительно различное значение, которое они (японцы. — Г. С.) придают вещам, считающимся в их глазах сокровищами Японии, хотя нам такие вещи кажутся тривиальными и детскими...” Говоря о чайной церемонии, Валиньяно поражается высокими ценами используемых в ней сосудов, „хотя, на наш взгляд, они не стоят абсолютно ничего. Король (владелец князь. — Г. С.) Бунго однажды показал мне маленькую керамическую чайницу, которой мы не нашли бы лучшего применения, как поставить в птичью клетку, чтобы птицы из нее пили. Тем не менее он заплатил девять тысяч серебряных тазлов... хотя я за нее не дал бы и ломаного гроша”⁶. Если европейцам — современникам Валиньяно не дано было оценить совершенство произведений японского искусства, в частности керамики, то нельзя не признать, что даже в наши дни, характеризующиеся активным культурным обменом между Востоком и Западом, для постижения красоты традиционного искусства Японии требуется глубокое проникновение в систему эстетических ценностей японского народа.

Эпистолярную литературу о Японии описываемого периода оставили также голландцы и англичане. Известны записи Уильяма Адамса, дневники и письма главы английской фактории в Японии Ричарда Кокса. Однако по своему содержанию они отличаются от того, что писали иезуиты. Они гораздо суше, ограничиваются фиксацией отдельных наблюдений за внешними сторонами жизни Японии, деловых контактов с японцами и другими торговыми партнерами, в них куда в меньшей степени отражены попытки проникнуть в духовный мир японцев, в их культуру. Такое положение отражает различие задач, которые ставили перед собой миссионеры — ловцы человеческих душ, с одной стороны, и прагматичные, расчетливые голландские и английские купцы, стремившиеся лишь к обогащению за счет торговли, — с другой.

Это различие послужило важнейшей причиной того, почему Иэясу и его преемники в контактах с европейцами в конечном счете отдали предпочтение голландцам и англичанам перед португальцами и испанцами. В отличие от последних голландцы и англичане не преследовали цель обратить японцев в „истинную веру”, переделать их по своему образу и подобию. Поэтому между ними и японскими властями не возникало конфликта идеологического характера. Контакты с ними ограничивались узкими рамками торговли, позволяя японцам заимствовать, насколько это было в то время возможно, достижения науки и техники Запада, не затрагивая идеологической базы японского общества, что вполне устраивало феодальных правителей страны.

Деятельность Адамса, бесспорно, сыграла важную роль в установлении контактов Японии с Голландией и Англией. Голландцы прибыли в Японию в 1609 году, англичане основали свою факторию на островке Хирадо близ западного побережья Кюсю в 1613 году. Найдя в лице гол-

⁶ Цит. по: *Николаева Н. С.* Когда европейцы впервые открыли Японию. — „Панорама искусств”. Вып. 6. М., 1983, с. 145 — 146.

ландцев и англичан наиболее приемлемых торговых партнеров, Иэясу считал, что настало время ужесточить политику в отношении христиан. На это его толкали не только подозрения в отношении „подрывной“ деятельности миссионеров, которые, как он опасался, могли попытаться при удобном случае заменить его своим ставленником из числа обращенных в христианство князей. Иэясу беспокоило — и, как мы увидим, не без оснований — то обстоятельство, что проповедь христианства с течением времени во все большей мере привлекала симпатии широких масс обездоленных крестьян. Этому отчасти способствовала деятельность миссионеров, которые помимо церквей открывали школы, больницы, приюты для сирот, оказывали медицинскую помощь беднякам. Возникла угроза того, что христианство превратится в идеологию борьбы крестьянства против феодального гнета. С этим не могли мириться ни Иэясу, ни его преемники из дома Токугава, проводившие курс на еще большее закабаление крестьянства, стремясь низвести его до положения послушной рабочей скотины. Сущность такой политики сформулировал сам Иэясу, которому приписывают слова: „Крестьянам нельзя давать жить, и убивать их нельзя“.

В начале 1614 года был издан указ о полном и безоговорочном запрещении христианства и изгнании всех миссионеров. Гонения на христиан усилились. Попытки и казни христианских проповедников стали обычным явлением. С 1628 года сначала в Нагасаки, а затем и в других местах к людям, подозреваемым в принадлежности к христианскому вероисповеданию, стали широко применять практику фумизэ: их заставляли публично топтать специально изготовленные для этой цели иконы, что должно было символизировать отказ от веры.

Предпринимая меры, направленные на подрыв влияния католической церкви в Японии, Иэясу продолжал терпимо относиться к деятельности голландцев и англичан, исходя из стремления извлечь соответствующие выгоды из внешней торговли. После его смерти в 1616 году положение изменилось. Преемники Иэясу сосредоточили усилия на упрочении власти клана Токугава в стране. Они всячески стремились усилить зависимость от правящего дома тех владетельных князей, которые еще совсем недавно были их яркими политическими противниками. При этом особые опасения токугавскому правительству внушала перспектива использования этими князьями иностранцев в собственных политических целях. Все иностранцы, вне зависимости от их национальности, стали рассматриваться как источник дестабилизации внутривластной обстановки. В таких условиях, естественно, интересы внешней торговли отходили на задний план. Был взят курс на изоляцию страны.

Так, в 1616 году торговля иностранных купцов была ограничена двумя портами на Кюсю — Нагасаки и Хирадо. С 1621 года японцам было запрещено покидать страну и служить у иностранцев. На основании указа 1624 года все иностранцы, за исключением голландцев, китайцев и сямцев, изгонялись из Японии (англичане покинули Хирадо еще в 1623 году). Указы 1633 и 1636 годов запрещали японским судам совершать плавания за границу.

В 1637 – 1638 годах в Симабара на острове Кюсю разразилось мощное крестьянское восстание против феодального гнета. Здесь сильнее всего было влияние христианства. И хотя далеко не все восставшие оказались христианами, их выступление проходило под религиозными знаменами. Случилось то, чего так опасался еще Иэясу: христианство стало идеологией сопротивления крестьянских масс усиливавшемуся феодальному гнету. Как писал Н. И. Конрад, „фанатически понятое, по-своему осознанное, христианство в начале XVII века соединилось с борьбой крестьян и прочих недовольных против угнетателей-феодалов”⁷.

Восстание в Симабара было подавлено со страшной жестокостью. Не последнюю роль в разгроме восставших сыграли голландцы, предложившие военную помощь правительству сёгуна Иэмицу. Пушки голландских кораблей с моря неоднократно бомбардировали твердыню повстанцев – замок Хара, что ускорило его падение. Так голландские купцы пытались заработать право сохранить свое присутствие в Японии и продолжать наживаться на торговле с этой страной.

Прямым результатом подавления Симабарского восстания были не только массовые расправы с его участниками, но и принятие в 1639 году указа, запрещавшего под страхом смертной казни общение японцев с европейцами. Этот законодательный акт завершил серию принимавшихся в течение свыше двух десятилетий мер, направленных на изоляцию страны. Голландцы были единственными из европейцев, кому разрешалось оставаться в Японии, но их деятельность резко ограничивалась. В 1641 году голландцев заставили покинуть созданную ими в Хирадо факторию и переселиться на маленький островок Дэсима в бухте Нагасаки, где они жили практически в полной изоляции. Лишь раз в год сюда приходило голландское торговое судно. Дэсима в течение двух веков оставалась единственным „окном” Японии во внешний мир.

Сёгун и его окружение использовали это „окно” для того, чтобы быть в курсе событий, происходивших за пределами Японии. Голландские купцы были обязаны ежегодно представлять правительству сёгуна доклады об этом. Через Дэсиму в Японию попадали не только европейские товары, но и практические знания европейцев. Правительство поощряло переводы голландских книг по астрономии, навигации, кораблестроению, математике, медицине, географии, ботанике и другим наукам. Иными словами, хотя и в строго ограниченных рамках, на протяжении почти всего двухвекового периода изоляции Японии шло заимствование из-за рубежа научно-технических знаний, которые могли найти применение в стране. В то же время сёгуны ревностно следили за тем, чтобы из-за рубежа не проникали новые идеологические веяния, которые могли бы вызвать брожение умов и тем самым оказать пагубное влияние на существующий порядок вещей, подорвать основы господства феодального класса. Таким образом сложился своеобразный стереотип взаимоотношений с внешним миром, при котором заимствование у последнего

⁷ Конрад Н. И. Очерки японской литературы, с. 458.

ограничивалось материально-практической сферой, но почти полностью было исключено в сфере духовной.

История Адамса может быть охарактеризована как частное проявление такого стереотипа взаимоотношений, при этом, пожалуй, самое раннее по времени. Именно потому, что Адамс был носителем научно-практических знаний, в которых нуждались правители современной ему Японии, но не проповедником идей, внушавших им такой страх, он сумел вжиться в японское общество и обеспечить себе в нем подобающее место. И если говорить о соединении в лице Адамса Востока и Запада, то речь, видимо, может идти лишь о сосуществовании на уровне материальном, но отнюдь не о взаимопроникновении двух отличных друг от друга духовных культур. Время для такого взаимопроникновения в эпоху Уильяма Адамса еще не пришло.

Г. Е. Светлов

Глава I

ЮНЫЕ ГОДЫ УИЛЬЯМА АДАМСА

В наши дни город Джиллингем (графство Кент) занимает обширную площадь — от Медуэй на севере до деревушки Лидсинг, лежащей в пяти милях к югу от этой реки. Старая часть города расположена вокруг приходской церкви св. Марии Магдалины, стоящей на возвышенности, откуда открывается прекрасный вид на протекающую ярдах в ста от нее реку. В этой старой части города раньше жили рыбаки и моряки. Здесь, в тот же год, когда родился Уильям Шекспир, на свет появился и Уильям Адамс.

Точная дата его рождения неизвестна, но, согласно записи в приходской книге, мальчика крестили 24 сентября 1564 года. Скорее всего он происходил из простой семьи, так как фамилия Адамс не упоминается ни в одном из дошедших до нас документов городского архива. Вполне вероятно, что море кормило семью Адамса и поэтому отец всячески поощрял увлечение сына морским делом. Однако, какие бы предположения мы ни строили, не вызывает сомнений, что детство Уильяма прошло среди людей, тесно связанных с морем, так как река Медуэй в XVI веке имела огромное значение для торговли и судоходства страны — она фактически была в те времена гаванью королевского флота.

Неудивительно, что в 1576 году двенадцатилетним мальчиком Уильям Адамс покинул родные места и уехал в Лаймхаус — город на берегу Темзы. Там он поступил в ученики к Николасу Диггинсу, известному корабельных дел мастеру. Ученичество в те времена продолжалось довольно долго. Только в 1588 году Уильям закончил обучение у Диггинса. Юному ученику явно больше нравилось плавать на судах, чем их строить, и, по-видимому, он не упускал случая выйти в море, так что вскоре стал первоклассным моряком. Уже в 1588 году он отправился в первое самостоятельное плавание в должности шкипера на судне „Ричард Даффилд” водоизмещением 120 тонн и с командой из 25 человек. Конечно, первое судно, которое доверили Уильяму Адамсу, было небольшим, однако то, что ему

поручили командование в столь раннем возрасте, свидетельствует о его способностях. Видимо, талантливый ученик заслужил прекрасные рекомендации своего наставника.

Уильям Адамс принял первое назначение в год, чрезвычайно важный в истории Англии. Именно в это время король Испании Филипп II двинул к английским берегам свою „Непобедимую Армаду“, и Англии необходимо было собрать все силы, чтобы противостоять грозному противнику. Уильям Адамс также внес скромный вклад в победу над врагом. Во время длительного морского сражения, в результате которого „Непобедимая Армада“ была разгромлена, „Ричард Даффилд“ подвозил боеприпасы и продовольствие английским кораблям, непосредственно участвовавшим в битве с испанцами.

Через несколько месяцев после победы над испанским флотом Уильям Адамс решил жениться. В Лондоне он познакомился с девушкой по имени Мэри Хин и 20 августа 1589 года обвенчался с ней в церкви св. Данстона в Степни. Однако после свадьбы Мэри редко видела молодого супруга. Начиная с 1589 года он почти все время находился в море. Адамс бороздил морские просторы от южной точки западного побережья Африки до архипелага Шпицберген на севере. Во время этих плаваний он совершенствовал свое мастерство штурмана и становился все более опытным и закаленным моряком. Позднее эти качества ему весьмагодились.

Одна из важнейших задач мореплавания во времена Уильяма Адамса состояла в том, чтобы найти северо-восточный проход в Ост-Индию, то есть путь мимо мыса Нордкап и далее — через моря Ледовитого океана, омывающие север России. В поисках этого нового пути особенно были заинтересованы голландцы, смелые моряки и предприимчивые торговцы. Восстание Нидерландов против испанского владычества привело к тому, что им закрыли доступ в испанские и португальские порты, где они раньше наполняли трюмы своих кораблей дорогими шелками и пряностями, которые испанские и португальские купцы привозили из Ост-Индии обычным морским путем вокруг мыса Доброй Надежды.

Когда английский престол занимала королева Елизавета, англичан и голландцев связывали довольно дружеские отношения — и те и другие немало страдали от агрессивности испанцев. Елизавета разрешала восставшим голландским морякам входить в устье Темзы для ремонта и отдыха, и вплоть до конца своего правления оказывала Нидерландам военную помощь в их борьбе за независимость. Поэтому голландские корабли были частыми гостями на Темзе, и молодой Уильям Адамс без труда завязал знакомство со многими голландскими моряками и купцами, к которым относился с большой симпатией. Без колебаний он согласился участвовать в голландских экспедициях, ставивших целью найти северо-восточный путь

в Ост-Индию, и в течение двух лет (с 1593 по 1595 год) плывал на этих судах. Обогнув мыс Нордкап, их корабли смело продвигались вперед до тех пор, пока жестокие морозы, ледяные поля и снег не заставили повернуть назад. Хотя Адамсу и его голландским друзьям не удалось найти северо-восточный проход, длительная совместная служба, трудности, лишения и опасности тесно сплотили англичанина с голландцами. На протяжении всей жизни Адамс относился к голландцам с большой теплотой, высоко ценил их, считая прекрасными мореходами и верными товарищами.

Однако он служил не только у голландцев. Долгое время Уильям Адамс плывал капитаном на судах „Лондонской компании по торговле с берберами“, которые ходили к берегам Северной Африки и вели оживленную торговлю с местными жителями, именовавшимися в те времена берберами. Голландцы тоже торговали в этом районе, и Уильям имел возможность часто встречаться со своими друзьями из Нидерландов. В свое время голландец по имени Брурс участвовал в основании голландской компании для торговли с побережьем Северной Африки. В 1598 году он же способствовал осуществлению еще одного смелого проекта, суть которого заключалась в том, чтобы отправить экспедицию на Дальний Восток через Атлантический и Тихий океаны с целью найти новые источники обогащения. Адамс не мог не знать об этом плане. Неизвестно, сам ли он предложил свои услуги голландским мореходам, или они первыми обратились к нему с предложением принять участие в новом походе, но в итоге Адамс отправился штурманом на одном из кораблей этой экспедиции. Этот шаг изменил всю его дальнейшую жизнь и привел к тому, что он никогда больше не увидел родную Англию.

Пять кораблей, составлявших голландскую флотилию, по христианской традиции того времени носили религиозные названия: „Гелоф“ („Вера“), „Блейде Бодскап“ („Благовещенье“), „Троу“ („Обет“), „Хоп“ („Надежда“), „Лифде“ („Милосердие“). До этого похода последний из них назывался „Эразм Роттердамский“ в честь великого голландского гуманиста XVI века. Впоследствии по каким-то причинам судно было переименовано. Несмотря на новое название, корму корабля по-прежнему украшала деревянная статуя Эразма. Когда „Лифде“, единственному уцелевшему судну экспедиции, наконец удалось достичь берегов Японии, японцы сняли с корабля статую и поместили в один из храмов. У них не было сомнений, что это изображение Катэки-сама¹, бога-покровителя морепла-

¹ Здесь, видимо, речь идет о популярном божестве народных верований Компира, который считался покровителем мореплавателей и купцов. (Здесь и далее примеч. ред.)

вания, и оказывали ему должные почести. В течение многих лет в Японии поклонялись этой статуе как божеству, прежде чем перенесли из храма в императорский музей в Токио, где она находится и по сей день.

В те времена экспедиция на Дальний Восток считалась чрезвычайно рискованным мероприятием. Дело осложнялось еще и тем, что участники экспедиций являлись протестантами, а путь лежал через Южные моря, где господствовали испанцы. Мэри, супруге Уильяма Адамса, вероятно, было грустно и тревожно, когда в июне 1598 года настало время прощаться с мужем, который отплывал в Роттердам, чтобы присоединиться там к своей команде. На этот раз предстоящая разлука была особенно тяжела для Мэри — ведь совсем недавно у них родилась дочь, которую назвали Деливеренс. Да и Адамсу наверняка нелегко было покинуть жену и ребенка, отправляясь в столь далекое и опасное плавание, хотя для моряков расставания — дело привычное.

Голландская экспедиция покинула Роттердам 27 июня 1598 года. В ее задачи входило: нападать на владения испанцев в Новом Свете и грабить их, открывать новые земли в Тихом океане и налаживать торговые отношения с Ост-Индией и Японией. Сначала флотилию возглавил голландец Якоб Маху, но вскоре он скончался и командование принял на себя другой голландец — Симон де Кордес. Кроме голландцев в составе экспедиции оказалось несколько англичан: Уильям Адамс, его брат Томас, близкий друг Адамса Тимоти Шоттен и некто Спринг. Всем им, за исключением Адамса, суждено было погибнуть во время этого плавания.

В начале похода Адамса назначили штурманом на „Хоп“, но вскоре его перевели на „Лифде“, которым командовал капитан Якоб Квакернак. Команда этого судна состояла из ста десяти человек, здесь же служил и младший брат Адамса — Томас. Адамсу очень повезло, что он перешел на „Лифде“, так как во время перехода через Тихий океан судно „Хоп“ бесследно исчезло и больше о нем никогда не слышали.

Покинув Роттердам, флотилия взяла курс на юг, обогнула мыс Сан-Висенти, прошла вдоль побережья Северной Африки и островов Зеленого Мыса. С погодой не повезло: дули сильные встречные ветры. В сентябре корабли вынуждены были бросить якорь у мыса Лопес недалеко от берегов Западной Африки. Во время стоянки на берег отправили больных членов экипажа, многие из которых вскоре умерли. После отдыха корабли двинулись в Гвинейский залив к острову Аннобон, которого достигли 16 декабря. Две шлюпки, отправленные на берег, вернулись ни с чем, так как португальцы, владевшие этим островом, и местные жители не позволили морякам высадиться, несмотря на все попытки голландцев объяснить, что

они пришли с миром и просят лишь дать им возможность пополнить запасы продовольствия и оказать помощь больным.

В результате долгих переговоров португальцы разрешили чужеземцам приплыть на следующий день. Однако, когда на другое утро голландцы попытались сойти на берег, повторилось то же самое. Тогда Симон де Кордес приказал спустить на воду все шлюпки. Большой, хорошо вооруженный отряд высадился на берег и в боевом порядке с развевающимися знаменами направился к португальскому поселению. Заметив противника, португальцы подожгли свои жилища и отступили в горные районы острова. Голландцы же, захватив поселение, перенесли туда больных членов экипажа и стали залечивать раны после изнурительного плавания. По-видимому, португальцы постоянно совершали набеги на их лагерь, и Симон де Кордес вынужден был 24 декабря послать в горы вооруженный отряд из ста пятидесяти человек. В результате серьезной стычки португальцы были разбиты и наконец оставили голландцев в покое.

2 января 1599 года путешественники, на прощание предав огню церковь и оставшиеся в поселении дома, отплыли с Аннобона. Они направились к Магелланову проливу через Южную Атлантику. Во время этого перехода, как указано в судовом журнале „Троу“, произошел невероятный случай. 20 января один моряк-англичанин сидел на корме и завтракал. Вдруг он упал на палубу. Моряк лишился дара речи, вид у него был ужасный. К полудню он скончался.

6 апреля 1599 года флотилия подошла к Магелланову проливу. К тому времени в Южном полушарии началась зима, и корабли вынуждены были укрываться в проливе до 24 сентября, когда с приходом южного лета установилась благоприятная погода. Зимовка в Магеллановом проливе оказалась очень тяжелой. Запасы продовольствия подходили к концу. Из-за лишений и голода несколько человек умерли. Трудности заставили путешественников вспомнить о боге. 2 августа, несмотря на глубокий снег, который все еще покрывал землю, Симон де Кордес собрал всех участников экспедиции на берегу и устроил молебен: оставшиеся в живых взывали к всевышнему и молили о защите.

Во время стоянки в Магеллановом проливе командование уточнило дальнейший план экспедиции. После выхода в Тихий океан было решено напасть на испанские поселения на побережье Перу и разграбить их. На тот случай, если во время шторма или другого бедствия какой-либо из кораблей окажется оторванным от флотилии, место встречи назначили на широте 46° у берегов Чили. Командование своевременно предусматривало такую возможность, так как сразу по выходе из Магелланова пролива все пять судов были действительно разбиты штормом. Однако „Гелоф“, потерявший из виду флоти-

лию, не направился к месту встречи, а вернулся в Магелланов пролив и оттуда — через Атлантику — домой, в Голландию. Экипаж „Троу” проявил такое же непослушание. Правда, судно направилось к берегам Ост-Индии, где в довершение всех испытаний было захвачено португальцами. „Блейде Бодскап” взял курс на север, минуя условленное место встречи, и в Вальпараисо попал в руки испанцев.

На „Лифде”, где находился Адамс, естественно, не знали, что произошло с остальными судами, так как всякая связь между ними после выхода из пролива была нарушена. Однако в соответствии с договоренностью судно прибыло в назначенное для встречи место и ждало там в надежде, что рано или поздно остальные корабли туда подойдут. После месяца тщетного ожидания у капитана „Лифде” не осталось сомнений, что произошло самое худшее. Тогда было решено самостоятельно продолжить намеченное плавание. Взяли курс к острову Моча, от него — к острову Мадре-де-Дьос у берегов Чили. Однако на этих островах не удалось запастись достаточным количеством провизии и пресной воды, и тогда 9 ноября 1599 года в местечке Пуанта ди Лавапье на побережье Чили с корабля отправили отряд в 23 человека, среди которых находился брат Адамса — Томас. Высадившийся на берег отряд попал в засаду, устроенную местными жителями, и погиб.

После этой трагедии „Лифде” покинул негостеприимную землю и вернулся к острову Мадре-де-Дьос. Там печаль команды сменилась неожиданной радостью: моряки увидели, как от острова отплывало судно „Хоп” под командованием Тимоти Шоттена — друга Адамса. Как только смолкли взаимные приветствия и поздравления, состоялся военный совет, на котором присутствовали оба друга. Совет постановил незамедлительно покинуть берега Чили, так как оставаться там далее казалось опасным. Не было сомнений, что испанцы вскоре вышлют военные корабли, чтобы наказать незваных гостей. После жаркого спора совет принял решение, на котором особенно настаивали Адамс и Шоттен: не возвращаться в Голландию, а продолжать плавание. Путь экспедиции лежал через Тихий океан к берегам Японии. Трюмы обоих судов были наполнены тканями, а по сведениям голландцев, именно этот товар пользовался наибольшим спросом в Японии.

Итак, не имея никаких известий о судьбе остальных трех кораблей, „Хоп” и „Лифде” 27 ноября 1599 года покинули остров Мадре-де-Дьос и отправились в длительное и опасное плавание через океан, который в те времена был еще мало исследован. Два одиноких судна старались держаться как можно ближе друг к другу в этих необъятных морских просторах на пути в неизведанное. Но в канун рождества поднялся сильный шторм, и корабли вынуждены были разойтись. Когда океан успокоился, „Хоп” бесследно исчез.

В течение четырех с лишним месяцев „Лифде” одиноко бороздил Тихий океан. К сожалению, судовой журнал, рассказывающий о последнем этапе плавания Адамса в Японию, не сохранился. Но все ужасы этого перехода Адамс позднее ярко описал в своих письмах домой в Англию. Запасы продовольствия истощались с каждым днем, и не было никакой возможности их пополнить. Команда слабела, и люди умирали один за другим. Наконец в живых осталось лишь 24 человека, в том числе капитан и Уильям Адамс. Однако все они находились в такой стадии истощения, что с трудом могли передвигаться по палубе и выполнять работу, необходимую для продолжения плавания. И если бы 19 апреля 1600 года на „Лифде” не заметили наконец японский берег, без сомнения, вся команда погибла бы от голода и лишений.

Когда судно достигло берегов Японии, только семь человек, включая Адамса, держались на ногах. Остальные в последние дни плавания лишь ползком передвигались по судну, а некоторые не способны были даже и на это. Из 24 членов экипажа „Лифде”, которых поднявшиеся на борт японцы застали в живых, трое скончались на следующий день, несмотря на все усилия японцев спасти им жизнь, а спустя несколько дней за ними последовали еще трое.

Таких страшных испытаний стоило Адамсу и его товарищам плавание к берегам Японии. Во время этого тяжелейшего перехода по бескрайнему Тихому океану они, вероятно, не раз глубоко раскаивались в том, что согласились продолжать плавание, а не вернулись домой. Наверное, Адамсу пришлось снести немало упреков и оскорблений в последние, особенно страшные недели похода, ведь именно он был самым ярким сторонником идеи довести экспедицию до конца.

Несмотря на стойкость и мужество, вероятно, и самому Адамсу пришлось пожалеть, что он когда-то отстаивал это решение. Когда усталый Уильям с полным безразличием наблюдал, как проворные японцы карабкались по фальшборту „Лифде”, сновали по палубе и, сгорая от любопытства, спускались в люки, в то время как немногие оставшиеся в живых моряки, истощенные и обессиленные, беспомощно лежали в своих выцветших лохмотьях на палубе, он, видимо, в отчаянии качал головой и вопрошал:

— За что такие жестокие испытания выпали на нашу долю?

Он и не подозревал, что судьба привела его с товарищами в эту страну в один из решающих моментов в ее истории и ему лично суждено сыграть важную роль в событиях, которые изменят дальнейшую судьбу Японии, а его труд и страдания будут, хотя и весьма странным образом, щедро вознаграждены на земле, куда привело его судно „Лифде”.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ЯПОНИИ

Уильям Адамс в его друзья оказались у берегов Японии как раз в то время, когда в стране шла гражданская война, которая вскоре закончилась приходом к власти семейства Токугава. Эта сильная группировка входила в клан Минамото. В XII веке Ёритомо, глава этого клана, возложил на себя высочайшие полномочия и заставил японского императора (микадо) пожаловать ему титул сёгуна², а с ним и право решать все внутренние и внешние проблемы страны. Так исторически в Японии сложилась ситуация, когда существовало два правителя: микадо, не имеющий реальной власти и осуществляющий лишь церемониальные обряды, и сёгун — истинный правитель страны. С тех пор как власть сёгуна стала столь могущественной, различные японские кланы начали оспаривать право на этот титул. Начались междоусобные войны, которые в течение многих веков терзали страну, и слабые императоры не способны были положить им конец.

Лишь в XVI — XVII веках Япония стала постепенно выходить из состояния затянувшихся междоусобиц. Уильям Адамс со своими товарищами попал в эту страну в то время, когда в Японии только начал восстанавливаться закон и порядок, и вся власть сосредоточилась в руках одного человека, который вошел в японскую историю под именем сёгуна Иэясу. В 1569 году Иэясу из семейства Токугава стал одним из самых могущественных феодалов Японии. Однако получить звание сёгуна ему мешал Хидзэси — другой знатный и еще более могущественный феодал. Когда в 1598 году Хидзэси умер, Иэясу решил, что его час наконец пробил. Хидзэси имел сына по имени Хидзэри, который должен был унаследовать власть над страной. Мальчик, безусловно, являлся помехой для Иэясу, и он решил убрать его со своего пути как можно скорее.

Перед смертью Хидзэси назначил регентский совет для управления страной до тех пор, пока Хидзэри не подрастет и не возьмет в свои руки бразды правления. Иэясу, естественно, входил в состав этого совета. Как раз в то время, когда голландское судно подходило к берегам Японии, Иэясу находился с визитом „как друг и советник” в родовом замке юного Хидзэри в Осака, но на самом деле думал только об одном — как бы поскорее от него избавиться. В связи с этим прибытие судна „Лифде” пришлось весьма кстати. Услышав о появлении ино-

² Сёгун — букв. „главнокомандующий”, „военачальник” (яп.).

странного судна, Иэясу приказал доставить к нему старшего по команде. Человеком, представшим перед ним, оказался не кто иной, как Уильям Адамс. От него Иэясу узнал, что на корабле находится такой ценный товар, как пятьсот фитильных замков, пять тысяч пушечных ядер, триста цепных ядер, пять тысяч фунтов пороха и триста пятьдесят зажигательных снарядов.

Этот товар пришелся Иэясу по вкусу. Он прекрасно понимал всю его важность, так как еще в 1542 году португальцы завезли в Японию огнестрельное оружие, и у японцев уже было достаточно времени и возможности научиться эффективно его использовать в своих постоянных междоусобных войнах. Иэясу тут же завладел всем оружием и боеприпасами, которые находились на борту „Лифде“, и не замедлил ими воспользоваться. Поссорившись со всеми членами регентского совета, он начал очередную войну, исход которой был решен 21 октября 1600 года в ходе великой битвы при Сэкигахара. С помощью голландского оружия Иэясу выиграл это сражение и стал полновластным правителем Японии. Три года спустя император официально признал власть Иэясу и пожаловал ему титул сёгуна. В 1605 году позиция Иэясу уже была настолько прочна, что он смог передать этот титул своему сыну Хидэтада, но продолжал править страной от его имени.

Несмотря на прочность своего положения, Иэясу испытывал постоянный страх, что после его смерти молодой Хидэёри попытается вновь вернуть себе власть и сместит Хидэтада. Иэясу считал, что единственный выход из этого положения — убить Хидэёри. Поэтому в 1614 году он предпринял штурм осакского замка, где обитал соперник. Однако замок был хорошо укреплен, и Иэясу не удалось захватить его с первой попытки. Тогда в 1615 году он пошел на хитрость, заключив с Хидэёри коварный мир, но в мае того же года нашел удобный предлог, чтобы возобновить военные действия и вновь атаковать замок. На этот раз ему сопутствовал успех. Замок был сожжен, а Хидэёри со всеми своими сторонниками и приближенными погиб под его руинами. Таким образом Иэясу навсегда покончил с противниками.

Упрочив свое положение и обеспечив будущее сыну, Иэясу занялся проблемой укрепления могущества Японии. Достаточно мудрый правитель прекрасно понимал, что, развивая в стране торговлю, тем самым он будет способствовать не только процветанию государства, но и умножит личное богатство и могущество, а это, несомненно, еще больше укрепит его положение. Поэтому Иэясу стремился наладить торговые отношения с различными странами. В интересах торговли на первых порах он был даже готов терпеть миссионерскую деятельность испанцев и португальцев, которые впервые появились в Японии приблизительно в середине XVI века. Его снисходительность к христианским миссионерам лишней раз свидетельствовала о том,

как серьезно он относился к развитию торговли, поскольку Иэ-ясу считал, что лишь традиционные японские верования могут служить надежной опорой для поддержания общественного порядка в стране и отрицательно относился к попыткам испанцев и португальцев насадить в стране христианство.

В Европе о существовании Японии узнали в средние века из записок Марко Поло о его путешествии на Дальний Восток, но первая встреча европейцев с жителями этой загадочной страны произошла лишь в середине XVI века, когда на ее землю ступили португальцы. В 1543 году португальское судно, направлявшееся в китайский порт, штормом было заброшено к берегам Танэгасима — маленького острова, лежащего к югу от острова Кюсю — самого южного из крупных японских островов. Японцы встретили чужеземцев довольно приветливо. После того как мореходы отдохнули и привели в порядок свое изрядно потрепанное после тяжелого плавания судно, японцы не чинили никаких препятствий их отплытию.

Воодушевленные теплым приемом, португальцы вскоре снова показали у берегов Японии. На этот раз они преследовали определенные цели: во-первых, наладить торговлю с местными жителями и, во-вторых, обратить их в истинную веру — христианство. За выполнение второй задачи взялся известный миссионер по имени Франсиско Ксавье³, впоследствии канонизированный. Он прибыл в Японию в 1549 году и за время двухгодичного пребывания заложил там основы христианства. Не забывали португальцы, конечно, и о торговле — во многих районах Японии вскоре начали свою деятельность торговые и миссионерские посты. В целом японцы произвели вполне благоприятное впечатление на европейцев. Об этом свидетельствуют два приведенных ниже письма: одно написано Франсиско Ксавье в ноябре 1549 года, а второе — португальским иезуитом Алессандро Валиньяно в августе 1580 года.

Вот, что писал о японцах Франсиско Ксавье:

„Из того, что мы узнали, живя в Японии, я могу сообщить следующее: прежде всего, люди, с которыми мы здесь познакомились, гораздо лучше всех тех, с кем до сих пор нам доводилось сталкиваться, и я считаю, что среди язычников нет нации, равной японской. У них хорошие манеры, в подавляющем большинстве они добропорядочны и незлобливы. Достоинно удивления их представление о чести, которую они ставят превыше всего. В основном они бедны, но ни среди дворян, ни среди других слоев населения бедность не считается чем-то постыдным. И бедные дворяне, и богатые простолюдины выказывают столько же почтения бедному дворянину, сколько и бога-

³ Франсиско Ксавье (1506–1552) — видный деятель ордена иезуитов, представитель ордена в Индии и Японии. Провел в Японии свыше двух лет (с 1549 по 1551 год).

тому, — подобного отношения не встретишь ни у одной христианской нации. И дворянин никогда не женится на девушке из другого сословия, какие бы деньги ему за это ни сулили, поскольку, по его мнению, женившись на представительнице низшего сословия, он тем самым унижит свое достоинство. Это, несомненно, свидетельствует о том, что честь для них превышает богатства. Они невероятно учтивы друг с другом, очень ценят оружие и во многом полагаются на него. Независимо от положения с четырнадцатилетнего возраста никто из них не расстаётся с мечом и кинжалом. Они не выносят оскорблений и пренебрежительных слов. Люди незнатного происхождения с большим уважением относятся к дворянам, которые, в свою очередь, считают для себя за честь верой и правдой служить своему сюзерену, которому они безоговорочно подчиняются. Мне кажется, подобное повиновение обусловлено не страхом перед наказанием за непослушание, а недопустимостью для них запятнать свое доброе имя недостойным поведением. Они мало едят, но много пьют, причем употребляют исключительно рисовую водку, поскольку обычных вин у них нет. Они никогда не играют в азартные игры, так как считают это бесчестным. Ведь игрок стремится получить то, что ему не принадлежит, значит, он вор. Японцы редко дают клятвы, а если все же и клянутся, то Солнцем. Многие здесь умеют читать и писать, что немало способствует быстрому запоминанию ими молитв и вообще восприятию истинной веры. В этой стране лишь в некоторых провинциях, да и то крайне редко, можно услышать о воровстве. Это достигается благодаря суровым законам правосудия, которое жестоко наказывает виновных, — вплоть до смертной казни. Поэтому к такому пороку, как воровство, они испытывают особое отвращение. Японцы отличаются доброжелательностью, общительностью и тягой к знаниям; любят слушать рассказы о Христе, особенно если они им понятны. Я за свою жизнь объездил немало стран, но нигде: ни в христианских государствах, ни в языческих странах — не встречал таких честных людей, как японцы. Большинство из них почитают древних мудрецов, которые (насколько я понимаю) вели жизнь философов; многие поклоняются Солнцу, некоторые — Луне⁴. Они любят слушать о том, что не противоречит разуму; вполне допускают, что грешны и порочны, и когда указываешь им на то, что является злом, — соглашаются...

Эти люди ведут очень здоровый образ жизни и доживают до весьма преклонного возраста. Японцы представляют собой

⁴ Очевидно, Ксавье имеет в виду национальную религию японцев — синто, в пантеоне которой важнейшее место занимает Аматаэрасу о-миками — „Великая священная богиня, сияющая на небе”. В мифологии синто фигурирует Цукиёми — „Бог счета лун”.

убедительный пример того, как человеческая природа может довольствоваться малым, даже если это малое не слишком приятно”.

Это описание японцев Франциско Ксавье справедливо и сегодня и в основном совпадает с тем, что написал о них 30 лет спустя иезуит Алессандро Валиньяно:

„Люди здесь — благородны, учтивы и чрезвычайно воспитанны, и в этом они намного превосходят все другие известные нам народы. Они умны от природы, хотя науки здесь развиты довольно слабо, поскольку японцы — самая воинственная и драчливая нация на свете. Начиная с пятнадцатилетнего возраста все мужчины, и богатые и бедные, независимо от общественного положения и рода занятий, вооружены мечом и кинжалом⁵. Более того, каждый мужчина, благородного происхождения или низкого, имеет такую неограниченную власть над своими сыновьями, слугами и другими домочадцами, что может, если того пожелает, убить любого из них без малейшего повода и завладеть его землей и добром. Они являются полновластными хозяевами своей земли, хотя часто сильнейшие объединяются, чтобы противостоять своим сюзеренам, которые в результате не всегда вольны поступать, как того хотят. Япония поделена между многочисленными правителями и феодалами, поэтому страну разрывают бесконечные междоусобные войны, процветает измена, и никто не чувствует себя в безопасности даже в своем собственном поместье...

Жители настолько бедны, что трудно даже представить, на какие скудные средства живут их короли и феодалы. Они так делят свои земли между своими вассалами, что даже при условии, что вассал служит сюзерену бесплатно, все равно доход последнего чрезвычайно мал. В то же время японцы с таким почтением и уважением относятся ко всем людям, и в частности к дворянам, что диву даешься, как это они, несмотря на страшную бедность, умудряются сохранять опрятный вид и хорошие манеры. Но их одежда, еда, обряды, поведение, обычаи так резко отличаются от того, что принято в Европе и у других известных нам народов, что создается впечатление, будто они специально все это придумали, чтобы только не походить ни на кого другого. Поэтому все мы, прибывшие сюда из Европы, оказались в положении малых детей, которым приходится учиться всему заново: как принимать пищу, сидеть, вести беседу, одеваться, демонстрировать хорошие манеры и тому подобное. Именно их самобытность и мешает нам, глядя на них из Индии или из Европы, разобраться в проблемах этой страны. Невозможно даже представить, что здесь происходит, так как это совершенно иной мир, другой образ жизни, обычаи и законы. Многие из того, что в Европе считается вежливым и достойным, здесь воспринимается как невероятное оскорбление и обида.

⁵ Здесь речь идет о военном сословии — самураях. Представителям других сословий при Хидэёси было запрещено носить оружие.

И наоборот, то, что здесь является общепринятым и без чего невозможно никакое светское общение с японцами, в Европе расценивается как нечто низкое и недостойное, особенно в религиозной среде.

Люди здесь привыкли жить так, как хотят, поскольку и мужчины, и женщины с детства воспитаны в абсолютной свободе: детям разрешается делать все, чего те пожелают; родители ни в чем их не сдерживают, не бьют и не бранят... Помимо всего прочего, они никогда не обсуждают свои дела непосредственно — только через посредника; даже отец и сын никогда не интересуются делами друг друга, не обсуждают никакие проблемы, не дают друг другу советов и ни о чем не предупреждают — все делается исключительно через третьих лиц. Поэтому всякое серьезное деловое общение с ними очень замедленно и затруднено. Местные обычаи и законы так необычны и так противоречат здравому смыслу, что научить их жить в соответствии с нашими законами чрезвычайно трудно...”⁶.

Несмотря на чуждые им обычаи и нравы, к которым приходилось привыкать и приспосабливаться, португальцы, движимые как религиозным рвением, так и торговыми интересами, начали постепенно закрепляться в Японии. Наконец в 1585 году их с большим трудом завоеванные позиции на этой земле были официально признаны папой римским, который провозгласил, что никто из европейцев, кроме португальцев, не имеет права вести торговлю и заниматься миссионерской деятельностью в этой стране. Однако крупнейшей католической державой в XVI веке оставалась Испания, а не Португалия. Гордые и сильные испанцы, несмотря на все их уважение к папе римскому, не могли примириться с мыслью, что Япония навсегда для них потеряна, хотя в свое время они сами подписали одно из условий договора 1580 года с Португалией, по которому португальские колониальные владения могли иметь свою, независимую от Испании администрацию и за португальцами сохранялась пожалованная папой римским монополия на всю миссионерскую деятельность на Дальнем Востоке. Испанские власти на Филиппинах первыми отказались подчиниться официальному соглашению 1580 года, и в 1593 году группа испанских монахов-францисканцев с Филиппин высадилась в Японии.

Вскоре вслед за португальскими мореплавателями и торговцами в Японию прибыли португальские иезуиты, которые волей обстоятельств быстро оказались втянутыми в торговые сделки. Их собственных доходов не хватало, чтобы покрыть все расходы по делам миссии, и поэтому с 1578 года они начали активно торговать в Нагасаки, куда каждый год приходили португальские суда с товарами из Индии и Китая. Особенно большим спросом в Японии пользовался привозимый ими китайский шелк. Иезуиты оказались неплохими торговцами

⁶ Boxer C. R. The Christian Century in Japan... L., 1951, с. 37—39, 74—76.

и переводчиками, что весьма им пригодились, так как японские власти, не одобрявшие их миссионерскую деятельность, вынуждены были долгое время терпеть их лишь как неизбежное условие для торговли между Португалией и Японией.

Хотя иезуитам для финансирования своей миссии в Японии и пришлось превратиться в торговцев, они никогда не забывали о своей главной задаче — обращении японцев в истинную веру, и выполняли ее с необыкновенным рвением и фанатизмом, что в конечном итоге привело к немалым жертвам. Возглавлял эту миссию в Японии в конце XVI века итальянец по имени Алессандро Валиньяно, который прожил в этой стране с 1579 до 1603 года.

Валиньяно, человек необычайно умный, понимал, что, если миссионеры хотят, чтобы их деятельность в Японии увенчалась успехом, они должны приспособиться к японскому образу жизни и обычаям, как бы трудно это ни было. Осознавая всю сложность этого процесса адаптации, Валиньяно и иезуиты всеми силами противились приезду монахов-францисканцев с Филиппин. Они боялись, и, как впоследствии выяснилось, не без оснований, что монахи поведут себя более грубо и не столь гибко, как того требовала ситуация, и разногласия между иезуитами и францисканцами нанесут вред миссионерскому делу.

Несмотря на все усилия Валиньяно не допустить монахов-францисканцев в Японию, в 1593 году они все же прибыли в страну. Монахи утверждали, что приехали сюда не ради торговли или миссионерства, а лишь в качестве послов испанского правительства на Филиппинах. Однако вскоре они построили церковь в Киото и монастырь в Осака. С того момента отношения между португальскими иезуитами и испанскими монахами приняли явно враждебный характер. Противоречия еще больше обострились в 1608 году, когда папа римский изменил свою прежнюю политику и предоставил испанским миссионерам полную свободу действий в Японии. На следующий год испанский король издал указ о том, что отныне испанцам разрешается торговать с Японией. Теперь португальские купцы и торговцы оказывали поддержку иезуитам, а испанцы — монахам-францисканцам, что еще усилило напряженность. Распри отрицательно сказались на общем положении христианской миссии в Японии.

Подозрительность и недоверие, которое испанцы и португальцы в Японии питали друг к другу, могли бы привести к серьезным столкновениям, если бы не появление голландцев-еретиков. Теперь их злоба вылилась на головы прибывших протестантов, которые к тому же были ненавистны испанцам как предатели и смутьяны, незаконно отделившиеся от испанской империи.

Восстание голландцев против испанского правления привело к тому, что по приказу испанского короля Филиппа II лиссабонский порт был закрыт для голландских судов. Эта акция явилась серьезным ударом для голландцев, которые до того регулярно совершали рейсы в Лиссабон. Там они закупали пряности и шелка, привозимые португальцами с Дальнего Востока, а затем продавали их с большой выгодой в странах Северной Европы. Поэтому, когда испанский король запретил нидерландским судам заходить в лиссабонский порт, голландцам оставалось либо принять этот удар и смириться, отказавшись навсегда от столь прибыльной торговли, либо искать новые пути к сокровищам Дальнего Востока, которые так притягивали к себе европейцев, что они готовы были платить за них большие деньги. Голландцы отличались упорством и смелостью, и, естественно, выбрали последнее: стали посылать на Дальний Восток свои экспедиции, чтобы завладеть богатствами этих загадочных стран, которые до сих пор полностью находились в руках испанцев и португальцев.

Конечно, путь, избранный голландцами, был нелегким. Их ожидало не только яростное сопротивление испанцев и португальцев, но также бесчисленные опасности и трудности, которые неизбежны на пути в неизведанное. Сначала голландцев постигла неудача. Это могло охладить кого угодно, но только не таких упорных людей, как голландцы. Первая голландская экспедиция в Ост-Индию покинула берега Нидерландов 2 августа 1595 года. Когда после двухлетнего плавания она вернулась на родину, доход от привезенных товаров с трудом покрыл расходы на экспедицию. Тем не менее голландцы не падали духом. В 1598 году они отправили на Дальний Восток еще несколько экспедиций. Одна из них представляла собой флотилию из пяти кораблей, и в качестве штурмана в ней принял участие Уильям Адамс, чьи злоключения вплоть до того момента, когда единственное уцелевшее судно экспедиции, „Лифде”, достигло берегов Японии, уже описывались выше.

„Лифде” подошло к Японии в районе городка Оита, расположенного на северо-восточном побережье острова Кюсю. Местные жители, едва завидев судно на горизонте, поплыли к нему навстречу на лодках. Уильям Адамс и его товарищи были слишком слабы, чтобы помешать японцам подняться на палубу. Последние не причинили морякам никакого вреда, хотя основательно разграбили корабль, пока японские власти пребывали в неведении. Однако вскоре местный правитель призвал на помощь блюстителей порядка, которые не замедлили положить конец дальнейшему грабежу, приказав ввести „Лифде” в гавань. Членов экипажа перевезли на берег и поселили в доме, обеспечив всем необходимым. Постепенно они стали приходить в себя после тяжелых испытаний, выпавших на их долю.

Тем временем губернатор Оита послал гонца к Иэясу, как к самому влиятельному члену регентского совета, чтобы по-

лучить инструкции относительно чужестранцев и их судна. Слух о прибытии в Японию белых людей, говорящих на неведомом языке, дошел и до португальских иезуитов в Нагасаки. Один из них был направлен в Оита в качестве переводчика, получив задание выяснить, кто они такие и с какой целью прибыли в Японию. Как рассказывал впоследствии Уильям Адамс, португальские иезуиты, узнав, что это голландские моряки, решили во что бы то ни стало убедить японцев их убить. В планы португальских иезуитов не входило, чтобы кто-либо из европейцев, а тем более голландцы нарушили их монополию в Японии на торговлю и на распространение христианства. По словам Адамса, иезуиты представили японцам команду „Лифде” как пиратов и разбойников, которые явились в Японию не торговать, а грабить и убивать. Когда же иезуиты узнали о запасах оружия и боеприпасов, хранящихся в трюмах „Лифде”, они использовали это как основной аргумент против голландцев, утверждая, что мирное торговое судно никогда бы не имело столько военного груза.

Наветы португальских иезуитов сделали свое дело: японцы стали гораздо хуже относиться к несчастным морякам. Их отношение еще ухудшилось из-за предательства двух членов команды, которые, по словам Адамса, заключили сделку с иезуитами, использовавшими безвыходное положение вновь прибывших. Португальцы пообещали этим морякам: если они расскажут все, что произошло во время плавания, их жизни будут спасены и в качестве вознаграждения они, возможно, получат некоторую долю прибыли от товаров, находящихся на „Лифде”. Обуреваемые страхом и алчностью, двое изменников поведали все, не забыв, конечно же, о первой половине похода до того момента, когда корабли потеряли друг друга из виду. Этот рассказ сыграл немалую роль в распространении мнения о голландцах как грабителях и пиратах.

Однако Иэясу не поддался на уговоры убить чужестранцев. Движимый естественным любопытством узнать, что это за люди, которые отличаются от португальцев и так им ненавистны, он повелел доставить к нему командира корабля. Голландец Якоб Квакернак, капитан „Лифде”, был еще слишком слаб после перенесенных испытаний и вряд ли выдержал бы такое путешествие. Выбор пал на Адамса. Ему поручили эту миссию не только потому, что он оказался вторым по старшинству после капитана, но еще и потому, что владел португальским языком, который был в то время основным средством общения между японцами и европейцами.

Нетрудно представить, как тяжело расставался Адамс со своими товарищами, ведь больные оставались в доме, отведенном для них японцами. Моряки понимали, что их судьба в большой степени зависит от того впечатления, которое произведет на могущественного японского правителя Адамс. И, покидая моряков, он наверняка услышал немало искренних

пожеланий успеха своей миссии. 12 мая 1600 года Адамс был доставлен в Осака на одной из собственных галер Иэясу и тут же предстал перед взором сёгуна.

В письме, которое Адамс отправил жене в Англию в октябре 1611 года, он так описывал свою первую встречу с сёгуном:

„12 мая 1600 года я прибыл в город, где проживал великий король, который приказал доставить меня ко двору. Его дворец — прекрасное здание, богато украшенное позолотой. Он встретил меня очень приветливо, даже, я бы сказал, благосклонно, подавая мне различные знаки, часть которых я понял. Наконец появился человек, говоривший по-португальски. Через него король⁷ задал мне ряд вопросов: откуда мы родом, что побудило нас отправиться в столь далекое путешествие и прибыть в его страну...”⁸

Адамс объяснил, что он англичанин, и вкратце рассказал об Англии и о том, где эта страна расположена. Затем мореплаватель сообщил, что англичане уже давно хотят торговать с Дальним Востоком, так как производят такие товары, которых нет на Востоке, и, наоборот, в восточных странах имеется ряд товаров, пользующихся большим спросом у англичан. При таких обстоятельствах торговля была бы выгодной для обеих сторон.

Иэясу слушал очень внимательно. Он понял все, что пытался объяснить ему Адамс. Однако в глубине его души оставалось сомнение в правдивости слов англичанина. Возможно, он думал, что торговля — не главная цель их прибытия в Японию. Ведь вполне вероятно, что обвинения португальцев не лишены оснований. В любом случае нельзя отрицать, что трюмы „Лифде” набиты оружием и боеприпасами. Это уже само по себе подозрительно... Поэтому Иэясу сразу перешел к делу. Он спросил Адамса, участвует ли Англия в каких-либо войнах. Ответ англичанина последовал незамедлительно, и он весьма понравился Иэясу:

— Да, — сказал Адамс, — Англия воюет, но не со всеми странами, а только с испанцами и португальцами. С остальными народами англичане живут в мире.

Иэясу был вполне удовлетворен этим ответом и перевел разговор на другую тему. Он задал Адамсу вопрос, поклоняется ли он каким-нибудь богам, и смелый моряк честно и просто ответил, что верит лишь в одного бога — создателя небес и земли. Иэясу вновь переменял тему и попросил Адамса показать ему, каким путем они прибыли из Англии в Японию. Англичанин предусмотрительно взял с собой карты и лоции и, раскинув карту мира перед Иэясу, показал весь путь судна от

⁷ В тексте при упоминании короля или императора речь идет о сёгуне. В ряде случаев европейские авторы называли королями владельцев князей — даймё.

⁸ *Rundall T. Memorials of the Empire of Japan. L., 1850, с. 39.*

берегов Голландии через Атлантический океан, Магелланов пролив и затем через Тихий океан в Японию. Иэясу, знания которого в географии были весьма ограниченными, нашел этот рассказ довольно увлекательным, хотя с трудом верил в его правдивость. Близилась полночь, и Иэясу дал понять, что на сегодня его любопытство вполне удовлетворено.

Однако перед тем, как отпустить Адамса, он задал ему еще один вопрос. Он хотел точно знать, какие товары для торговли имелись на „Лифде”. Адамс зачитал список товаров, который был у него с собой. Затем, понимая, что аудиенция подходит к концу, Адамс смело попросил разрешения для него и голландцев торговать с японцами, как это делали испанцы и португальцы. Иэясу ответил что-то слишком быстро, и Адамс ничего не понял. Затем без дальнейших объяснений Адамса вывели от сёгуна и поместили в ту же тюрьму, где он находился до беседы с могущественным властелином.

На Иэясу англичанин произвел весьма благоприятное впечатление, хотя сёгуна и не покидали сомнения относительно истинных целей иноземцев. Ему особенно не давало покоя огромное количество оружия и боеприпасов, которое те привезли на своем судне. Поэтому через два дня он снова приказал привести к себе Адамса и на этот раз долго и много расспрашивал о войнах, которые ведет Англия, и о причинах вражды между англичанами, с одной стороны, и испанцами и португальцами — с другой. Адамс подробно ответил на эти вопросы, и снова, казалось, Иэясу остался доволен англичанином. Тем не менее его вновь поместили в тюрьму, правда, был отдан приказ обращаться с ним вежливо.

Хотя Адамс и заметил значительную перемену к лучшему в обращении с ним, его пребывание в тюрьме на этот раз было особенно тяжелым. Оно длилось шесть недель, и он ничего не знал о том, что происходит за ее стенами: каковы замыслы иезуитов и удалось ли им склонить Иэясу на свою сторону и заставить казнить команду „Лифде”. Каждый день Адамс ждал смертного приговора, а эта перспектива была не из приятных, тем более что он был немало наслышан о тех страшных пытках, которым в Японии подвергают приговоренных к смерти.

Наконец шесть мучительных недель полного неведения истекли — Иэясу вновь послал за Адамсом и опять вел с ним длительную беседу, во время которой, как обычно, задавал многочисленные вопросы. В ходе встречи последние сомнения Иэясу в искренности слов Адамса были развеяны. На этот раз японский правитель выказал ему благосклонность и с готовностью удовлетворил просьбу морехода позволить ему присоединиться к друзьям.

Пока Адамс находился в заключении, „Лифде” по приказу Иэясу отвели в порт Осака. Там судно и находилось в тот момент, когда Адамсу разрешили возвратиться к товарищам. Он нашел их в хорошей форме, так как они уже оправались после

мучительного плавания. Когда моряки увидели Адамса, радость их была столь велика, что некоторые даже не сумели сдержать слез. Адамса весьма удивило такое бурное проявление чувств. Но друзья поведали ему, что до них дошли слухи, будто он убит по приказу Иэясу, и они уже не чаяли увидеть его живым.

После того как радость встречи утихла, Адамс решил узнать, что стало с его личными вещами, оставленными на судне. Он очень огорчился, увидев, что все, в том числе морские инструменты и книги, исчезло. У Адамса остались лишь карты, которые он брал с собой к Иэясу, да одежда, что была на нем. Он узнал, что остальные члены команды также лишились всего имущества, так как японцы неплохо „поработали” на судне в первые часы их пребывания в Оита. Моряки обратились с жалобой к Иэясу, и тот приказал, чтобы европейцам немедленно вернули все, что у них украли. Однако из страха перед наказанием виновные еще надежнее запрятали награбленное, и поэтому очень мало вещей было возвращено потерпевшим. Тем не менее им заплатили 50 тысяч испанскими дублонами, которые почти полностью пошли на оплату питания и жилища за то время, которое команда прожила в этой стране.

Прошел еще месяц. Голландцы и Адамс пребывали в полном неведении относительно своей дальнейшей судьбы. Наконец поступил приказ, чтобы „Лифде” направился вдоль восточного побережья острова Хонсю в Эдо (Токио), где находилась одна из резиденций Иэясу. Сам же правитель со своей свитой отправился в Эдо сушей и оказался там гораздо раньше „Лифде”, который из-за шторма задержался. К моменту прибытия судна в Эдо неопределенность положения все более угнетала моряков. Пользуясь тем, что он уже сумел завоевать уважение японцев, Адамс решил попытаться получить разрешение для „Лифде” покинуть Японию. Он уговорил команду потратить большую часть возвращенных денег на взятки придворным из свиты Иэясу. Однако все попытки добиться такого разрешения, предпринимавшиеся в течение нескольких месяцев и поглотившие почти все оставшиеся в их распоряжении деньги, не увенчались успехом.

Вскоре среди голландцев начался ропот, который усилился, когда японцы официально объявили, что никто из членов экипажа не имеет права покидать страну. После этого известия трое или четверо голландцев потребовали, чтобы все оставшиеся деньги были поделены между членами команды. И хотя Адамс и капитан „Лифде” Якоб Квакернак как могли противились этому требованию, им пришлось уступить, так как они оказались в меньшинстве. Итак, все, что осталось от 50 тысяч дублонов, было поровну разделено между моряками, после чего они распрощались друг с другом и каждый стал самостоятельно пытаться приспособиться к новым условиям жизни. Чтобы как-то помочь в этом морякам, Иэясу проявил такую щедрость, что распорядился назначить каждому из них неболь-

шую годовую пенсию и ежедневный рисовый паек в два фунта. Таким образом, спустя почти два года после прибытия „Лифде” в Японию оставшиеся в живых члены экипажа, прошедшие вместе столько испытаний и бедствий, разбрелись кто куда по чужой стране, в которую их забросила судьба. Ни о ком, кроме Адамса, Квакернака и еще одного моряка, с тех пор ничего не известно.

Судьба, однако, благосклонно обошлась с Адамсом, он был обласкан Иэясу, так как сёгун ценил в нем интересного собеседника и часто за ним посылал. Как-то во время одной из таких бесед Иэясу намекнул: неплохо было бы, если бы Адамс построил ему корабль по европейскому образцу, поскольку из рассказов англичанина следовало, что он учился в Англии корабельному делу. Адамс всячески отрицал свои способности к плотницкому ремеслу, объясняя, что он всего лишь штурман.

Но Иэясу все чаще возвращался к этой теме. Он успокоил Адамса, сказав, что в случае неудачи тот не будет нести никакой ответственности и репутация его из-за этого нисколько не пострадает. И Адамс приступил к работе. С помощью старательных японских мастеров по образцу „Лифде”, созданного Питером Янсом Роттердамским, был построен корабль водоизмещением восемьдесят тонн. Это был настоящий успех, и Иэясу остался очень доволен. Он все больше и больше доверял Адамсу, посвящал в свои секреты, и вскоре англичанин стал не только другом великого правителя, но и его советником. Более того, одаренному моряку пришлось испытать свои силы и на учительском поприще: он преподавал Иэясу основы математики, которой тот весьма заинтересовался. Позже Адамс стал придворным переводчиком сёгуна, выступая посредником между японцами и европейцами и в этом своем новом качестве вытеснил занимавшего до него эту должность иезуита Родригеса Цудзу.

Такая разнообразная деятельность заслуживала награды, и она поистине оказалась царской. Иэясу сделал Адамса одним из своих крупнейших вассалов, даровав ему в Хэми, недалеко от Йокосука на юго-востоке острова Хонсю, большое загородное поместье с прислугой 80 — 90 человек. Теперь положение Адамса стало настолько прочным, что он решил жениться, тем более что шансов когда-либо вернуться на родину практически не оставалось. Выбор его пал на влюбленную в него дочь Магомэ Кагэю. Отец девушки был чиновником, ведавшим почтовой станцией на одной из главных дорог Японии. Пять важнейших дорог пересекали всю страну, и все они вели в Эдо. Для облегчения передвижения по стране с древних времен на этих дорогах построили многочисленные дорожные станции. Некоторые из них были довольно большими и насчитывали около ста лошадей, включая быстроходных. Сёгуны следили за состоянием этих станций и хорошо платили тем, кто на них работал, поэтому чиновник дорожной службы по тем временам считался персоной довольно важной.

Магомэ Кагэю, несмотря на такой ответственный пост, не принадлежал к числу японской знати и не занимал какого-либо высокого общественного положения. Кроме того, он не пользовался большим уважением, так как не отличался безукоризненной честностью. Поэтому нет сомнений в том, что, взяв в жены его дочь, Уильям Адамс не преследовал никаких корыстных целей. По-видимому, он женился по любви. Миссис Адамс оказалась любящей женой и прекрасной матерью. Она родила Адамсу сына Джозефа и дочь Сюзанну. Брак был счастливым. Тем не менее у Адамса от другой японской женщины родился еще один ребенок. Эта женщина жила в Хирадо, в небольшом городке на западном побережье острова Кюсю.

Хотя по воле Иэясу Адамс стал крупным землевладельцем, жизнь сельского жителя его совсем не привлекала. Он заинтересовался торговлей и в связи с этим купил себе дом в Нихомбаси, одном из районов Эдо. (Позднее улица, на которой находился этот дом, была в честь Адамса переименована японцами в Андзин тэ — „Квартал Штурмана“.) Вскоре Уильям стал одним из самых состоятельных и влиятельных людей в Японии, и португальские иезуиты начали беспокоиться, удастся ли им заставить этого англичанина покинуть Японию. Они боялись, что он станет мстить им за тот недружелюбный прием, который они оказали ему и его голландским товарищам по прибытии в страну. Иезуиты опасались также, что Адамс и голландцы, будучи протестантами, попытаются ослабить веру новообращенных в католицизм японцев. Один из отцов-иезуитов в Нагасаки безуспешно предпринимал попытки уговорить Адамса и голландцев покинуть Японию, а иезуит по имени Пасио оставил интересные записи об этом факте.

«Святой отец (по словам Пасио) обратился к старшему из них (Адамсу) и предложил достать ему и его товарищам охранное свидетельство, дающее право выехать из Японии. Святой отец боялся, как бы они своими разговорами и „порочным учением“ не сбили еще не совсем окрепшие в католической вере души христиан с пути истинного.

Однако англичанин отказался от этого предложения, ссылаясь на то, что по многим причинам император не даст им такого разрешения. Тем не менее он поблагодарил святого отца, который не упустил также случая указать на всю ложность их учения и на правоту католической церкви, подкрепляя свою речь выдержками из Библии. Но он напрасно тратил время на упрямого еретика, который, не имея специального религиозного образования, но обладая живым умом, пытался защищаться, цитируя те же самые священные источники, которые он, к сожалению, неправильно понимал и интерпретировал. И хотя невозможно было не признать свои заблуждения под напором

неопровержимых доводов, приведенных святым отцом, он продолжал упорствовать в невежестве»⁹.

Эти строки из записок иезуита представляют большой интерес, так как в них дается характеристика Адамса как человека „живого ума“, раскрывается одна из главных черт его характера — упрямство, которое позднее приведет к раздору с Джоном Сэрисом, его соотечественником, присланным Ост-Индской компанией в Японию, чтобы основать там торговый пост. Записки Пасио не дают нам, к сожалению, детального описания этой живой схоластической дуэли между святым отцом и еретиком-англичанином, имевшим смелость спорить по вопросам веры с членом ордена Иисуса!

Наконец иезуиты поняли, что им никогда не избавиться от Адамса и тем более не обратить его в католическую веру, и тогда они решили наладить с ним дружеские отношения, поскольку его влияние все возрастало. Адамс не отверг эту дружбу, хотя не забыл, конечно, их намерений погубить его и товарищей по прибытии в эту страну. Но Адамс отличался не меньшей практичностью, чем они, и, считая, что иезуиты могут оказаться полезными в его торговой деятельности, готов был забыть, а может, даже и простить козни, которые они когда-то против него строили. Итак, он стал поддерживать деловые отношения с иезуитами и их соотечественниками в Японии, и время от времени за вознаграждение успешно совершал для них торговые операции и другие сделки.

К концу 1605 года дела Адамса в Японии процветали настолько, что даже португальские иезуиты сочли выгодным для себя помириться с человеком, который находился в таком фаворе у сёгуна. Несмотря ни на что, Адамса часто мучила тоска по дому, и тогда желание вернуться на родину, снова увидеть жену и ребенка, друзей и знакомых становилось просто невыносимым. В 1605 году, после очередного приступа ностальгии, он решил еще раз обратиться к Иэясу с просьбой разрешить ему покинуть Японию.

Г л а в а III

ПОЯВЛЕНИЕ ГОЛЛАНДЦЕВ И ИСПАНЦЕВ В ЯПОНИИ

Никогда еще Адамс не был полон такой решимости добиться разрешения покинуть Японию, как в 1605 году. Момент казался весьма благоприятным. Он узнал от португальцев,

⁹ Lettres Annales du Japon (1603 — 1606), Envoyées par le R. P. François Pasio. Lyons, 1609, с. 238 — 240.

что голландцы основали в Ост-Индии фактории и торговые посты, и, помня о заинтересованности Иэясу в расширении торговых связей Японии, обратился к нему с заманчивым предложением направить его в Ост-Индию, где он сумел бы убедить голландцев начать регулярную торговлю с Японией. Но и этот хитрый план провалился. Иэясу был непреклонен в своем решении не расставаться с Уильямом Адамсом.

А моряку так хотелось получить хотя бы какое-нибудь известие из дома! Он понимал, что если ему удастся связаться с голландцами, обосновавшимися в Ост-Индии, он наверняка сможет послать с ними весточку жене и друзьям на родину, сообщить им, что жив и здоров. Но как установить с ними связь, ведь Иэясу категорически запретил ему покидать пределы Японии? Не могло быть и речь о том, чтобы наладить контакт с голландцами через португальцев, так как вражда между этими двумя конкурентами в Ост-Индии в ту пору достигла наивысшего накала. Казалось, не остается никакой надежды. Тогда Адамс прибег к еще одной уловке: попросил Иэясу разрешить кому-нибудь из его товарищей отбыть в Ост-Индию для переговоров с голландцами.

После многочисленных уговоров Иэясу наконец дал согласие. И вот в 1605 году Якоб Квакернак и Мелькиор ван Сантворт (голландец из экипажа корабля) покинули Японию с разрешения Иэясу, получив задание найти своих соотечественников и установить с ними контакт. Они взяли с собой письмо от Иэясу, в котором тот приглашал голландцев торговать в Японию, и, конечно же, везли письма Адамса к жене и друзьям в Англию.

Квакернак и Мелькиор ван Сантворт отплыли от берегов Японии на торговой джонке, снаряженной Мацура Сигэнобу, губернатором Хирадо, города, расположенного в западной части Японии. Джонка направилась в Паттани в Сиаме (Таиланд), где голландцы только что основали один из своих торговых постов. Судно прибыло на место назначения 2 декабря 1605 года, и вот настал наконец самый счастливый момент одиссеи голландских моряков — встреча с соотечественниками. О том, что „Лифде” достигло берегов Японии, в Голландии узнали в 1601 году. Привез это известие Оливер ван Норт, капитан судна, повстречавшего у берегов Борнео (Калимантан) японскую джонку и услышавшего от ее штурмана, португальца, о судьбе „Лифде”. Знали ли об этом в Паттани — неизвестно, но, несомненно, голландцы были рады столь неожиданному появлению Квакернака и Мелькиора ван Сантворта. Моряки вручили письмо от Иэясу для последующей передачи Морису Насау, главе нидерландского правительства. Они также переслали в Англию письма Адамса.

Наконец их миссия была завершена; настала пора прощаться с соотечественниками и, согласно договоренности с Иэясу, возвращаться в Японию. Квакернак решил остаться на службе

в голландском флоте, который в то время вел военные действия в Ост-Индии против португальцев, и был убит в одном из сражений в октябре 1606 года. Мелькиор ван Сантворт вернулся в Японию и сообщил об удачном завершении миссии: связь с голландцами налажена, письмо Иэясу переправлено в Нидерланды, и вскоре голландские суда придут в японские гавани, чтобы навсегда покончить с португальской монополией на торговлю в этом районе.

Однако прошло немало времени, прежде чем донесения из Паттани достигли Голландии. Только 22 декабря 1607 года от берегов Голландии отошла флотилия и взяла курс на Дальний Восток с ответом Мориса Насау на послание Иэясу. Из Джохора адмирал Верхувен направил в Японию два судна — „Роде Люф мет Пейлен” („Красный лев со стрелами”) и „Гриф-фун”, которые 1 июля 1609 года прибыли в Нагасаки, а через несколько дней были уже в Хирадо.

Четыре долгих года прошло с того дня, как Якоб Квакер-нак и Мелькиор ван Сантворт передали письмо сёгуна, но все это время связь, установленная между Адамсом и голландцами из Паттани не прерывалась. 6 февраля 1608 года Спринкель, глава голландской торговой компании в Паттани, написал Адамсу письмо, к которому приложил также послание для Иэясу. В письме, адресованном японскому правителю, Спринкель приносил извинения за задержку с отправкой голландских торговых судов. Он объяснял это большими потерями, которые несут голландцы в войне с португальцами на Дальнем Востоке, и обещал, что в ближайшее время торговые суда непременно будут направлены в Японию. Письмо Адамсу было написано в льстивой и подобострастной манере:

„Достопочтеннейший, любезнейший и многоуважаемый Уильям Адамс! Хотя я и не имел удовольствия быть лично знакомым с Вашей Честью, так же как и Ваша Честь не имела возможности знать меня, тем не менее я много слышал о Вашей Чести от подателя сего письма Мелькиора ван Сантворта. Мне было чрезвычайно приятно услышать о той любви, уважении и почтении, которые Ваша Честь и Ваши друзья питают к моей Родине... Я счастлив узнать также о тех льготах и торговых привилегиях, которых Вы добились в Японии от Его Императорского Величества для Нидерландов и которые, как я могу себе представить, потребовали от Вас огромных усилий, хлопот, затрат и предприимчивости...

Мелькиор немало рассказывал о той большой благосклонности, которой Ваша Честь пользуется у Его Величества, поэтому я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой — лично передать Его Величеству письмо (которое прилагаю) и скромный подарок, и если Вас это не затруднит, то перевести ему письмо, в котором объясняется сложившаяся ситуация...”¹⁰

¹⁰ Nachod O. Die Beziehungen der Niederlaendischen Ostindischen Kompagnie zu Japan im Siebzehnten Jahrhundert. Lpz., 1897, App. 2, с. VII.

Это письмо еще более укрепило Адамса в решении оказывать посильное содействие голландцам, когда те придут в Японию. И поэтому, когда „Роде Люф мет Пейлен” и „Гриффон” подошли к Хирадо, Адамс одним из первых приветствовал гостей на японской земле, заверив их в своей дружбе и поддержке. Вскоре он смог на деле продемонстрировать, насколько полезны его услуги. Было решено: небольшая делегация от экипажей судов направится ко двору Иэясу, чтобы выразить сёгугу почтение, передать подарки и, конечно же, просить о торговых привилегиях.

Адамс сопровождал делегацию, и только благодаря его содействию Иэясу предоставил голландцам право торговать во всех портовых и даже отдаленных от моря городах, а также разрешил основать постоянно действующий торговый пост в Хирадо. Таким образом, голландцы вернулись от Иэясу довольные результатами визита, чем они полностью были обязаны Адамсу, и сразу же приступили к созданию торгового поста. Вскоре все уже было готово. Во главе нового предприятия поставили голландца по имени Якоб Спекс. Наконец 16 октября корабли покинули Японию и направились в Паттани.

Купцы, оставшиеся в Японии, рассчитывали на скорый приход голландских судов, однако прошел год, а ни один корабль не прибыл из Паттани. Якоб Спекс начал волноваться и в ноябре 1610 года сам отправился в Паттани, чтобы выяснить, в чем дело и что мешает наладить регулярное сообщение между Паттани и Хирадо. Прибыв в Паттани, Спекс с радостью и облегчением узнал, что вопреки опасениям его соотечественники не покинули Сиам и, более того, дела их компании процветали, но различные торговые сделки, а также нехватка судов не позволили выполнить обещание и приплыть в Японию.

Спекс объяснил им, что дальнейшая проволочка с открытием регулярной торговли с японцами может отрицательно сказаться на престиже голландских купцов и, кроме того, настроить против них Иэясу. Спекс также напомнил своим коллегам: если торговый пост в Хирадо постоянно не пополнять товарами, то очень скоро им будет совсем нечем торговать с японцами, а перспективность торгового поста в Хирадо и так уже значительно снизилась, потому что в течение года никаких новых товаров они не получали.

Купцы Паттани вынуждены были признать справедливость слов Спекса и постановили отправить с ним в Японию как можно больше товаров, чтобы обеспечить торговый пост в Хирадо на длительное время. Они сочли также необходимым, чтобы Спекс сразу по прибытии в Японию нанес еще один визит Иэясу и объяснил сёгуну причины, тормозящие установление регулярного торгового сообщения между Паттани и Хирадо. Вернувшись в январе 1611 года в Хирадо, он незамедлительно отправился ко двору великого правителя, взяв с собой в качестве

переводчика бесценного Уильяма Адамса, который сумел так задобрить сёгуна, что тот не только согласился еще раз предоставить Спексу торговые привилегии, но и внес в них дополнения, очень выгодные по сравнению с предыдущими, дарованными в 1609 году.

Однако, внимательно прочитав дарственную, Спекс обнаружил, что в ней ничего не говорится об отмене с японской стороны контроля над голландскими купцами при разгрузке товаров и совершении торговых операций. Спекс настаивал, чтобы требование голландцев было выполнено, и просил Адамса уладить этот вопрос с Иэясу. Адамс согласился помочь и 2 августа снова встретился с сёгуном. Ему удалось убедить правителя удовлетворить и это требование и позволить голландским купцам вести свои торговые сделки в Японии без всякого вмешательства со стороны японских властей.

Таким образом Адамс оказал неоценимую услугу голландцам в их переговорах с Иэясу, да и не только в этом. Он был настолько любезен, что предложил им остановиться в Эдо в его доме и жить там во время переговоров. Адамс столько времени тратил на голландских купцов, что совсем забросил собственные дела. Голландцы понимали это и были ему весьма благодарны за все те усилия, которые он прилагал, чтобы обеспечить успех их предприятия. В знак признательности они преподнесли ему в подарок несколько рулонов ткани. Завязавшаяся таким образом на японской земле тесная дружба между Адамсом и голландцами продолжалась до самой его смерти.

Даже когда голландцы и англичане начали соперничать друг с другом за господство на морях Дальнего Востока и голландские корабли ввели в гавань Хирадо захваченные в плен английские суда, Адамс не изменил этой дружбе, хотя его поведение в такой ситуации вызывало крайнее негодование соотечественников. Следует отметить, что руководство голландской Ост-Индской компании весьма ценило услуги Адамса и старалось выполнить любую его просьбу, если англичанин к ним обращался, хотя, находясь далеко от Японии, не было с ним лично знакомо и поддерживало лишь чисто деловые отношения.

Но именно неоценимость услуг Адамса компании и явилась причиной того, что голландцы делали все, чтобы как можно дольше сохранить в тайне от него тот факт, что и англичане, подобно им самим, стали торговать в Ост-Индии. Голландцы не хотели, чтобы их английские конкуренты узнали о чрезвычайно выгодном японском рынке, и прилагали все усилия, чтобы сведения о нем не дошли до англичан. Они даже запретили членам экипажей голландских судов передавать письма из Японии в Европу и обратно. Адамс и не подозревал, что письма, которые он доверял своим голландским друзьям, отплывавшим из Хирадо в Паттани, а оттуда в Нидерланды, никогда не попадали в руки адресатов в Англии, так как их конфисковывали и унич-

тождали чиновники компании. Такое ревнивое отношение к Японии помогло голландцам в течение нескольких лет удерживать Англию вдалеке от японского рынка, но это не спасло их от конкуренции испанцев. В 1611 году голландцам пришлось столкнуться с решительными попытками испанцев вытеснить их с занимаемых в Японии позиций.

Активная деятельность испанцев в Японии началась в 1608 году, когда папа римский снял запрет с представителей других стран, разрешив им наряду с Португалией миссионерскую деятельность на Дальнем Востоке. И сразу же францисканские монахи взялись за работу, соперничая с португальскими иезуитами в рвении нести свет истинной веры японцам и одновременно развивать торговлю между Японией и своей страной. Хотя Иэясу и не одобрял миссионерской деятельности испанцев, он был готов с ней мириться в интересах развития торговли в стране. Для того чтобы завязать торговые отношения с Испанией и испанскими колониями, в 1608 году он послал Адамса с дипломатической миссией на Филиппины, поручив ему встретиться там с губернатором и убедить его в выгодности торговли с Японией.

Адамс встретился с губернатором доном Родриго Виверо-и-Веласко и имел с ним беседу. Он так красочно описал перспективы торговли с Японией, что дон Родриго, не откладывая в долгий ящик, написал Иэясу два теплых письма и попросил Адамса лично вручить их вместе с подарками сёгуну, что англичанин и сделал, вернувшись в Японию. Испанцы не замедлили откликнуться на приглашение Иэясу. Теперь галеон, совершавший регулярные рейсы из Акапулько (испанская колония в Новой Испании — современная Мексика) в Манилу на Филиппинах, заходил в Урага, порт на восточном побережье Хонсю.

В 1609 году Адамс имел возможность еще раз увидеться с доном Родриго. Корабль, на котором губернатор плыл в июле из Филиппин в Мексику, потерпел крушение у берегов Японии. Во время вынужденной остановки испанца в Японии сёгун оказал ему достойный прием, и в знак благодарности губернатор обязался по прибытии в Мексику приложить все усилия, чтобы способствовать дальнейшему развитию торговых связей между Японией и испанскими колониями в Тихом океане. В связи с тем, что из-за серьезных повреждений корабль дона Родриго не мог продолжать плавание, Иэясу предоставил в его распоряжение другое судно, водоизмещением в восемьдесят тонн, по виду ничем не отличающееся от европейского. Это было то самое судно, которое построил для сёгуна Адамс.

Прибыв в Мексику, дон Родриго выполнил свое обещание, убедив вице-короля направить в Японию посла, которым назначили Нуно де Сотомайора. Однако его дипломатическая миссия была лишь прикрытием для другого задания, полученного от вице-короля Новой Испании капитаном корабля, на котором

Сотомайор отплывал в Японию, Себастьяном Вискайно, также входившим в состав посольской свиты. Задача Вискайно состояла в том, чтобы, во-первых, нанести на карту точные очертания Японии и, во-вторых, найти острова, расположенные к северу от Японии, богатые, по слухам, золотом и серебром.

22 марта 1611 года Вискайно вышел из порта Веракрус и уже через три месяца достиг берегов Японии. Сразу же после вручения сёгуну верительных грамот испанцы попросили разрешения обследовать побережье Японии, с тем чтобы в будущем, по их словам, любое испанское судно, попавшее в шторм и сбившееся с пути, могло легко добраться до японского порта. Иэясу, приветствовавший готовность испанцев торговать с Японией, незамедлительно дал на это свое согласие. Однако по другим вопросам он не был так сговорчив, особенно когда вдохновленный успехом посол заявил, что голландцы, находящиеся в Японии, — бунтовщики, восставшие против законного правительства — испанского короля, и потребовал от Иэясу выдворить их из страны. Сёгун отказался это сделать.

Ситуация была довольно напряженной, так как именно в это время к сёгуну с просьбой продлить торговые привилегии прибыла делегация голландских купцов, возглавляемая Якобом Спексом и Уильямом Адамсом. Голландцы, конечно же, пришли в ярость, узнав о наветах испанцев. Они уговорили Адамса встретиться с Вискайно и потребовать от испанцев объяснений. Адамс увиделся с Вискайно в Урага и договорился с ним о встрече с голландцами для разрешения спорных вопросов. Но по неизвестным причинам эта встреча так и не состоялась, и голландцам пришлось отбыть, так и не получив компенсации за свою оскорбленную честь. Адамс наверняка был рад, что эта история так неожиданно закончилась, так как его положение оказалось весьма щекотливым: он считался посредником не только между голландцами и сёгуном, но и между испанцами и сёгуном, и при таких обстоятельствах встреча, а возможно, и откровенная ссора между обоими торговыми партнерами Японии неизбежно привела бы к большим осложнениям.

Капитан Вискайно был надменным, властным человеком, выказывавшим спесь даже в беседах с сёгуном, чем произвел на японского правителя неблагоприятное впечатление. Иэясу заинтересовался у Адамса, все ли европейцы так высокомерны, как эти испанцы, но Адамс поспешил заверить его в обратном, объяснив, что это особенность одних испанцев, которые в своей гордыне и честолюбии лелеют мечту покорить весь мир. Для осуществления своих коварных планов они проводят очень хитрую политику: в те страны, которые они намереваются захватить, сначала посылают монахов-францисканцев и иезуитов, в чьи обязанности входит обратить как можно больше людей в католичество, затем, когда эта задача успешно выполнена, король Испании отправляет туда войска, и те уже с

помощью вновь обращенных (пятая колонна XVI века) быстро завоевывают эту страну для своего монарха.

Адамс поведал, что при помощи такой хитрой тактики испанцы уже подчинили себе огромные территории в Европе, Америке и Азии. А так как голландцев и англичан возмущают цели и методы испанцев, то они совместно борются против этих завоевателей. Адамс высказал также и собственные опасения относительно истинных целей испанцев при картографировании японского побережья. Он считал неблагоразумным разрешать лживому Вискайно продолжать эту работу, утверждая, что ни один европейский монарх не позволил бы такого испанцам, так как ни у кого не возникло бы сомнений: подобное исследование прибрежной линии ведется лишь для того, чтобы обеспечить успешную высадку своих войск при нападении на эту страну.

Иэясу внимательно выслушал мнение Адамса, однако гордо заявил, что испанцев не боится, и если они все же осмелятся напасть на Японию, то будут непременно разбиты, и не стал поэтому чинить препятствия работе по составлению карт. Но труд картографов так и не был закончен, поскольку испанцев больше всего манили к себе таинственные острова, изобилующие драгоценными металлами, и большую часть времени Вискайно тратил на их поиски. Нет надобности говорить, что поиски не увенчались успехом, так как подобные земли существовали только в воображении этих алчных людей. Наконец, совершенно разочарованные неудачей, испанцы в октябре 1613 года покинули Японию. Они отплыли, едва простившись с Адамсом, которого считали виновником своих бед. Испанцы обвиняли Уильяма в том, что он настраивал сёгуна против их миссионерской деятельности в Японии, и полагали, будто именно по его милости им не удалось во многих вопросах склонить Иэясу на свою сторону.

Их злоба не была беспочвенной, так как Адамс, верный протестантскому учению XVI века, терпеть не мог католиков, в особенности испанцев. Позднее португальские и испанские хроникеры с возмущением писали, что Адамс представил в глазах Иэясу папу римского и испанского короля как двух самых страшных разбойников на свете; они называли моряка „ужаснейшим еретиком, какого только можно себе представить“. Такую репутацию он заслужил за нескрываемую неприязнь к римскому католицизму.

В 1614 году в Урага произошел забавный случай с одним самоуверенным молодым францисканским монахом, который попытался взять верх над непокорным еретиком. Этот монах в одной из своих душеспасительных бесед с Адамсом старался убедить его, что искренняя вера может творить чудеса. Адамс с презрением высмеял его, и тогда монах, чрезвычайно задетый таким отношением, необдуманно пообещал воочию доказать

неопровержимость своих слов. На вопрос, как он собирается это сделать, монах ответил, что пройдет по морю, аки посуху, и докажет несильность истинной веры. Скептически настроенный Адамс, рассмеявшись, спросил о дате и месте представления, которое он был бы не прочь посмотреть. Монаху пришлось назначить время для своей „морской прогулки“. Известие об этом молниеносно разнеслось по всей округе, и когда в назначенный час монах пришел на берег моря помимо Адамса там собралась большая толпа любопытных.

Надо отдать должное мужеству монаха, отстаивавшего свои убеждения, — он сдержал слово и появился на берегу с большим деревянным крестом. С благоговением приложившись к нему, он торжественно вошел в море под любопытными взглядами собравшихся. Но, увы, святому отцу не удалось пройти по волнам — он тотчас же погрузился в пучину. Монах наверняка утонул бы, если бы вовремя не подоспел друг Адамса Мелькиор ван Санворт, который вскочил в лодку, поплыл за ним и вскоре выудил поборника веры из воды. На следующее утро Адамс пошел навестить незадачливого монаха, дабы осведомиться, как тот себя чувствует после купания. Его ждал довольно холодный прием. Монах продолжал упорствовать в своей теории чудес, утверждая, что чуда не произошло лишь по вине Адамса, чье неверие испортило все дело.

Подобный религиозный фанатизм не мог не беспокоить Иэясу, который исповедовал традиционную японскую религию, считая ее основой для поддержания общественного и политического порядка в стране, и опасался, что распространение новой веры может подорвать власть сёгуната. Кроме того, ему не давал покоя рассказ Адамса о том, как испанский король использует иезуитов и францисканских монахов для завоевания других стран. Несмотря на твердую уверенность в неуязвимости Японии, Иэясу беспокоили те последствия, к которым могла привести религиозная активность испанцев и португальцев, и в конце концов он решил с ней покончить.

В 1614 году Иэясу отдал приказ всем миссионерам-христианам покинуть Японию, а их церкви закрыть. Под угрозой смерти он запретил японцам исповедовать христианство. Однако он не слишком рьяно проводил указ в жизнь, опасаясь, что это может помешать торговле с испанскими колониями. Настоящие гонения на христианство начались позднее.

Г л а в а I V

ПОЯВЛЕНИЕ АНГЛИЧАН В ЯПОНИИ

В предыдущих главах немало внимания было уделено отношениям Адамса с португальцами, испанцами и голландцами.

Пора остановиться и на его взаимоотношениях с соотечественниками. Они последними прибыли в Японию, и им не суждено было там задержаться надолго. Безусловно, англичане знали о существовании этой страны еще задолго до того, как там оказался Уильям Адамс, и были заинтересованы в торговле с ней. Кое-какие сведения о Японии, возможно, проникли в Англию из испанских источников, а какую-то информацию об этой стране англичане почерпнули из книг. В 1577 году, например, в Англии вышла книга под названием „История путешествий в Вест- и Ост-Индию”, в четвертой части которой содержалась глава „Об острове Джапане и о прочих малых островах, лежащих на пути из Китая (Китая) к Молуккским островам”. Скорее всего именно эта книга и явилась первым источником сведений о Японии на английском языке. Через два года был издан перевод на английский язык записок Марко Поло, в которых также упоминалось о Японии. Перевод на английский язык в 1598 году „Итнерария, или Рассказов о путешествиях” голландца Линшотена не только взбудоражил воображение англичан, но и пробудил в них алчность, так как Линшотен описывал Японию как страну чрезвычайно богатую серебром, отмечая, что португальцы немало разбогатели на торговле с Японией, вывозя оттуда большое количество слитков серебра.

Поэтому неудивительно, что приблизительно в это время англичане также стали изыскивать возможности установления торговых связей с этой далекой и загадочной страной. В 1580 году Джекман и Пет, два капитана, служившие на судах „Маскови компани” в Лондоне, предприняли плавание с целью открыть северо-восточный проход в Ост-Индию. В полученной ими инструкции содержался следующий приказ: „Найти возможность доплыть до Японии”, где можно встретить „христиан, иезуитов из многих стран христианского мира и, возможно, даже англичан”.

Однако Джекману и Пету не удалось достичь берегов Японии. И не приходится сомневаться, что Уильям Адамс оказался действительно первым англичанином, ступившим на японскую землю. Безусловно, англичанам было известно также о пребывании Адамса в Японии и его огромном влиянии на правителя этой страны, что не могло не сыграть роль в решении Ост-Индской компании послать в Японию купцов и наладить торговые отношения. Это подтверждается инструкцией, которую Ост-Индская компания дала в апреле 1611 года капитану первых английских судов, направленных в Японию. Ему предписывалось по прибытии в страну встретиться с „Уильямом Адамсом, англичанином, проживающим в настоящее время там и находящимся, по нашим сведениям, в большой милости у короля”. Руководство Ост-Индской компании могло узнать о положении, занимаемом Адамсом в Японии, от голландцев,

хотя возможны и другие источники. Вскоре им стало о нем известно непосредственно из писем, которые он с оказией отправлял на родину — они попали в руки руководства Ост-Индской компании от английских купцов, находящихся в Бантаме в Ост-Индии.

Первое из сохранившихся писем датируется 22 октября 1611 года и начинается весьма патетически:

„Моим незнакомым друзьям и соотечественникам в надежде, что вы не откажете в любезности переслать это письмо либо его копию или оповестить о нем кого-нибудь из моих друзей в Лаймхаусе, или в каком-либо другом городе, или в Джиллингеме графства Кент (Рочестер).

Узнав, что на острове Ява находятся английские купцы, я решил воспользоваться этим и написать несколько слов, да простит мне мою дерзость Достопочтенное руководство компании, с которым я не имею чести быть лично знакомым... И то, что я все же осмелился написать, объясняется исключительно моей безграничной любовью к моим соотечественникам и родной стране...”¹¹

Далее в этом же письме Адамс уделяет много внимания перспективам выгодной торговли с Японией и настоятельно советует Ост-Индской компании не медлить с отправкой туда судов. Экономисты того времени подчеркивали огромное значение для роста могущества страны накопления в ней больших запасов золота и серебра, и именно этот аргумент Адамс приводил в письме Ост-Индской компании. Он указывал на то, что голландским купцам удалось вывезти из Японии огромное количество золота и серебра без каких-либо препятствий со стороны местных жителей. Более того, японцы охотно меняли золото и серебро на такие товары, как шелк-сырец, ткани, свинец и промышленные изделия. Адамс писал:

„Поймите, голландцы имеют здесь доход не меньший, нежели в Индии, и им более нет нужды плыть за золотом и серебром из Голландии в Ост-Индию, поскольку в Японии достаточно этих благородных металлов, чтобы они могли использовать их для своих торговых сделок в Ост-Индии. Здесь большим спросом пользуются шелк-сырец, камчатная ткань, черная тафта, тонкие черные и красные ткани, свинец и другие подобные товары, которые приносят немалый доход...”¹²

В другом письме, написанном 12 января 1613 года Августину Спалдингу, представителю фактории в Бантаме, Адамс доказывал, что расходы Ост-Индской компании на установление торговых связей с Японией будут минимальными. Фактически, кроме обычной выплаты жалованья экипажу корабля и купцам, дополнительные затраты связаны лишь с подарками, которые время от времени необходимо подносить сёгуну и отдельным его приближенным, чтобы завоевать их расположение.

¹¹ *Rundall T. Memorials of the Empire of Japan*, с. 17 — 18.

¹² Там же, с. 31.

В том случае, если английская Ост-Индская компания внемлет его доводам и решит послать торговые суда в Японию, Адамс советовал плыть к восточному побережью страны, а не в Хирадо, который расположен на крайнем западе. Было бы неразумно направлять корабли в Хирадо, так как этот порт является торговым центром голландцев, и если англичане обоснуются там, неминуемо столкнутся с жестокой конкуренцией. Более того, указывал Адамс, необходимо время от времени посещать двор сёгуна, который расположен как раз в восточной части Японии, и потому поездки английских купцов ко двору из Хирадо были бы весьма длительными и утомительными. К тому же и берег в восточной части страны более удобен для подхода кораблей, нежели в других районах, да и перспектив для торговли там гораздо больше, так как голландцы еще не успели широко развернуть свою деятельность.

По его словам, суда должны подходить «к восточной части Японии на широте $35^{\circ}1'$, там, где находятся резиденции короля и императора. Если же наши корабли придут в Ферандо (Хирадо), где обосновались голландцы, то поездка ко двору, расположенному приблизительно в 230 л [игах], будет трудной и утомительной. Город Эдо (Токио) расположен на широте 36° , и именно в этой восточной части страны находятся самые лучшие гавани и подход к берегу очень удобен, так как там на расстоянии полумили от берега нет ни отмелей, ни рифов. Этот район также хорош для торговли. Для большей безопасности подхода кораблей посылаю вам карту Японии, которую я составил сам, объехав вокруг восточного побережья на судне, построенном мною для императора. Так что я хорошо знаю берег, лежащий на широте 36° .

Если какой-либо ваш корабль подойдет к восточной части страны, пусть экипаж непременно справится обо мне. Меня здесь называют по-японски „Ау-Дзю сама”¹³. Под этим именем меня знают на всем побережье, и не стесняйтесь обратиться ко мне. Я направлю к вам лоцманов, которые проведут ваши суда в любую гавань. Заверяю, что, прислав сюда суда, многоуважаемая компания найдет в моем лице преданного слугу и Ваши представители останутся довольны моей службой...»¹⁴

Однако руководство Ост-Индской компании еще задолго до того, как вышеупомянутые письма дошли до адресата, решило направить торговый флот на Дальний Восток, чтобы установить торговые отношения с Японией, немало рассчитывая на помощь Адамса. 4 апреля 1611 года капитан Джон Сэрис получил от компании инструкции, в которых говорилось, что он должен принять на себя командование флотилией, состоящей

¹³ Андзин-сама („Г-н Штурман”). Адамс также известен под именем Миура Андзин, первая часть его имени указывает на полуостров в Токийском заливе, где находилось его поместье в Хэми. (Примеч. авт.)

¹⁴ *Rundall T. Memorials of the Empire of Japan*, с. 43 – 45.

из трех судов — „Клоув“, „Гектор“ и „Томас“, направляющихся на Дальний Восток. Его задача состояла в том, чтобы загрузить в Индии два судна пряностями и другими ценными товарами, после чего отправить их обратно к берегам Англии. Сэрису же предписывалось на „Клоуве“ плыть дальше к берегам Японии.

Далее в инструкции указывалось: „...желательно, чтобы, прибыв в Японию, Вы нашли удобную и безопасную гавань, где можно было бы вести торговлю, предложив для продажи ткани, свинец, железо и другие наши отечественные товары, и постарались бы при этом выяснить, какие товары пользуются там наибольшим спросом... а также поговорить и посоветоваться с представителями других факторий, в особенности с Уильямом Адамсом, англичанином, который в настоящее время проживает в этой стране и, как мы слышали, пользуется неограниченным расположением короля. В частности, крайне важно выяснить у него, каким образом можно вручить письма Его Величества, которые мы с Вами посылаем, какие и кому преподнести подарки, кто должен их вручать и как вообще должна происходить эта церемония... Далее, если вышеупомянутый Уильям Адамс, хорошо знакомый с жизнью и обычаями этой страны, заверит Вас в успехе предприятия и гарантирует его безопасность со стороны королевской власти, и если Вы будете уверены, что товары Компании найдут хорошего покупателя и принесут немалый доход, то с согласия Ричарда Кокса и других представителей Компании, находящихся на борту Вашего судна, можете основать там факторию, оставив в Японии на Ваше усмотрение наиболее подходящих представителей Компании для организации предприятия, а также необходимое количество товаров для налаживания торговли и функционирования фактории... Кроме того, в том случае, если Уильям Адамс перед Вашим отплытием из Японии обратится к Вам с просьбой отвезти его на родину, чтобы навестить жену и детей, предоставьте ему удобную каюту и обеспечьте, насколько это возможно, всем необходимым...”¹⁵

Отправившись в путь 18 апреля 1611 года, Сэрис 24 октября того же года прибыл в Бантам в Ост-Индии. После того как пряности и другие товары были погружены в трюмы „Гектора“ и „Томаса“, согласно инструкции он отправил их назад в Англию, а сам на „Клоуве“ 15 января 1613 года покинул Бантам и взял курс на Японию. 12 июня 1613 года судно прибыло в Хирадо. Наконец мечта Адамса сбылась. Его соотечественники, подобно представителям других крупнейших морских держав Западной Европы, прибыли в Японию, чтобы вести с ней выгодную торговлю, и в этом была немалая заслуга самого Адамса.

¹⁵ Satow E. The Voyage of Captain John Saris to Japan. Introduction. L., 1900, с. XII — XIV.

12 июня 1613 года судно „Клоув” вошло в порт Хирадо, но Адамса в то время там не оказалось — он находился довольно далеко, в восточной части страны, в Эдо. В конце 1612 года Адамсу уже было известно, что Ост-Индская компания намеревается послать в Японию какие-то суда. Об этом он узнал из письма главы Ост-Индской компании, которое доставило голландское судно — оно прибыло в Хирадо из Паттани в сентябре 1612 года. Адамс долго жил в Хирадо, поджидая соотечественников, но в конце концов дела вынудили его покинуть этот город и уехать в Эдо. Адамс просил немедленно известить его, если английские суда придут в Хирадо в его отсутствие.

Сэрис, узнав по прибытии в Хирадо, что Адамса нет в городе, написал Уильяму короткое письмо с просьбой как можно скорее вернуться. По распоряжению губернатора Хирадо Мацуура письмо было тотчас же отправлено Адамсу со специальным гонцом. Прибывший в Эдо гонец не застал там Адамса, так как тот уже уехал в Сидзуока¹⁶. Гонец рассудил, что Адамс наверняка находится в своем поместье в Хэми, и направился туда, где ему и сообщили, что Уильям — в Сидзуока. Посланник вновь двинулся в путь, на этот раз в Сидзуока, где наконец вручил письмо Адамсу. Из-за столь длительного путешествия, которое совершило послание Сэриса, Адамс смог прибыть в Хирадо лишь в конце июля. Властолюбивый Мацуура пришел в неопишемую ярость, узнав, как долго выполнялся его приказ, ведь все это время капитан Сэрис бездействовал. Поэтому Мацуура навсегда изгнал несчастного гонца из Хирадо.

Сэрис тоже был чрезвычайно недоволен столь длительным отсутствием Адамса, но подавил раздражение и отдал приказ принять Уильяма с большими почестями, так как хотел создать благоприятную обстановку для переговоров. Адамс на лодке отправился на „Клоув”. Он был весьма поражен, когда в 10 часов утра 29 июля, поднимаясь на палубу судна, был встречен торжественным залпом из трех орудий. На борту „Клоува” его ждали Сэрис и другие английские купцы. Нетрудно представить себе, какие чувства охватили англичанина в ту минуту, когда после столь длительного перерыва он вновь услышал родную речь. Наконец все были представлены друг другу; отзвучали последние слова взаимных приветствий и поздравлений. Сэрис пригласил Адамса и купцов последовать за ним в дом, который он арендовал у японцев в качестве английской резиденции. Когда они подъехали к зданию, „Клоув” еще раз дал залп в честь Адамса, на этот раз из девяти орудий. Таким образом Сэрис продемонстрировал глубокое уважение к Адамсу всем жителям этого японского города, собравшимся, чтобы посмотреть, как процессия англичан шествует в свою резиденцию. Сэрис ступил на порог английской резиденции с чувством

¹⁶ В описываемое время город Сидзуока, называвшийся тогда Сумпу, служил резиденцией Иэясу. (Примеч. авт.)

удовлетворения — он сделал все от него зависящее, чтобы Адамс остался доволен.

Однако за время первой же длительной беседы восторг и радость встречи стали постепенно утихать. Более того, у Адамса и Сэриса они сменились взаимной антипатией, которая осталась у них на всю жизнь. Сэриса раздражали дифирамбы, которые Адамс расточал в адрес японцев. Впоследствии Сэрис записал в своем дневнике, что Адамс разговаривал и вел себя как „настоящий японец”. Однако он постарался скрыть все растущее недовольство и недоверие к Адамсу, надеясь, что званый обед, который он дал в честь гостя, как-то скрасит первое неблагоприятное впечатление. После обеда он пригласил Адамса переночевать в своем доме и страшно оскорбился, когда Уильям отказался от этого предложения, сославшись на то, что уже пообещал каким-то японцам в Хирадо остаться на ночь у них в доме. Еще одним поводом к обиде послужил довольно грубый отказ Адамса от предложения английских купцов проводить его до того дома, где он остановился. После его ухода англичане единогласно пришли к выводу, что их первое впечатление о хваленом Уильяме Адамсе — не самое лучшее. По какому праву, говорили они, этот человек настолько заносится, что считает своих соотечественников недостойными появляться вместе с ним на людях...

Несмотря на такое оскорбительное поведение Адамса по отношению к ним, англичане понимали, что не могут себе позволить выразить неудовольствие. Они были настолько заинтересованы в Адамсе, который должен помочь им установить торговые отношения с этой страной, что не только скрыли свое раздражение, но и продолжали всячески выказывать Адамсу знаки глубочайшего почтения и расположения. Так, на следующее утро, 30 июля Сэрис дал еще один званый обед в честь Адамса, на этот раз на борту „Клоува”, и снова английские купцы как могли развлекали Адамса, всячески стараясь угодить ему и расположить к себе, что было очень важно для дальнейших деловых переговоров с ним. Но не успел обед закончиться, как появился посыльный и сообщил Адамсу, что в Хирадо по срочному делу его ждут какие-то португальцы и испанцы. Адамс, к великому и уже плохо скрываемому негодованию хозяев, извинился перед ними и поспешил на берег для встречи со своими португальскими и испанскими деловыми партнерами.

Сэрис, который отличался вспыльчивым и несдержанным характером, был вне себя от ярости, да и остальные не меньше возмутились поведением Адамса, столь неучтиво покинувшего своих соотечественников, с которыми не виделся долгие годы. И ради кого? Ради тех, кто с давних пор считался заклятым врагом Англии! Однако после того, как первые взрывы возмущения стихли, Сэрис и купцы серьезно призадумались над тем, каким же образом завоевать расположение Адамса и начать

наконец деловые переговоры. Пришли к выводу, что необходимо преподнести ему в качестве подарка от Ост-Индской компании несколько рулонов ткани. 1 августа Сэрис лично от себя подарил ему шляпу, рубашку и носки, кожаные туфли, турецкий ковер и несколько рулонов ткани. В ответ на все эти роскошные дары Адамс со своей стороны расщедрился и подарил Сэрису баночку японского бальзама стоимостью, как потом выяснилось, 6 шиллингов. Нетрудно представить, что почувствовал английский капитан в тот момент, когда Адамс вручил ему этот более чем скромный подарок. Тем не менее, как впоследствии записал Сэрис в дневнике, он постарался скрыть свой гнев и „учтиво принял” эту маленькую баночку в ответ на богатые дары, преподнесенные Адамсу как лично от себя, так и от Ост-Индской компании.

На 2 августа у Адамса был запланирован визит к голландским купцам, которые в это время находились в Хирадо. После долгих колебаний он наконец согласился взять с собой Кокса, одного из английских купцов. Впоследствии Кокс доложил Сэрису, что по просьбе голландцев Адамс отчитался за товары, которые для них продал. Это доказывало, что Адамс работает на тех, кто являлся в то время самым серьезным конкурентом Великобритании на Дальнем Востоке. Это еще больше настроило против него Сэриса и других членов экспедиции.

— Голландцы ему ближе, чем соотечественники, — изрек Кокс, и, покачав головой, добавил: — Да простит его бог!

Но все же, несмотря на крайнее возмущение поведением Адамса, Сэрису и английским купцам никак нельзя было без него обойтись, если они хотели основать в Японии торговую факторию, приносящую хорошие прибыли Ост-Индской компании. Поэтому 3 августа Сэрис вновь пригласил Адамса на обед. Лишь после настойчивых уговоров ему удалось наконец убедить Адамса остаться на ночь и обсудить с ним предстоящий визит англичан к сёгуну: ведь им надлежало получить дарственную на торговые привилегии.

И вот долгожданные переговоры начались. Несколько раз, конечно, они прерывались гонцами, которых посылали к Адамсу его португальские партнеры с просьбами срочно с ними встретиться. Адамс отказал гонцам (возможно, что все это было специально подстроено самим Адамсом с целью показать свое влияние и силу), и англичанам все-таки удалось обсудить некоторые детали предстоящего визита.

4 и 5 августа Адамс был снова неуловим. Вечером 5 августа кипящему от злобы Сэрису уже пришлось умолять Уильяма срочно встретиться с английскими купцами, чтобы окончательно решить все проблемы, связанные с поездкой ко двору, но Адамс лишь высказал сожаление по поводу того, что встреча не состоится, так как он зван на прием к своим испанским партнерам. Сэрису пришлось проглотить и это. Таким образом,

Сэрис вынужден был отрабатывать последние детали важного визита без помощи Адамса. Наконец 7 августа все приготовления были закончены, и небольшое посольство, состоящее из 11 англичан, включая Адамса, покинуло Хирадо и отправилось к сёгуну добиваться получения дарственной на торговые привилегии.

Чтобы придать больший вес своей миссии, руководство Ост-Индской компании поручило Сэрису передать сёгуну письмо, подписанное королем Англии Яковом I. В письме говорилось:

„Яков I, волею всемогущего господя,
король Великой Британии, Франции и Ирландии, защитник
христианской веры, и прочее, и прочее, приветствует свет-
лейшего и могущественного императора Японии и т. д.

Высочайший и светлейший Император!

Ничто на свете так не способствует приумножению славы и доброго имени суверенных монархов, как распространение их славы среди других далеких народов, поэтому, узнав в последние годы от некоторых наших подданных, которые ведут торговлю с различными странами, соседствующими с Вашей страной, о величии и могуществе Вашей державы, мы осмелились поручить нашим подданным отправиться в Вашу страну, чтобы снискать Вашу дружбу и наладить с Вами отношения, дабы обмениваться такими товарами наших стран, которые представляют взаимный интерес для обеих держав. Мы не сомневаемся, что Ваше великодушие и расположение будут настолько велики, что Вы не только примете наших представителей со всей благосклонностью, но и окажете им всяческую поддержку и покровительство, дабы помочь им основать в Вашей стране торговую факторию, обладающую такой свободой и гарантиями, которые способствовали бы получению взаимовыгодных прибылей для обеих сторон. Что касается нас, то мы со своей стороны готовы создать все необходимые условия в нашем государстве и в странах нашего королевства для тех Ваших подданных, которые пожелали бы наладить с нами отношения. Мы молим всемогущего бога благословить Вас и ниспослать Вам всяческого процветания и побед над врагами. Написано в Вестминстерском дворце января восьмого года нашего правления Великобританией, Францией и Ирландией”¹⁷.

Когда настало время подать сие письмо, возникло множество проблем, так как Сэрис пожелал лично вручить письмо Иэясу, о чем и попросил Адамса уведомить секретаря сёгуна. В ответ на это секретарь велел передать Сэрису, что по японским обычаям подобные письма не принято вручать прямо в руки сёгуну. Последнее необходимо передать секретарю, а тот уже вручит его Иэясу. Услышав такое, Сэрис пришел в ярость и через Адамса заявил секретарю, что либо сам вручит письмо

¹⁷ Pratt P. History of Japan. (India Office Records, China. Vol. IX).
Kobe, 1931, с. 13.

сёгуну, либо покинет двор и откажется принимать участие в данной церемонии.

Однако этим ультиматумом Сэрис не запугал секретаря. Тот попросил объяснить Сэрису, что ни при каких обстоятельствах принятая в Японии придворная церемония не подвергается изменениям. Разгневанному Сэрису пришлось признать свое поражение, и церемония вручения письма английского короля прошла именно так, как того требовал секретарь: Сэрис удостоился чести войти к сёгуну с письмом, которое затем взял из его рук секретарь и передал Иэясу.

После того как письмо оказалось в руках у Иэясу, тот произнес несколько приветственных слов в адрес Сэриса, и на этом аудиенция закончилась. Тут был вызван Адамс, которого Иэясу попросил перевести для него письмо короля Якова I. Когда письмо было прочитано, Адамс подробно ответил на все вопросы сёгуна об английском короле, его богатстве и могуществе. Наконец, удовлетворенный ответами, Иэясу повелел Адамсу известить Сэриса о том, что все просьбы, если таковые имеются, должны быть изложены в письменной форме секретарю, который уже в свою очередь подаст их на рассмотрение Иэясу, всегда готовому проявить содействие.

Адамс сообщил об этом Сэрису, и на следующий же день они оба пришли к секретарю с прошением о предоставлении англичанам дарственной на торговые привилегии. Это прошение в письменном виде было передано через секретаря Иэясу, который тщательно его изучил. Вновь послали за Уильямом Адамсом, и сёгун объявил, что с большим удовольствием выполнит просьбу Сэриса. И вновь последовали многочисленные вопросы о целях, которые преследуют англичане в Японии, и о том, нет ли у англичан намерения попытаться найти северо-западный проход из Японии в Европу.

Адамс объяснил, что англичане весьма заинтересованы в открытии этого прохода и уже потратили немало средств, чтобы его отыскать и, возможно, поиски будут продолжены. Иэясу поинтересовался у Адамса, насколько реальной он считает возможность найти этот проход к северу от Японии. Адамс с помощью большой карты мира постарался объяснить, почему, по его мнению, существование такого прохода вполне вероятно. На вопрос Иэясу, не желал ли бы он лично открыть этот проход, если таковой есть, Адамс ответил утвердительно, добавив, что был бы счастлив участвовать в такой „благородной миссии“, если Ост-Индская компания сочтет его подходящим для выполнения этой задачи. В знак похвалы Иэясу кивнул головой и в заключение беседы сказал, что, если Адамс когда-либо пожелает принять участие в таком походе, он может рассчитывать на полную поддержку сёгуна.

9 сентября Сэрису была вручена официальная дарственная на привилегии, после чего делегация англичан вместе с Адамсом

провела восемь дней в Сидзуока, где находился двор Иэясу. Адамс дипломатично посоветовал Сэрису перед возвращением в Хирадо заехать в Эдо и нанести визит Хидэтада, сыну Иэясу. Поэтому 17 сентября они отправились в Эдо, где преподнесли Хидэтада и его свите дары. Адамс предложил Сэрису также проехать в Урага, порт неподалеку от Иокосука, так как, по мнению Адамса, Урага — гораздо более подходящее место, чем Хирадо, для основания английской торговой фактории. Урага, по мнению Адамса, расположена довольно далеко от торговых центров португальцев и испанцев, а следовательно, там нет конкуренции с их стороны. Вторым, не менее важным обстоятельством является то, что Урага находится близко от двора сёгуна. Адамс мог бы, конечно, добавить, что Урага недалеко и от его собственного имения Хэми, но, по понятным причинам, не сказал этого.

Во время пребывания Адамса и Сэриса в Урага туда прибыл (любопытное совпадение!) испанский корабль, груженный различными товарами, которые Адамс, как посредник, должен был сбыть для своих испанских партнеров. Поэтому, после того как он описал Сэрису все преимущества Урага для размещения там предполагаемого английского правления по торговым делам, Адамс пригласил капитана осмотреть испанский корабль, а заодно и товары, находящиеся в трюмах. Он предложил Сэрису купить эти товары для Ост-Индской компании. Сначала цена, которую запросил Адамс, показалась Сэрису слишком высокой, но, осмотрев товары, он заявил, что купит их. Тут же на месте была совершена эта необычная сделка.

В течение трех дней, с 22 по 24 сентября, пока в Урага шли различные переговоры и обсуждения, Сэрис со своими товарищами гостил в загородном имении Адамса в Хэми. Их пребывание там оказалось чрезвычайно приятным благодаря гостеприимству супруги Адамса, которая сделала все, чтобы гости мужа чувствовали себя как дома. Сэрис и его люди были глубоко благодарны ей за заботу и доброту и, покидая Урага 25 сентября, уговорили ее принять от них хотя бы подарки, поскольку она наотрез отказалась от денег, которые ей сначала предлагали.

По дороге в Хирадо англичане еще раз заехали в Сидзуока, чтобы получить ответ Иэясу на письмо английского короля, а также уже готовую дарственную на привилегии, которую Сэрис не взял с собой в Урага. Ответ сёгуна королю Якову I был написан в поэтическом, витиеватом восточном стиле и гласил следующее:

„Минамото-но Иэясу из Японии отвечает Его Чести Правителю Игаратэйра (Англии) через морского посланника, проделавшего изнурительный и долгий путь. Мы впервые получили от Вас письмо, из которого узнали, что правительство Вашей почтенной страны, как это явствует из письма, следует истин-

ному пути. Я лично получил многочисленные подарки от Вашей страны, за что чрезвычайно признателен. Я последую Вашим советам относительно развития дружественных отношений и налаживания взаимных торговых контактов между нашими странами. Несмотря на то что нас разделяют десять тысяч лиг туч и волн, наши страны, как оказалось, близки друг другу. Я посылаю Вам скромные образцы того, что может производиться в нашей стране. Все перечислено в сопроводительном листе. Выражаю свое почтение. Берегите себя: все в этом мире изменчиво.

*18-й год эры Кэйтё (4 октября 1613 г.)*¹⁸.

Получив этот цветистый документ, Адамс и Сэрис 6 ноября 1613 года вернулись в Хирадо. Успех миссии, а также гостеприимство супруги Адамса благотворно сказались на их отношениях. Однако многочисленные жалобы на поведение слуги Адамса, которого оставили в Хирадо обслуживать остальных членов английской делегации (они не поехали с Адамсом и Сэрисом ко двору), снова привели к ухудшению отношений. Английские купцы сообщили Сэрису, что слуга их обманывал, и 15 ноября Сэрис решил поговорить с Адамсом. „Вполне дружелюбно“, как позже записал он в своем дневнике, Сэрис рассказал Адамсу о том, как слуга пытался взять с купцов гораздо больше денег, чем в действительности потратил на продукты, купленные на рынке. К большому удивлению Сэриса, Адамс воспринял эту жалобу как личное оскорбление и пришел в такую ярость, что Сэрис счел благоразумным не затрагивать больше эту тему. Однако англичане отказались от помощи этого слуги, и в результате отношения между Сэрисом и Адамсом снова испортились.

Их неприязнь еще больше обострилась 4 ноября, когда Адамс попросил Сэриса заплатить ему за товары, купленные в Урага, а также вернуть деньги, которые он одолжил Сэрису на расходы, связанные с поездкой ко двору. Адамс пожелал, чтобы Сэрис заплатил ему в испанской валюте, но поскольку у последнего было достаточно японских денег, от которых, конечно же, моряк хотел избавиться перед тем, как покинуть Японию, он настаивал на оплате японской монетой. Адамса это мало устраивало, так как, в свою очередь, он расплачивался со своими испанскими партнерами в их валюте, а поскольку при обмене японских денег на европейскую валюту нужно было дополнительно платить 5 процентов, то он терпел финансовые убытки.

Однако основной причиной обострения отношений между Адамсом и Сэрисом стали расхождения по вопросу об организации постоянно действующего торгового поста в Японии.

¹⁸ *Satow E. The Voyage of Captain John Saris to Japan. L., 1900. Introduction, c. lxxvii.*

Адамс, как уже отмечалось, ратовал за то, чтобы этот пост был основан в Урага, в восточной части Японии, так как таким образом англичане избегали конкуренции со стороны португальцев, испанцев и голландцев, а также могли находиться недалеко от двора сёгуна и таких крупных городов, как Эдо, Осака и Киото. Сэрис же, напротив, склонялся к решению обосновать этот пост в Хирадо. Он намеревался уговорить Адамса подписать контракт с Ост-Индской компанией и при этом опасался, что если торговый пост будет находиться в Урага, то Адамс не станет уделять делам компании должного внимания, поскольку большую часть времени будет проводить в своем имении Хэми, расположенном неподалеку.

У Сэриса имелись и другие основания отдать предпочтение Хирадо. По прибытии в Японию, ожидая приезда Адамса в Хирадо, Сэрис познакомился и подружился с Мацуура, губернатором города. Будучи достаточно суровым и требовательным на службе, в частной жизни Сэрис был сластолюбцем и в лице Мацуура нашел веселого собутыльника. Ожидая приезда Адамса, оба приятеля провели вместе немало веселых вечеров, и в этой непринужденной обстановке Мацуура без особых усилий удалось убедить Сэриса, что лучшего места для основания торгового поста, чем Хирадо, не найти. Это решение, чрезвычайно выгодное для Мацуура (в этом случае он получил бы дополнительный доход в виде пошлин и налогов с англичан), почти уже созрело в сознании Сэриса, когда он решил арендовать в Хирадо дом для временной резиденции английских купцов.

Однако окончательное решение обосноваться в Хирадо было принято лишь перед отъездом из Японии на специальном совещании купцов 26 ноября 1613 года, и оно крайне разочаровало Адамса. Более того, такой выбор в какой-то степени даже оскорбил его — ведь это означало пренебрежительное отношение к его советам, в основе которых лежало хорошее знание Японии и условий торговли в этой стране. Из последующей истории торгового поста ясно, что, проигнорировав совет Адамса, Сэрис с самого начала обрек английскую торговлю в Японии на провал. В дальнейшем английские купцы, которых Сэрис оставил в Японии, наглядно убедились, насколько серьезными конкурентами, а иногда и безжалостными врагами оказались голландцы, обосновавшиеся в Хирадо.

Глава V

АНГЛИЙСКАЯ ФАКТОРИЯ В ЯПОНИИ

Торговый пост, подобный тому, который Сэрис решил основать в Хирадо, назывался в те времена „фактория”, хотя

товары там и не производили, а лишь продавали или обменивали. Управляющим факторией Сэрис назначил Ричарда Кокса, лондонского купца, пользовавшегося уважением и имевшего большой опыт в торговых делах. Кроме Ост-Индской он являлся также членом двух других лондонских компаний: „Компании предприимчивых купцов” и „Компании портных”. Он был чрезвычайно горд тем, что состоял в переписке с таким человеком, как сэр Томас Уилсон — секретарь государственного казначея английского короля Якова I — Ээлисбери. Он продолжал писать Уилсону из Японии, подробно обрисовывая обычаи этой страны, ее природу и диковинки. Самые интересные письма Уилсон давал читать даже королю, но Яков I с присущей ему шотландской подозрительностью не верил тому, что писал стопочтенный Кокс о Японии; более того, король Англии прямо заявил: никогда в жизни ему не приходилось сталкиваться с такой наглой ложью.

Когда наконец было выбрано место для английской фактории и назначен ее управляющий, Сэрису осталось решить последнюю проблему: как привлечь Адамса к работе в Ост-Индской компании, хотя бы в первые самые трудные годы существования торгового предприятия. Сэрис прекрасно понимал, что без опыта Адамса и его влияния на сёгуна деятельность английской фактории обречена на провал и поэтому необходимо во что бы то ни стало уговорить его поступить на службу в Ост-Индскую компанию. Учитывая, что Адамс не был новичком в торговых делах и прекрасно знал цену себе и своим слугам, Сэрис приготовился к серьезным переговорам с Адамсом, но он и предположить не мог, насколько трудными те окажутся.

Когда Сэрис в первый раз предложил Адамсу поступить на службу в Ост-Индскую компанию, он пообещал ему годовой оклад в 80 фунтов. Однако Уильям тут же отверг это предложение и, к большому удивлению Сэриса, потребовал не менее 144 фунтов в год. При этом он добавил, что просит гораздо меньше, чем того стоит, так как голландцы платили ему за работу 15 фунтов в месяц. Однако Адамсу не удалось сломить Сэриса этим аргументом, и вскоре ему пришлось немного сбавить сумму, выразив готовность работать на Ост-Индскую компанию за 120 фунтов в год, ни фунтом меньше. Сэрис отрицательно покачал головой, но Адамс продолжал настаивать на этой сумме. Видя, что дело не двигается с места, Адамс предложил Сэрису обдумать хорошенько его предложение и дать ответ на следующий день. С тем он и удалился.

На другое утро торг возобновился, и Адамс понял, что получить от Сэриса назначенную им сумму не удастся. Тогда он мрачно намекнул, что может предложить свои услуги тем, кто будет платить столько, сколько он сам потребует. Но и эта угроза на Сэриса не подействовала. Он согласился увеличить первоначально предложенную сумму лишь до 100 фунтов в год. После нескольких попыток поднять цену Адамс понял,

что дальнейшая борьба бесполезна и Сэрис ни за что больше не уступит, поэтому принял предложение. На самом же деле по сравнению с тем, что получали другие члены Компании, оклад Адамса был не таким уж маленьким. За исключением Кокса, которому платили 150 фунтов, остальные работники фактории получали всего по 40 фунтов в год.

24 ноября 1613 года Адамс подписал контракт на два года и стал служащим Ост-Индской компании, так что о возвращении в Великобританию в ближайшее время не могло быть и речи. Все же, перед тем как подписать контракт, Сэрис спросил Адамса, не хочет ли он вернуться на их судне в Англию. Адамс ответил, что намерен еще немного пожить в Японии, чтобы скопить денег, так как считал себя еще недостаточно богатым, а возвращаться домой без гроша не желал.

Настоящая же причина, по которой он оставался в Японии, заключалась совсем в другом, и Сэрис прекрасно понимал это. После прибытия „Клоува” в Японию во время одной из первых бесед Адамс с большим воодушевлением откликнулся на предложение Сэриса вернуться на их судне в Англию, сказав, что до сих пор сёгун и слышать не хотел о том, чтобы Уильям уехал из Японии, но теперь Адамс вновь будет просить его о разрешении вернуться на родную землю. Действительно, во время очередной беседы с сёгуном Адамс обратился к нему с просьбой позволить ему вернуться в Англию, и, к его удивлению, на этот раз Иэясу не противился желанию англичанина. Разговор был не из легких. Адамс неожиданно достал из складок кимоно дарственную с печатью сёгуна на право владеть имением в Хэми и, положив дарственную к ногам Иэясу со словами благодарности за его доброту, попросил разрешить вернуться на родину. Сёгун заинтересовался, серьезно ли его намерение покинуть Японию, и, услышав утвердительный ответ, дал наконец свое согласие.

В письме, адресованном Ост-Индской компании в 1613 году и отправленном на „Клоуве”, Адамс так описывает этот разговор:

„Застав императора в хорошем расположении духа, я вытащил спрятанную на груди дарственную на земли, скрепленную его печатью, и положил перед Его Величеством, выражая при этом огромную признательность за все те милости, которыми он меня одарил. После этого я высказал ему свое пожелание вернуться на родину. Выслушав мои слова, он внимательно посмотрел на меня и спросил, действительно ли я этого хочу. Я ответил, что желание мое очень сильно. Тогда он сказал, что, если будет продолжать удерживать меня, из этого ничего хорошего не выйдет; Его Величество с похвалой отозвался о моей службе и поведении, и на этом мы расстались...”¹⁹

¹⁹ *Rundall T. Memorials of the Empire of Japan*, с. 67 – 68.

Адамс очень обрадовался, получив долгожданное разрешение, и по возвращении с Сэрисом в Хирадо после посещения двора сёгуна, казалось, у него не было никаких сомнений в том, что он вернется на родину вместе с Сэрисом на „Клоуве”. Однако, когда Сэрис попросил его дать окончательный ответ в конце ноября 1613 года, Адамс, как мы уже знаем, решил повременить с возвращением в Англию и еще на некоторое время остаться в Японии, якобы для поправки своих финансовых дел. Конечно, причина была совсем не в этом, так как Адамса, обладателя имения и предприимчивого торговца, никак нельзя было назвать бедным. По-видимому, решение остаться в Японии диктовалось тем, что он прекрасно оценивал то положение и влияние, которые имел в этой стране. А что его ожидало в Англии? Снова пришлось бы стать штурманом, в лучшем случае — капитаном.

К этой мысли он пришел в результате бесконечных споров и ссор с Сэрисом. Последний уже не пытался скрыть от Адамса свое мнение о нем как о выскочке, которому лишь благодаря удачному стечению обстоятельств удалось достичь высокого положения в Японии. Такое отношение к нему возмущало Адамса — он успел привыкнуть к почтению, какое оказывали ему не только японцы, но также португальцы, испанцы и голландцы. В письме, отправленном домой в 1614 году на „Клоуве”, он писал, что отказ вернуться на родину был вызван „различными оскорблениями в мой адрес, к которым я не привык...”²⁰

Кроме действительных и мнимых обид на Сэриса, существовала еще одна серьезная реальная причина, удерживавшая его в этой стране, — жена-японка и дети, которых он, без сомнения, очень любил. В конечном счете все это вместе повлияло на его решение остаться в Японии.

Итак, он подписал контракт с Ост-Индской компанией и в письме, которое вскоре после этого написал своим новым работодателям, заверил их, что в его лице они найдут честного и преданного работника, подобного тем, которые до него служили в Ост-Индской компании. И пока он живет в Японии, товары и вся собственность Ост-Индской компании останутся в сохранности и за ними будет такой же тщательный присмотр, как за домом и товарами самого сэра Томаса Смита, главы Ост-Индской компании, а все намеченное Компанией будет выполнено, так как сам сёгун обещал Адамсу свою поддержку...

Это были достойные слова, но именно в то время, когда Адамс писал их, практичный и подозрительный Сэрис трудился над составлением „Памятки” — руководства для английских купцов, остающихся в Хирадо. И трудно придумать более оскорбительные слова в адрес Адамса, чем те, которые содержатся в этом документе. Сэрис утверждал, что Адамс не обладает

²⁰ Там же, с. 68.

никакими способностями в торговом деле и как работник Ост-Индской компании годен лишь на то, чтобы командовать торговой джонкой. Если же ему нельзя найти применения на море, то единственная функция, которую он мог бы исполнять, — это работа переводчика, и даже в этом случае за ним нужен глаз да глаз, так как Адамс не упустит возможности при любом удобном случае заняться своими личными делами, при этом еще и за счет Ост-Индской компании. Не исключено, например, писал он в „Памятке”, что сразу же после отплытия „Клоува” из Японии Адамс обратится к Коксу с просьбой отправить его ко двору сёгуна якобы для того, чтобы добиться для англичан специального разрешения на отправку в Сиам торговой джонки. По словам Сэриса, не было никакой надобности удовлетворять эту просьбу Адамса, так как разрешение торговать с Сиамом предусмотрено одним из пунктов дарственной сёгуна на торговые привилегии англичанам.

Если Адамс будет продолжать настаивать на необходимости посещения дворца сёгуна, нужно помнить, что это лишь хитрый предлог, чтобы посетить свое имение в Хэми, и за счет Ост-Индской компании. Короче говоря, жаль, что, несмотря на все неприятности и сложности, которые ожидают их из-за скверного характера Адамса, им все же приходится брать этого человека на службу, так как в Японии без его услуг не обойтись. Сэрис считал, что поскольку голландцы и испанцы также пытались заполучить Адамса, то если бы Ост-Индская компания не заключила с ним договора, он обязательно стал бы работать на их конкурентов, к которым, как злобно добавлял Сэрис, питал „более нежные чувства, чем к своим соотечественникам”.

Самое страшное оскорбление, однако, содержалось в конце „Памятки”: Сэрис предупреждал Кокса, чтобы тот ни в коем случае не доверял Адамсу денег Компании. Если же этого никак не избежать, нужен особо тщательный контроль за тем, на что Адамс расходует выданные деньги; более того, необходимо, чтобы каждый раз, когда ему поручают выплачивать какие-либо суммы, присутствовал кто-нибудь от Компании.

Как показало время, ни одно из этих низких и недостойных подозрений не оправдалось. Прежде всего, Адамс и не собирался наносить специального визита ко двору под тем предлогом, что нужно получить разрешения для отправки торговой джонки в Сиам. Вместо этого несколько недель после отплытия „Клоува” он потратил на то, чтобы приспособить джонку к морскому путешествию, и как только она была готова, отправился на ней в Сиам. Обвинение Адамса в нечестности также не имело никаких оснований. За время службы в Ост-Индской компании Адамс проявил себя как добросовестный и честный работник.

Этого нельзя сказать о клеветавшем на него Сэрисе, который на „Клоуве” вернулся в Англию 27 сентября 1615 года. Когда судно разгрузили, то оказалось, что на нем находилось большое количество товаров, которые Сэрис, нарушив строгие

инструкции, купил за свой счет в надежде выгодно продать в Англии. Он совершил и еще более тяжкий проступок. В результате обыска, произведенного в его каюте, было обнаружено множество порнографических книг и картинок, которые он приобрел в Японии. Достопочтенное руководство Ост-Индской компании было так шокировано, что на специальном заседании постановило (об этом говорится в протоколе заседаний): „изъять у Сэриса всю грязную литературу“, которая 10 января 1615 года была публично сожжена.

Как только начала работать назначенная Ост-Индской компанией специальная комиссия по проверке отчета Сэриса о плавании „Клоува“, были обнаружены также и другие доказательства того, что он незаконно занимался частной торговлей, притом в большом масштабе. Тем не менее, учитывая, что он проявил себя умелым командиром и успешно выполнил задание, дирекция Компании сочла возможным выплатить ему дивиденд в 200 процентов и закрыть возбужденное против него судебное расследование. Однако службу в Ост-Индской компании Сэрису пришлось оставить. С тех пор он больше не плавал. Несомненно, это связано еще и с тем, что Сэрис сколотил себе немалое состояние и обосновался в Фулхеме, где вел довольно спокойный образ жизни. Он умер в 1643 году и был там же похоронен. В местной приходской церкви до сих пор можно увидеть его надгробную плиту.

Покидая Японию, Сэрис оставил в этой стране несколько купцов, которые вместе с ним прибыли из Англии. Это были Ричард Кокс, которого Сэрис назначил главой торгового предприятия в Хирадо, Темпест Пикок, Ричард Викхем, Уильям Итон, Уолтер Карвардж, Эдмонд Сэйерс и Уильям Нельсон. Позже к ним присоединились Джон Остервик, Джон Холи и Ричард Хадсон, младший сын известного исследователя Арктики.

В соответствии с инструкциями, которые оставил Сэрис, Кокс начал основывать отделения фактории в различных частях Японии и с этой целью послал Итона в Осака, а Викхема — в Эдо. Они также нанимали японцев в качестве мелких служащих в различных городах страны, например в Нагасаки, Сакаи, Киото и Сидзуока. Английские купцы называли этих японских агентов „хозяевами“, так как те не только исполняли функции агентов Ост-Индской компании, но также предоставляли в распоряжение английских купцов свои дома, когда те посещали их города. Например, тесть Адамса был „хозяином“ в Киото, другой его родственник — в Урага. Впоследствии Коксу пришлось не раз пожалеть о том, что он взял на службу этих двух японцев, которых называл „ловкими мошенниками“. Честно говоря, у Кокса, как и у Сэриса до него, было немало неприятностей из-за кандидатур, предложенных Адамсом. Подобно Сэрису, он обнаружил, что Адамс и слышать не желает ни о каких обвинениях в непорядочности, выдвинутых против них.

Кокс планировал также послать Сэйерса на остров Цусима к северу от Кюсю с целью открыть там одно из отделений фактории и наладить оттуда торговлю с Кореей и Китаем. Торговля с Китаем в те времена была чрезвычайно выгодной, так как Япония представляла собой хороший рынок для сбыта китайского шелка, и Кокс вынашивал планы организовать треугольное сообщение, в результате которого Ост-Индская компания получила бы много золота и серебра. Добившись разрешения китайского императора на торговлю, английские суда смогли бы привозить в Китай сукно и другие промышленные товары в обмен на китайский шелк, который затем англичане ввозили бы в Японию и продавали там в обмен на золотую и серебряную валюту. Чтобы осуществить все эти замыслы, Кокс всячески старался поддерживать дружеские отношения с китайской торговой общиной в Хирадо, но, несмотря на многочисленные заверения, что они помогут англичанам добиться торговых привилегий в Китае, Коксу так и не удалось осуществить свою идею „треугольной” торговли.

Адамс, конечно, принимал активное участие во всех начинаниях Кокса и охотно делился с ним своим богатым опытом жизни в Японии. Он много ездил по агентствам, помогал их представителям налаживать работу. По-видимому, во время таких поездок он немало ссорился с купцами из-за того, что они не хотели прислушиваться к его советам. Особенно сложные отношения сложились у Адамса с Викхемом, и Коксу часто приходилось выступать в роли миротворца.

Безусловно, не один Адамс был в этом виновен, особенно в случае с Викхемом, который отличался вздорным и властолюбивым характером и, подобно Сэрису, смотрел на Адамса свысока, считая его самовлюбленным выскочкой, вмещающимся не в свои дела. Несколько раз между ними возникали серьезные разногласия, так что уже в январе 1614 года, вскоре после отплытия „Клоува”, Кокс написал Викхему письмо с просьбой относиться к Адамсу учтиво, быть с ним повежливее, а главное, избегать споров, так как ни к чему хорошему это не приведет.

„Мистер Викхем, — писал Кокс, — умоляю Вас, ведите себя так, чтобы не раздражать Адамса, а это не так уж трудно сделать, если Вы будете с ним вежливы и не станете пускаться в споры. Я убежден, что лишь после семи лет тесного с ним общения могу позволить себе сказать что-либо лишнее в его присутствии...”²¹

Случалось, что и Кокс довольно зло высказывался о привязанности Адамса к голландцам и другим иностранцам, но в общем отношения между главой фактории и Адамсом оставались хорошими. В письме от 25 ноября 1614 года, которое он прислал администрации, после года службы Адамса в Ост-Инд-

²¹ Там же, с. 78 — 79.

ской компании, Кокс весьма похвально отзывался о его работе. Он писал:

«Я считаю его довольно сговорчивым человеком, готовым приложить все силы, чтобы добросовестно служить Вашей милости. Он взял на себя труд привести в порядок джонку „Си эдвенчэр”, и если бы не он, невозможно было бы в этом году совершить плавание в Сиам...»²²

18 марта 1614 года Кокс отправил двух купцов, Пикока и Карварджа, на японской джонке в Кохинхину, чтобы наладить торговлю. Оба купца не вернулись назад, и Кокс находился в полном неведении относительно их судьбы, опасаясь, что с ними случилось какое-то несчастье. Так оно и было. Позднее стало известно, что купцы попали в засаду, устроенную местными жителями, и были убиты. Несмотря на такое печальное начало, он не отказался от идеи организовать торговлю с Юго-Восточной Азией. В августе 1614 года Кокс купил джонку, которую окрестил „Си эдвенчэр” („Морское приключение”), и попросил Адамса привести ее в порядок, чтобы можно было отправиться с торговой миссией в Сиам.

В результате упорной работы Адамса джонка вскоре была готова к плаванию, и 17 декабря 1614 года „Си эдвенчэр” с экипажем, состоящим из 60 японцев, под командованием Адамса направилась из Хирадо в Сиам. На борту джонки в качестве представителей Ост-Индской компании находились Викхем и Сэйерс, а также несколько японских купцов, которые желали торговать в Сиаме. На это плавание возлагали большие надежды, но уже с первых минут начались неприятности, преследовавшие путешественников до самого конца.

В первую же ночь джонка попала в шторм и дала такую страшную течь, что команде, чтобы не затонуть, пришлось день и ночь откачивать воду. 19 декабря шторм все еще бушевал и положение стало настолько критическим, что Адамс решил искать прибежища на островах Рюкю. Сначала он пристал к острову Осима, но, выяснив, что там нельзя произвести серьезный ремонт, направился к Окинаве, и 27 декабря судно бросило якорь в порту Наха. Местные власти позволили Адамсу разгрузить и отремонтировать джонку, но не слишком торопились предоставить материал, необходимый для починки, и Адамс с горечью сознавал, что уходит драгоценное время.

Во время этого и последующих путешествий в Сиам (1614 — 1619 годы) Адамс вел вахтенный журнал, который, к счастью, уцелел и сейчас находится в Оксфорде, в Бодлеанской библиотеке. Журнал состоит из 79 листов японской рисовой бумаги, на которых Адамс ежедневно записывал все происходящее; встречаются грубо сделанные рисунки, которые иллюстрируют ту или иную запись. Иногда среди заметок, составленных в период вынужденной стоянки в Наха, встречаются жалобы на то,

²² Там же, с. 78.

как много времени они потратили в ожидании, пока местные власти предоставят необходимый для ремонта судна материал. В результате команда мучалась от безделья и скуки.

Так, например, 28 февраля Адамс оставил в журнале следующую запись: „28 февраля, вторник; целый день ничего не делали, лишь уныло прогуливались и в одиночестве предавались размышлениям”. Вскоре такая ситуация привела к волнениям среди японских моряков, которые требовали выдать им жалованье вперед, чтобы они могли позволить себе немногие имеющиеся в Наха развлечения. Адамс был настроен категорически против того, чтобы удовлетворить это требование, но Викхем и японские купцы уговаривали его уступить, что в конце концов он и сделал. Хотя судно еще не было готово выйти в открытое море, вскоре местные власти стали настаивать, чтобы Адамс побыстрее завершил ремонт и покинул Наха, так как в любой момент могла прийти китайская джонка и местное население боялось, что китайцы, увидев в порту японское судно, перестанут заходить в Наха.

Адамс понимал, что „Си эдвенчэр” не готов к плаванию, ведь он еще не был отремонтирован, и выход в море в таком состоянии неминуемо привел бы к катастрофе. Ему пришлось потратить немало сил, чтобы убедить местные власти принять во внимание их тяжелое положение и дать еще немного времени. В ходе одной из таких бесед он гордо заявил представителям Наха, что просит отсрочки не ради себя, а для пассажиров и команды. Что касается его лично, он готов выйти в море на любой джонке, так как ему абсолютно все равно, где умереть: на суше или на море. Лишь ради спасения жизни пассажиров и команды он просит предоставить ему еще какое-то время на ремонт.

Его красноречие привело к желаемому результату. Но чем дольше пассажиры и матросы „Си эдвенчэр” пребывали в Наха, тем труднее им было сдерживать раздражение. В конце концов японские моряки затеяли ссору с японскими купцами, которая неизбежна вылилась бы в потасовку, если бы не вмешались Адамс, Викхем и Сэйерс. Последним удалось разнять спорщиков в тот момент, когда стало ясно, что дело дойдет до рукопашной. Кроме ссор, которые они затевали между собой, японские моряки доставляли массу хлопот местным жителям и на берегу: истратив все деньги, которые им выплатили, они стали воровать и совершать другие преступления. Наконец терпение местных властей лопнуло. Двух матросов с „Си эдвенчэр” арестовали, обвинили в разнообразных преступлениях и приговорили к смертной казни в назидание другим членам экипажа.

Адамс приложил все усилия, чтобы спасти этих негодяев. Однако, хотя он проявил заботу о японских моряках, никто из членов команды не испытывал никакого чувства благодарности. Хуже того, моряки становились все более неуправляемы-

ми и недисциплинированными. Наконец ремонт был закончен, и Адамс с облегчением вздохнул — джонка была готова выйти в море. Но, к его удивлению и возмущению, японские матросы взбунтовались и наотрез отказались продолжить плавание. Поэтому Адамс вынужден был обратиться за помощью к местным властям. Можно представить, с какой радостью ее предоставили: моряков изловили и силой привели на борт. Однако на этом неприятности не кончились. Многие матросы задолжали на берегу немало денег, и местные власти не разрешали „Си эдвенчэр” покинуть Наха до тех пор, пока Адамс не уплатит все долги.

Серия неудач привела к тому, что нервы Адамса постоянно были на пределе. В такой ситуации ссора между ним и Викхемом, отношения с которым никогда не отличались теплотой, могла вспыхнуть в любую минуту, что и произошло незадолго до отплытия судна из Наха. (Следует добавить, что Викхем уже успел вкусить этого удовольствия, поссорившись и затеяв драку на борту джонки с португальским купцом вскоре по прибытии в Наха. После драки целый месяц они не разговаривали друг с другом. Еще одно осложнение, с которым пришлось столкнуться Адамсу!)

Напряженность в отношениях между Адамсом и Викхемом возникла 7 мая, когда последний в присутствии Сэйерса, находившегося в тот момент на борту, обвинил Адамса, что во время плавания он всячески пренебрегал интересами Ост-Индской компании. Подобные заявления после всех неприятностей, с которыми ему ранее пришлось столкнуться, привели Адамса в ярость. В гневе он повернулся к Викхему и стал опровергать одно за другим все обвинения, выдвинутые против него, оперируя фактами и цифрами, которые неоспоримо доказывали его правоту. Затем, весь красный, дрожа от негодования, он высказал Викхему все, что думал о недостойном поведении этого джентльмена.

Ссора между двумя англичанами закончилась всего за несколько часов до того, как, ко всеобщему облегчению, „Си эдвенчэр” покинул порт Наха и взял курс на Японию, куда он прибыл 10 июня 1615 года. Хотя Адамсу и удалось закупить немного пшеницы и амбры, эта поездка с коммерческой точки зрения была неудачной, так как вырученная от продажи этих товаров сумма не покрыла даже расходы на плавание. Однако путешествие привело к неожиданному открытию в совсем иной области: Адамс обнаружил, что на островах Рюкю растет съедобный клубень, гораздо более сладкий и крупный, чем картофель, найденный европейцами в Северной Америке. Зная, что Кокс увлекается садоводством, Адамс привез в Японию несколько таких съедобных клубней, и тот посадил их в саду при английской фактории в Хирадо. Таким образом батат впервые попал в Японию, и заслуга в этом принадлежит Уильяму Адамсу.

МОРСКИЕ ПЛАВАНИЯ
И ВИЗИТЫ КО ДВОРУ

4 сентября 1615 года, то есть через три месяца после того, как Адамс вернулся с островов Рюкю, английское судно „Хосиндер” под командованием капитана Коппиндейла бросило якорь в гавани Хирадо. Это было лишь второе английское судно, прибывшее в Японию, и Кокс считал, что его капитану в сопровождении Викхема и Итона следует в знак почтения нанести визит сёгуну и, как обычно, преподнести подарки, чтобы завоевать расположение Иэясу и его окружения.

Адамс не входил в число сопровождающих Коппиндейла, поскольку отбыл ко двору на несколько дней раньше, получив от Иэясу срочную депешу с требованием незамедлительно отправиться в Сидзуока. Кокс не поверил такому объяснению, подозревая, что на самом деле Адамс хочет опередить английский отряд, чтобы провести какие-то тайные переговоры с голландцами. Он считал, что Адамс через посредничество одного из чиновников сёгуна и с одобрения голландцев просто инсценировал посылку письма от имени двора сёгуна. Все это сильно огорчило Кокса, и он записал в своем дневнике:

„Подозреваю, что капитан Адамс вместе с голландцами все это подстроил, чтобы иметь возможность сослужить им добрую службу. Я искренне убежден, что он любит их больше, чем нас, своих соотечественников...”

Подозрения Кокса необоснованны, потому что послание от двора сёгуна бесспорно было подлинным. На самом деле Иэясу послал за Адамсом в связи с прибытием в Японию миссии из Мексики, или, как ее тогда называли, Новой Испании. В состав ее входили монахи, а поскольку Иэясу уже издал указы, направленные против христианских миссионеров в Японии, и особенно против католиков, он не мог принять эту делегацию²³. Поэтому он и призвал к себе Адамса, поручив ему объяснить вновь прибывшим положение дел, отказаться от привезенных ими для сёгуна подарков и в завершение убедить их немедленно покинуть Японию.

Группа Коппиндейла покинула Хирадо 17 сентября и 10 октября прибыла в Сидзуока, где тогда располагался двор Иэясу. Она вручила подарки и отбыла через два дня. Имя Адамса в данном случае не упоминается, хотя и непонятно, почему во время этой придворной церемонии он не присутствовал в качестве переводчика и посредника в делах между своими соотечественниками и японцами. Следует отметить,

²³ Речь идет об указе 1614 года о полном и безоговорочном запрещении христианства и изгнании из Японии всех миссионеров.

что Адамс отправился из Сидзуока в Урага, где уже 13 октября, то есть сразу же после того, как Коппиндейл со своими спутниками выехал из Сидзуока назад в Хирадо, ему предстояло встретиться с делегацией испанских монахов из Мексики. Несмотря на свои дела в Урага, Адамс успел вернуться в Хирадо на день раньше Коппиндейла, 27 октября 1615 года.

В течение нескольких последующих дней Адамс занимался подготовкой к очередному плаванью на „Си эдвенчэр“, и 6 декабря 1615 года в сопровождении Сэйерса, выступавшего в роли торговца, он вывел судно из гавани Хирадо и взял курс на Сиам. На этот раз плавание прошло без происшествий, и в январе 1616 года „Си эдвенчэр“ прибыл в Бангкок. Несколько последующих недель прошли в выгодном обмене товарами с сиамцами. Сэйерсу удалось без всякого труда продать все товары, привезенные на „Си эдвенчэр“, и взамен он приобрел столько товаров, что для доставки их в Японию пришлось зафрахтовать еще два судна. 22 июля 1616 года все три судна прибыли в Кавати, недалеко от Хирадо. Это плавание, принесшее столь крупную прибыль Ост-Индской компании, оказалось самым удачным.

За десять дней до возвращения Адамса (и Сэйерса) из Сиамы в Хирадо появилось английское судно „Эдвайс“, и Кокс в очередной раз счел необходимым нанести визит ко двору, особенно учитывая то обстоятельство, что друг и покровитель компании сёгун Иэясу незадолго до этого умер и на пост вступил его сын Хидэтада, чье отношение к англичанам до сих пор было неясным²⁴. Поэтому 30 июля посольство, состоявшее из членов экипажа „Эдвайса“, а также Кокса, Адамса и двух-трех членов фактории в Хирадо, отправилось из Хирадо в Эдо, где размещался двор нового сёгуна.

Отряд двигался очень медленно и лишь 25 августа прибыл в Одавара, местечко близ Эдо. Здесь их ждал приятный сюрприз: два вассала Адамса из его имения в Хэми, узнав об их приближении, выехали навстречу, прихватив с собой для угощения вареное мясо, вино и хлеб. Усталые и голодные, англичане были чрезвычайно тронуты таким гостеприимством. Они также выразили глубокую признательность Адамсу за его предложение остановиться в Эдо в его доме. Чтобы подготовить все в доме к их приезду, Адамс решил поехать вперед со своими арендаторами; англичане же еще одну ночь провели в Тоцука.

Когда 27 августа Кокс с отрядом вошел в город, у главных ворот их встретил Адамс и проводил до своего дома, расположенного в квартале Нихомбаси. Немного отдохнув, 1 сентября Кокс направился ко двору, чтобы преподнести подарки Хидэтада. Его настолько поразило величие двора, что он оставил в дневнике следующее подробное описание:

„Полагаю, что в этот день в замке было не менее десяти тысяч человек. Это сильно укрепленное место, окруженное

²⁴ Формально Хидэтада стал сёгуном в 1605 году, но фактически власть оставалась в руках Иэясу.

двойным рвом и каменной стеной, причем длина каждой стороны стены не менее лиги. Императорский дворец представляет собой огромное сооружение, где все помещения, в том числе стены и потолки, отделаны золотом, за исключением тех мест, которые украшены рисунками львов, тигров, ирбисов, пантер, орлов и других зверей и птиц. Все они изображены очень живо и ценятся больше, чем позолота... Я забыл отметить, что все комнаты в его дворце устланы циновками, окаймленными камкой или золочеными тканями, и лежат так плотно друг к другу, что между ними не просунуть даже кончик ножа..."

Кокс вместе с двумя другими англичанами, Уилсоном и Итоном, был представлен Хидэтада, который принял их, сидя на возвышении скрестив ноги, словно портной. Сёгун был одет в яркое синее кимоно. Справа от него на почтительном расстоянии стояли четверо придворных. Когда трое англичан предстали перед сёгуном, тот слегка наклонил голову в знак приветствия. Кокс и его спутники в течение нескольких минут молча стояли на положенном расстоянии, и когда Хидэтада что-то произнес, Кокс истолковал это как приглашение подойти поближе. Однако Кокс заранее получил от Адамса инструкции относительно тонкостей придворного этикета и знал, что даже самым знатным царедворцам не позволялось слишком приближаться к правителю. Поэтому Кокс продолжал почтительно стоять, не двигаясь даже тогда, когда в довольно утомительном молчании прошло еще несколько минут. Придворные знаком показали ему, что настало время откланяться. Когда Кокс с товарищами собрались уходить, Хидэтада в знак прощания еще раз слегка наклонил голову, на чем церемония закончилась.

Впоследствии придворные рассказали Коксу, что его почтительное поведение, и в особенности отказ подойти близко к возвышению, произвели на сёгуна самое благоприятное впечатление. Но вообще Хидэтада был не слишком благосклонно расположен к англичанам. Отчасти это было связано с тем, что он не особенно благоволил Адамсу, вероятно испытывая к нему ревность из-за того влияния, которое тот оказывал на отца, сёгуна Иэясу. Была еще одна причина охлаждения нового сёгуна к Адамсу и его соотечественникам. Хидэтада гораздо враждебнее относился к католикам, чем его отец, и именно в то время, когда Адамс и Кокс находились при дворе, пытаясь завоевать благорасположение нового сёгуна, до Хидэтада дошли слухи, будто в доме Адамса в Хэми обрели тайное пристанище католические священники. Сёгун немедленно приказал уведомить об этом Адамса. Тот, в крайней тревоге, дважды, 9 и 11 сентября, обратился к своей жене с письмами, в которых просил не укрывать иезуитов или других монахов, поскольку отныне подобный проступок карается смертной казнью.

Сведения о том, что жена Адамса предоставила кров католическим миссионерам, вероятно, соответствовали действительности, поскольку за несколько дней до этого госпожа

Адамс в письме Коксу приносила извинения за то, что не смогла прибыть для встречи с ним в Эдо, объясняя это тем, что у нее проживает несколько испанцев, которых она не может оставить одних. Вполне возможно, что эти испанцы являлись купцами, с которыми Адамс поддерживал деловые отношения, но злые языки передали, будто это священники. Каким бы ни было истинное положение вещей, это сообщение, несомненно, еще больше усилило недоверие Хидэтада к бывшему советнику отца, что подтверждают последующие события.

Сразу после свидания Кокса с сёгуном и после того, как привезенные англичанами подарки были распределены между Хидэтада и высшими придворными, Адамс от лица английских торговцев обратился к правителю с просьбой возобновить для них дарованные прежним сёгуном торговые привилегии. Теперь ему приходилось ежедневно появляться при дворе, чтобы узнать, не проявил ли сёгун свою благосклонность. Во времена Иэясу ждать приходилось недолго, и результат обычно оказывался благоприятным, ныне же при дворе Хидэтада Адамс проводил день за днем в тщетном ожидании, что сёгун согласится удовлетворить его просьбу.

Адамсу было невдомек, что причиной такой задержки являлась клевета, распространенная при дворе японским переводчиком, который в качестве помощника Адамса находился на службе у англичан и по непонятной причине ненавидел его. Этот японец по имени Горэдзано пустил слух, что англичане преподнесли бы сёгуну и придворным более ценные подарки, если бы их не отговорил Адамс. Из-за такого навета не только сам Адамс, но и другие англичане попали при дворе в сильную немилость. Лишь через три недели сёгун наконец решил удовлетворить просьбу англичан о возобновлении дарованных им ранее торговых привилегий.

23 сентября, когда стало известно о решении сёгуна, Кокс испытал огромное облегчение, и отметить это событие он отправился с Адамсом в его имение в Хэми. Вот как описывает Кокс в своем дневнике это посещение:

„Около 10 часов утра мы направились в сторону Оренгава (Урага) и часа за два до того, как стемнело, прибыли в Фебе (Хэми), где провели всю ночь. Нас принимала жена капитана Адамса и двое его детей. Фебе — владение, дарованное капитану Адамсу покойным императором на вечные времена. Оно перейдет по наследству к его сыну Джозефу. Имение состоит из более чем ста ферм, или хозяйств, не считая мелких дворов, на которых работают его вассалы, и Адамс полноправен распоряжаться их жизнью. Они его рабы, и он обладает над ними неограниченной властью, подобной той, которую любой князь в Японии имеет над своими вассалами. Его многочисленные арендаторы преподнесли мне в качестве даров фрукты: апельсины, фиги, груши, каштаны и виноград, который в изобилии произрастает в этих местах...”

Три дня Кокс с товарищами гостили в Хэми, наслаждаясь чуткой заботой госпожи Адамс и ее слуг-японцев, которые всячески старались угодить гостям. 27 сентября Кокс и Адамс решили нанести официальный визит их общему другу, японскому адмиралу Бунго-но-Ками, проживавшему в местечке под названием Мисаки. Расстояние в 9 или 10 миль они проделали верхом, а впереди них бежала толпа японских вассалов Адамса, сопровождавших своего хозяина в путешествии, как и полагается подданным.

Адамс и Кокс вернулись в Хэми 30 сентября, и в тот же день с наступлением сумерек сюда прибыл посыльный с плохими известиями от Викхема. Он сообщал: только что стало известно, будто сёгун издал указ, запрещающий отныне японцам покупать товары у иностранцев где-либо, за исключением специально указанных портов. Это известие было тяжелым ударом для Адамса и Кокса, потому что, окажись оно правдой, рухнула бы вся сеть торговых агентств, которую они так старательно налаживали.

Поэтому Кокс немедленно заставил Адамса тщательно проверить текст нового пожалования, полученного ими от Хидэтада, дабы убедиться, что оно идентично, как они до сих пор полагали, прежней дарственной на привилегии от Иэясу. Ранее англичанам разрешалось вести торговлю в любых районах империи, где бы они ни пожелали. К ужасу обоих, оказалось, что новое пожалование Хидэтада ограничивало район торговли англичан одним Хирадо. Дурные известия от Викхема полностью подтвердились.

Кокс тотчас же решил вернуться ко двору в Эдо и попытаться добиться от Хидэтада восстановления прежних привилегий. Поэтому, проведя еще одну ночь в Хэми, он вместе с Адамсом и Итоном вновь отправился в Эдо. Перед отъездом Кокс спросил госпожу Адамс, сколько он должен ей за оказанное гостеприимство. Услышав, конечно, в ответ, что ничего, он выразил желание все-таки отблагодарить ее. Кокс вручил жене Адамса, хозяину, а также двум их детям подарки, не забыв при этом и слуг — он передал им через Адамса деньги и просил Адамса поблагодарить от его имени за оказанные ему услуги.

2 октября Кокс, Адамс и Итон прибыли в Эдо. Адамс немедленно встретился с некоторыми высшими чиновниками и уведомил их, что новая дарственная на привилегии содержит ряд ограничений, которых не было в предыдущей. В ответ на просьбу пересмотреть условия дарственной он получил категорический отказ. Даже когда Кокс, вмешавшись, добавил, что если англичанам будет разрешено торговать только в Хирадо, то им ничего больше не остается, как упаковать вещи и покинуть Японию, японские чиновники были непреклонны в своем нежелании пересмотреть условия торгового соглашения. В надежде, что все же удастся добиться желаемых результатов, Адамс и Кокс провели при дворе еще несколько дней, но их упорство

не принесло плодов, и 15 октября Хидэтада объявил, что его решение ограничить впредь английскую торговлю портом Хирадо является окончательным.

Однако в знак своего особого расположения к англичанам сёгун предоставил торговцам право через их японских посредников распродать те товары, которые к тому времени хранились в других местах, помимо Хирадо. Однако после распродажи всех этих товаров новых поступлений туда не допускалось, и в будущем англичане могли заключать торговые сделки лишь в Хирадо.

Таким образом, несмотря на все усилия Адамса и Кокса, им удалось получить от сёгуна право на сохранение лишь одной маленькой концессии. В Хирадо они возвращались с чувством тревоги за судьбу торговых предприятий английской фактории в Японии. В довершении всех неприятностей 21 октября, когда они ехали по проселочной дороге, из кустов выпорхнула какая-то птица, и лошадь Адамса так резко шарахнулась, что он упал и вывихнул правое плечо. Страдающего от сильной боли Адамса перенесли в ближайший дом и послали за японским костоправом. Адамс был не в состоянии продолжать путешествие и остался на несколько дней до выздоровления в этом доме, а Кокс и Итон отправились дальше. 2 ноября Адамс присоединился к ним в Киото. Ему стало значительно лучше, хотя плечо продолжало болеть, и 4 декабря 1616 года трое усталых и опечаленных путешественников наконец прибыли в Хирадо.

Вскоре после этого Адамс решил прекратить деловые отношения с Ост-Индской компанией. По условиям подписанного 24 декабря 1613 года контракта он обязывался служить компании в течение двух лет, но когда формально срок договора истек, Адамс продолжал свою деятельность в интересах компании, хотя никакого официального продления контракта не было. Однако условия службы устраивали его все меньше и меньше, и в феврале 1616 года он уже просил Кокса уведомить правление компании, что считает свое жалованье недостаточным и если размер вознаграждения не повысят, то он не станет более работать. Наступил октябрь 1616 года, а Адамс все еще не получил от Кокса никакого ответа, и тогда он решил впредь считать себя свободным от обязательств. Поэтому 14 октября 1616 года он написал письмо Якову Спексу, главному торговцу голландской фактории в Хирадо, предлагая голландцам свои услуги. Тогда же он сообщил Коксу, что прекращает службу в английской Ост-Индской компании. Это известие огорчило Кокса, но он сознавал, что не может предложить Адамсу более высокий оклад. Таким образом, 24 декабря 1616 года, через три года и один месяц после поступления на службу в Ост-Индскую компанию, Адамс получил от нее окончательный расчет и снова стал вольным коммерсантом.

На часть денег, полученных от Кокса, Адамс купил у него судно, которое тот согласился уступить за половину перво-

начальной стоимости, уплаченной Компанией. Несколько последующих дней Адамс провел, занимаясь подготовкой судна к плаванию в Кохинхину, и 1 января 1617 года отправился в Нагасаки для закупки канатов, парусов и прочего оборудования. Когда об этом стало известно Таканобу, новому молодому правителю Хирадо, он направил Адамсу резкое письмо, упрекая, что тот не купил необходимые товары на месте, в Хирадо. В качестве наказания он грозился запретить плотникам из Хирадо помогать Адамсу в ремонте судна.

Такая перемена в отношении правителя Хирадо к Адамсу самым очевидным образом подтверждала ослабление влияния последнего в Японии после смерти Иэясу. Особенно болезненно Адамс ощутил падение своего авторитета 19 марта 1617 года, когда отплывал из Хирадо в Кохинхину.

Встречный ветер заставил судно вернуться в порт, и пока Адамс ожидал подходящей погоды, какие-то родственники Ясимоно-доно, его „хозяина” из Хирадо, напали на него и взяли судно на абордаж, мстя за то, что ранее он отверг их грабительские притязания на часть груза олова, привезенного из Сиама во время предыдущего плавания. При этом один из японцев так сильно выкрутил Адамсу руку, что тот, опасаясь худшего, с трудом вытащил из-за пазухи госён — разрешение на морскую торговлю, — торжественно поднял его над головой и поцеловал, дабы показать, что находится под защитой Хидэтада. Это несколько отрезвило японцев и позволило избежать дальнейшего разбоя, ибо они тотчас покинули судно. Любопытно, что Адамс не пожаловался сёгуну на это нападение. Впрочем, он мог поступить так еще и потому, что хотел избежать какого-либо расследования, которое задержало бы его отплытие в Кохинхину.

23 марта наконец подул благоприятный ветер, и судно, которое Адамс назвал „Гифт-оф-год”, отплыло из Хирадо. Адамс взял на борт Сэйерса. И хотя сам он больше не состоял на службе Ост-Индской компании, тем не менее время от времени оказывал Коксу услуги. Так и в данном случае Адамс решил погрузить на борт „Гифт-оф-год” товары, которые Сэйерс собирался сбывать для Компании в Кохинхине. Адамс также обещал Коксу постараться выяснить, что же все-таки произошло с двумя английскими купцами, Карварджем и Пикоком, которые отплыли в Кохинхину в марте 1614 года, но так и не вернулись.

Судно прибыло в Кохинхину 20 апреля 1617 года, и Адамс с Сэйерсом провели там около двух месяцев, занимаясь торговыми делами и наводя справки об исчезнувших Карвардже и Пикоке. Однако им так и не удалось узнать, при каких обстоятельствах были убиты оба купца, равно как и вытребовать для Ост-Индской компании компенсацию за товары, похищенные после убийства. Наконец, окончательно убедившись, что дальнейшее расследование не даст никаких результатов, 1 июля Адамс и Сэйерс отправились в обратный путь и 11 августа 1617 года прибыли в Хирадо.

За девять дней до их прибытия в гавани бросило якорь судно „Эдвайс“, которое 1 февраля вышло из Хирадо в Бангам, чтобы приобрести там новые товары для английской фактории. Помимо товаров на нем были доставлены в Хирадо 15 японских моряков, которые четыремя годами раньше вместе с Сэрисом отплыли на „Клоуве“ в Англию, а теперь на другом английском судне вернулись в Бангам. По прибытии в Хирадо японские моряки заявили, что часть жалованья, которую в качестве аванса им выдал Сэрис, когда они еще находились в Японии, в действительности была безвозмездным даром, а не авансом. Поэтому теперь они требовали от Ост-Индской компании недоплаченную, как они утверждали, часть жалования.

Моряки, несомненно, рассчитывали найти в лице Адамса сторонника и были возмущены, когда он отказался поддержать их претензии. Чтобы выразить свое негодование, они все вместе отправились к дому, в котором тот проживал в Хирадо, и некоторое время осыпали его оскорблениями, а затем схватили с намерением избить. Адамс решительно сопротивлялся и с помощью находившихся в доме других японцев ему удалось отразить нападение. Новое оскорбление, последовавшее сразу после того, что произошло на борту „Гифт-оф-год“, не могло не встревожить Адамса, поскольку оно свидетельствовало о том, что он уже не имел в Японии прежней силы. Во времена Иэясу нападение какого-нибудь японца на Адамса было столь же немислимым, как и покушение на самого сёгуна. Сама возможность подобных унижений являлась грустным подтверждением того, что англичанин не мог больше рассчитывать на благосклонность и защиту двора, какой пользовался ранее.

Через восемь дней после неприятного инцидента в Хирадо Адамс вновь отправился ко двору, чтобы попытаться убедить Хидэтада расширить границы торговых привилегий, дарованных им английским купцам в предыдущем году. Кокс сделал то же самое, но отдельно от Адамса, который большую часть пути преодолел на своем судне. Плавание оказалось весьма неудачным: судно дало течь, и Адамс потерял почти все свои товары, а в придачу едва не погиб сам. 12 сентября он присоединился к прибывшему ко двору Коксу, и тот сразу попросил его начать переговоры с чиновниками сёгуна.

13 сентября Адамс начал подготавливать почву. Стараясь смягчить напряженность, он преподносил подарки сёгуну и придворным. Адамс также передал доставленный в Японию ответ на „послание“ Иэясу — второе письмо от английского короля Якова I. 15 и 16 сентября Адамс, решив создать при дворе более благоприятную обстановку, занимался раздачей дополнительных подарков. Сделав все возможное, чтобы добиться расположения сёгуна и придворных к англичанам, 16 сентября он представил Хидэтада петицию английских купцов с просьбой расширить их привилегии.

Ежедневно, вплоть до 23 сентября, Адамс целыми днями ждал при дворе ответа, но безуспешно. Ранним утром он приходил ко двору и оставался там целый день, не имея фактически даже возможности перекусить, поскольку не желал дать придворным чиновникам повод для задержки. Они же, естественно, относились к власти и влиянию, которыми Адамс обладал при Иэясу, столь же ревниво, как и их хозяин Хидэтада, и теперь испытывали глубочайшее наслаждение, самым унижительным образом заставляя англичанина ждать. В эти дни Адамс испытал сильнейшее разочарование, какое только может постичь заносчивого и самолюбивого человека в подобных обстоятельствах. В дневнике от 19 сентября Кокс нарисовал следующую мрачную картину утомительных бдений Адамса, которые продолжались и в последующие дни:

„Сегодня утром капитан Адамс снова отправился ко двору, поскольку вчера вечером вернулся с ответом, что ему следует снова прийти на следующий день. Весь вчерашний день он провел там с утра до ночи и ничего не ел. Повторилось то же, что и в предыдущие дни...”

Можно представить, какие мысли проносились в голове этого гордого и упрямого человека, когда день за днем он проводил в ожидании при дворе, понапрасну надеясь добиться благосклонности сёгуна. Должно быть, он понимал, что дни его славы в Японии сочтены, а возможно, и кончились вовсе. И все же ради своей собственной репутации и ради Кокса он продолжал питаться лишь пирожками и ждать, ждать...

Наконец 23 сентября Адамсу доставили ответ сёгуна на петицию англичан. Ответ был отрицательный, в нем категорически заявлялось, что сёгун не предоставит англичанам больших привилегий, чем те, которыми пользуются прочие иностранцы в Японии, и еще раз подчеркивалось: английская торговля должна быть ограничена портом Хирадо. В дополнение к прочим неприятностям советники сёгуна сообщили Адамсу, что Хидэтада не будет отвечать на письмо короля Якова I, поскольку оно адресовано его отцу Иэясу, который к тому времени скончался. Подобные неудачи могли бы сломить любого, но только не такого стойкого человека, как Адамс. Он с подлинно японским стоицизмом и настойчивостью продолжал оставаться при дворе, почтительно умоляя сёгуна: если он не может даровать привилегию неограниченной торговли, то пусть по крайней мере будет настолько благосклонен, чтобы выдать англичанам два разрешения на торговлю (госён): одно — для плаванья в Сиам, а другое — в Кохинхину. В конце концов настойчивость Адамса принесла плоды, и Хидэтада согласился выдать два госён. Таким образом, когда Кокс и Адамс покинули двор, это было единственным вознаграждением за их старания.

На обратном пути в Хирадо Кокс попросил Адамса остаться на несколько дней в Осака, чтобы свернуть все дела представительства Компании в этом городе и, если возможно, собрать

крупные долги. Адамс согласился. Поэтому он вернулся в Хирадо только 22 декабря 1617 года, более чем на месяц позже Кокса. В то время как Адамс оставался в Осака, занимаясь там делами Кокса, тот, в свою очередь, успел кое-что сделать для Адамса в Хирадо. По просьбе Адамса он продал „Гифт-оф-год“, и к моменту прибытия того в Хирадо у Кокса была для него приятная новость: судно удалось продать главному китайскому купцу в Хирадо вдвое дороже, чем за него заплатил Адамс. Собственно говоря, это означало, что Кокс продал судно приблизительно за его рыночную цену, поскольку сам он сбыл это судно Адамсу гораздо дешевле его реальной стоимости. Даже в XVII веке колеса коммерции нужно было как следует смазывать!

После того как сёгун ограничил торговлю для англичан портом Хирадо, Кокс более, чем когда бы то ни было, оказался заинтересован в поддержании с Уильямом Адамсом дружеских отношений, так как Хидэтада оставил за Адамсом статус японского вельможи и торговые ограничения на него не распространялись. Поэтому Адамс продолжал собственноручно покупать и продавать товары по всей Японии и время от времени, делая одолжение своим старым друзьям, провозил также товары Ост-Индской компании, выдавая их за свои собственные, и продавал их для Кокса.

Из бухгалтерских книг, которые вел Кокс, можно видеть, что с декабря 1617 года по март 1618 года Адамс чрезвычайно помог Ост-Индской компании в сбыте ее товаров в разных частях Японии; кроме того, он собирал для Компании долги в Киото и других местах. Уильяму Адамсу, ради того чтобы помочь фактории в Хирадо, часто приходилось идти на значительный риск. Так, в декабре 1617 года он воспользовался своими связями с японским губернатором города Сакаи, чтобы добиться от него разрешения купить большое количество оружия и амуниции для отправки через Ост-Индскую компанию в Сиам. Подобные торговые сделки были весьма выгодны, но в то же время и крайне опасны, поскольку сёгун строго-настрого запретил экспорт оружия и снаряжения из Японии. Конечно, Кокс был благодарен Адамсу за его услуги, потому что в это время дела фактории в Хирадо находились в довольно плачевном состоянии. Иногда он выдавал Адамсу в виде вознаграждения крупные денежные суммы, поскольку тот уже не находился официально на службе Ост-Индской компании и соответственно постоянного жалованья не получал.

Кокс был не единственным, кто продолжал пользоваться услугами Адамса. В январе 1618 года Шикюань, богатый китайский купец из Нагасаки, обратился к Адамсу с просьбой быть лоцманом на его судне, отправляющемся в Кохинхину, и после долгих споров о вознаграждении Адамс согласился. Еще раньше Кокс договорился с Шикюанем о том, что его судно возьмет также кое-какие товары фактории для продажи в Кохинхине.

Таким образом, когда 17 марта 1618 года судно покинуло Японию, направляясь в дальний рейс, на его борту находились Сэйерс и еще один англичанин по имени Холи, задачей которых было присматривать за товарами Компании. Однако плавание оказалось неудачным, потому что вскоре после того, как судно покинуло японские берега, у него сломался руль и Адамсу пришлось стать на островах Рюкю на ремонт. Необходимых материалов для починки судна не оказалось. Тогда 14 мая Адамс решил отказаться от путешествия и вернуться в Хирадо.

20 июля 1618 года, через несколько недель после его возвращения, голландцы попросили Адамса отправиться с ними ко двору сёгуна в качестве переводчика. Он согласился и 31 июля вместе с голландцами выехал из Хирадо. Через неделю после этого в Хирадо произошли события, вызвавшие ужас среди англичан. 8 августа в гавань прибыли два голландских корабля, которые доставили на буксире английское судно, незадолго до этого захваченное ими в водах Ост-Индии.

Кокс немедленно заявил протест главному голландскому купцу в Хирадо — Спексу, считая эту акцию грубым нарушением международных прав, потому что, по сведениям англичан, Нидерланды и Англия пребывали в состоянии мира. Это было известно и Спексу, поэтому он был крайне ошеломлен, особенно учитывая, что до сих пор его отношения с Коксом в целом были достаточно хорошими. Спекс рассыпался в извинениях и обещал Коксу, что английское судно будет немедленно передано английским купцам в Хирадо. Однако Кокс обнаружил, что слова Спекса были не такими уж искренними, как показалось сначала, потому что голландцы уже успели снять с судна наиболее ценную часть груза.

Когда Кокс узнал об этом, он пришел в ярость и еще раз встретился со Спексом. Во время этой беседы, если верить записи в его дневнике от 8 августа, Кокс не стеснялся в выражениях:

„Очень похоже, что ваши хозяева прислали вас сюда, чтобы вы действовали как воры и беззастенчиво грабили англичан, испанцев, португальцев, китайцев, яванцев и прочих... Такие речи как-то подействовали на них, поэтому они мне ответили, что до сих пор поддерживали с нами дружеские отношения и будут сохранять их и впредь. Даже в том случае, если они получат от своих хозяев новые указания, они будут поступать так, как сами сочтут нужным. В ответ на это я заявил, что, если им того хочется, они могут изображать из себя друзей англичан сколько им будет угодно, но меня это волнует не больше чем прошлогодний снег. С этим они удалились...”

До этого англичане и голландцы в Хирадо поддерживали дружеские отношения, ходили друг к другу в гости и устраивали веселые вечеринки, которые украшали своим присутствием японские танцовщицы. На этих встречах выпивалось неограниченное количество спиртного. Однако дружба распростра-

лась лишь на неделовую сферу, в вопросах же торговли с Японией голландцы были самыми суровыми и безжалостными соперниками англичан. Брат правителя Хирадо в беседе с Коксом в июле 1617 года довольно точно и на японский манер образно определил взаимоотношения англичан с голландцами в Японии, сказав, что «торговцы этих двух стран были друзьями с „камнем за пазухой”».

После того как Кокс наговорил голландцам грубостей, он собрал своих соотечественников для обсуждения вопроса о противозаконном захвате английского судна. 10 августа английские купцы решили, что вопрос достаточно серьезный и необходимо известить о нем самого сёгуна. Постановили, что Кокс и Нельсон должны отправиться в Эдо и подать жалобу лично Хидэтада. В то же время следовало сообщить о происшедшем Адамсу, который ничего не знал о преступлении, совершенном голландцами против его страны. Как раз в то время Адамс отправился ко двору сёгуна вместе с несколькими голландскими купцами, чтобы помочь им устроить дела. Как честный англичанин, он должен был бы выразить свое негодование и немедленно порвать связи с недругами. Поэтому Кокс с товарищами решили, что нужно направить Адамсу письмо с объяснением происшедшего, потребовав, чтобы он оставил голландцев и, дождавшись Кокса и Нельсона, помог им подать жалобу сёгуну.

Несмотря на срочность дела, Кокс и Нельсон отбыли из Хирадо только 23 августа и лишь 1 сентября, находясь еще в пути, получили ответ Адамса на свое экстренное письмо. Содержание письма удивило и возмутило их, потому что Адамс отказывался покинуть голландцев, заявляя, что он больше не служит в Ост-Индской компании и может теперь поступать так, как ему заблагорассудится. Более того, он совершенно искренне убеждал их, что если они все же придут ко двору и подадут жалобу на голландцев, то тем самым навлекут на себя дополнительные неприятности. Поэтому он советовал им вернуться в Хирадо и забыть о происшедшем...

Само собой разумеется, что Кокс и Нельсон его не послушались. С грустью признав, что англичанин полностью „оголландился” (по словам Кокса), каждый из них лично написал Адамсу письмо, еще раз убеждая его расстаться с голландцами и вести себя, как подобает истинному англичанину: помочь своим соотечественникам в устройстве дела при дворе. Тем временем они продолжали свой путь и по странной иронии судьбы 3 октября встретили отряд голландских купцов, возвращавшихся в Хирадо. Встреча произошла милях в 20 от Эдо. При виде едущих верхом навстречу им двух англичан голландцы, которым Адамс уже поведал о захваченном английском судне и о Коксе и Нельсоне, отправившихся к сёгунскому двору с жалобой, не знали, что и сказать. Кокс и Нельсон помогли им выйти из неловкого положения, удостоив лишь коротким при-

ветствием. Обменявшись с голландцами всего несколькими словами, англичане продолжили свой путь.

Вскоре после этого им повстречался и сам Адамс. Он специально выехал из Токио навстречу соотечественникам, но дипломатично выжидал, пока они проедут мимо голландцев. Кокс и Нельсон увидели его на рассвете следующего дня после встречи с голландцами, и хотя Кокс, который обычно во всех подробностях описывал события дня в своем дневнике, странным образом ничего не упомянул о встрече с Адамсом, нетрудно себе представить те резкие слова, которые были высказаны, и ту напряженную атмосферу по пути в Токио — теперь они путешествовали втроем.

Однако Коксу пришлось пойти на примирение, потому что он ничего не мог сделать при дворе без помощи Адамса. 6 октября Адамс отправился ко двору узнать, когда Кокс сможет вручить подарки сёгуну. При дворе Адамсу было велено прийти за ответом на следующий день, но хотя он явился и терпеливо прождал весь день, ответа так и не получил. Только 9 октября ему сообщили, что Кокс может сделать подношения. Наконец он сумел вручить свои дары Хидэтада, а в течение последующих пяти дней преподносил подарки старшему сыну Хидэтада и знатным придворным, рассчитывая тем самым заручиться их поддержкой в своей жалобе на голландцев.

Однако, несмотря на щедрые дары, обстановка при дворе оставалась для Кокса не слишком благоприятной. Что же касается Адамса, то сёгун и его советники пользовались любой возможностью, чтобы как-то его унижить. Это может показаться невероятным, но, прежде чем получить ответ Хидэтада на жалобу англичан, Адамсу пришлось ежедневно появляться при дворе в течение двух месяцев. За это время сёгун так часто демонстративно отправлялся на охоту и рыбную ловлю, что вынужденное ожидание Адамса выглядело еще более унижительным. Неудивительно, что в подобных обстоятельствах Адамс стал раздражительным и вспыльчивым, отчего временами его отношения с Коксом и Нельсоном снова ухудшались. Так, 26 октября произошла бурная ссора между Адамсом и Нельсоном. Сам того не желая, Нельсон навлек на себя гнев Адамса, спросив о каких-то товарах Ост-Индской компании, которые, по собственным расчетам Адамса, все еще находились у него. Адамс воспринял этот вопрос как обвинение в нечестности и взорвался. Вокруг двух ссорящихся англичан собралась толпа удивленных японцев. Тогда Адамс обратился к ним на их родном языке и с горечью объяснил, что это уже не первый случай, когда соотечественники несправедливо обвиняют его в бесчестности.

18 ноября, когда тягостное ожидание стало невыносимым для всех троих, Кокс с Нельсоном решили вернуться в Хирадо. Несчастный Адамс остался в Эдо и продолжал свое утомительное ожидание того часа, когда японцы наконец соблаговолят уведомить его об ответе сёгуна на жалобу англичан. Собственно

говоря, сёгун сообщил о своем решении лишь через несколько дней после того, как Кокс и Нельсон отбыли из Эдо. Ответ был неблагоприятным. Хидэтада заявил, что, поскольку захват английского судна, о котором идет речь, произошел не в японских водах, японских властей это не касается, и поэтому предлагал не принимать против голландцев вообще никаких мер.

Адамс сообщил обо всем этом Коксу и Нельсону 11 декабря 1618 года, когда догнал их в Осака. Кокс был расстроен, но, в сущности, такой ответ сёгуна его не слишком удивил. Посочувствовав Адамсу, что его терпение не было вознаграждено лучшим образом, он спросил, удалось ли ему по крайней мере добиться от сёгуна разрешения на получение госён, о котором они ранее просили. Но и по этому вопросу Адамс не смог им дать положительного ответа. Адамс объяснил, что сёгун, объявив свое решение по поводу захвата английского судна голландцами, ни словом не обмолвился по поводу госён. Он подозревал, что такое умышленное молчание было обусловлено желанием унижить его и заставить ждать при дворе еще дольше. Он объяснил Коксу, что оставил вместо себя своего японского слугу, чтобы тот дождался окончательного решения относительно госён. Сам же он был сыт по горло пребыванием при дворе и отношением к нему японцев и поэтому радовался возможности поскорее уехать оттуда.

Таким образом, очередной визит ко двору еще раз показал, в какую немилость впал Адамс при новом сёгуне. И все же произошел случай, который свидетельствует о том, что, хотя Хидэтада лично не питал добрых чувств к Адамсу, в какой-то мере он сохранял суеверное уважение к бывшему поверенному отца. Пока Адамс ожидал при дворе ответа, в небе над Токио появилась комета, и Хидэтада был так напуган этим знамением, что призвал к себе Адамса и попросил истолковать смысл ее появления. Адамс сказал, что кометы — это предвестники войны, но тут же поспешил заверить сёгуна, что в данном случае войны произойдут в Европе, а не в Японии. (Довольно любопытно, что это случилось в том самом 1618 году, когда в Европе действительно разразилась опустошительная тридцатилетняя война!) Хотя Адамс всячески пытался воспользоваться этой неожиданной аудиенцией для того, чтобы вновь обрести расположение сёгуна, он все-таки потерпел неудачу, поскольку Хидэтада больше никогда не обращался к нему за советом. Время, когда этот англичанин имел огромное влияние в Японии, прошло — и безвозвратно.

Глава VII

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ И КОНЕЦ АНГЛИЙСКОЙ ФАКТОРИИ В ЯПОНИИ

16 марта 1619 года, приблизительно месяца через три после посещения двора сёгуна, Адамс ушел в плавание, которое

оказалось последним в его жизни. На этот раз он отправился в качестве штурмана на японской торговой джонке в Кохинхину. 14 апреля судно бросило якорь в Тонкине, и, пробыв там около трех месяцев, 16 июля Адамс пустился в обратный путь к берегам Японии, куда прибыл в конце августа. Несколько дней спустя он заболел, и 8 сентября Итон, один из английских купцов, написал Коксу, что самочувствие Адамса настолько ухудшилось, что „он собирается обратиться за помощью к врачу”.

К сожалению, Итон ничего не сообщил о самой болезни, которая, по всей видимости, была весьма серьезной, так как Адамс уже через несколько месяцев умер. Почти с полной уверенностью можно сказать, что произошло это 16 мая 1620 года в Хирадо. Судя по всему, он скончался именно от этой болезни, так как с осени об Адамсе не было никаких упоминаний, что весьма странно, учитывая ту критическую ситуацию, которая сложилась в то время в Хирадо в результате резкого обострения отношений между англичанами и голландцами. Вражда достигла такого накала, что в один из дней марта 1620 года голландцы предприняли три попытки силой захватить английскую факторию и потерпели неудачу лишь из-за поддержки, оказанной осажденным англичанам японскими служащими фактории. В такой ситуации трудно представить, чтобы Адамс, если бы он был здоров, остался в стороне от подобных событий. Однако в течение всех этих напряженных недель о нем никто не вспоминал; вероятно, он уже был тяжело болен и поэтому не смог принять участия в защите фактории.

Как только Адамс осознал всю серьезность своей болезни, он призвал к себе Кокса и Итона и попросил их быть его душеприказчиками. Они дали согласие и 16 мая, когда им сообщили, что состояние здоровья Адамса резко ухудшилось и он вызывает их засвидетельствовать завещание, поспешили к его постели. Там, к своему огорчению, они поняли, что конец его близок. У Адамса, однако, еще хватило сил продиктовать и подписать завещание — многословный документ, который начинался так:

„Во имя господа бога, аминь. 16 мая 1620 года. Я, Уильям Адамс, моряк, который прожил в Японии 18 — 20 лет, будучи телесно больным, но в здравом уме, — да воздадим хвалу всемогущему господу, — делает настоящее завещание, содержащее мою последнюю волю, в следующей форме и порядке. Во-первых, я вверяю свою душу всемогущему господу, моему создателю и избавителю, с надеждой, что любящий его сын заслужил вечную жизнь. Далее завещаю, чтобы мое тело было предано земле, откуда оно и произошло.

Я также завещаю, чтобы все долги и обязательства, которые я имею по закону или по совести, были честно розданы и оплачены моими приказчиками, которые ниже будут названы. Кроме того, я предписываю, чтобы они были выплачены без

каких-либо промедлений и беспрепятственно. После того как будут выплачены все мои долги и высчитаны все расходы на похороны, я желаю, чтобы мои деньги и все, чем я владею здесь, в Японии, или в любой другой восточной стране, было поделено на две равные части, из коих одну завещаю моей любимой жене и дочери в Англии, а другую — моим двум любимым детям Джозефу и Сюзанне, проживающим в Японии...”²⁵

Далее в завещании говорилось о многочисленных подарках друзьям и знакомым, как в Японии, так и в Англии. Кокс получил прекрасный длинный меч Адамса, его карты, лоции и небесный глобус; Итону достались книги Уильяма и навигационные инструменты; Джон Остервик, Ричард Кинг, Абрахам Смахт и Ричард Хадсон, которые находились у постели больного, стали обладателями самых лучших кимоно из гардероба Адамса. Не забыл он и о своих японских слугах. Слуге Энтони он даровал вольную и преподнес небольшую сумму денег, чтобы тот мог начать новую жизнь, а служанке Джугасе подарил деньги и одежду. В заключение он распорядился, чтобы все его мечи, за исключением того, который предназначался Коксу, были переданы его сыну Джозефу.

Через шесть дней после смерти Адамса, согласно его воле, Кокс и Итон составили опись его движимого имущества, которое оценивалось приблизительно в 500 фунтов стерлингов — весьма значительную сумму по тем временам. Учитывая, что Адамс владел большим поместьем в Хэми, собственными домами в Эдо и в других районах страны, становится ясно: он умер довольно богатым человеком, хотя большая часть его состояния была, безусловно, вложена в землю и недвижимое имущество.

Кокс и Итон добросовестно выполнили все условия завещания. Английской жене Адамса была выслана сумма денег, составляющая ее долю от наследства супруга. Однако Кокс позаботился, чтобы все эти деньги достались не одной миссис Адамс, а были поровну поделены между нею и дочерью. В письме от 13 декабря 1620 года, адресованном на имя Ост-Индской компании, Кокс пояснил последнюю волю Адамса:

„Он не хотел, чтобы его жена получила все наследство — ведь она могла снова выйти замуж, и в таком случае ребенок остался бы без гроша; поэтому Адамс пожелал, чтобы наследство было поровну поделено между матерью и дочерью...”²⁶

Оказалось, что кроме состояния, которым Адамс владел в Японии, он оставил имущество, хотя и не столь значительное, в Англии. Оно было оценено приблизительно в 165 фунтов стерлингов, и 8 октября 1621 года английская миссис Адамс унаследовала его по закону.

²⁵ Завещание полностью опубликовано в „Athenaeum” 21 мая 1910 года.

²⁶ *Thompson E. M. The Diary of Richard Cocks. Vol. II, L., 1883, c. 321.*

Таким образом, вдова Адамса в Англии не осталась обиженной. В сущности, с того самого момента, как Адамс установил постоянный контакт с Англией, он не забывал о жене и дочери, оставшихся на родине. Адамс регулярно посылал им деньги через Ост-Индскую компанию. Так, например, 3 мая 1614 года Компания выплатила миссис Адамс 20 фунтов стерлингов от имени ее мужа. Кроме регулярной материальной поддержки правление Ост-Индской компании назначило ей ежегодную пенсию в размере 5 фунтов. Адамс всегда честно компенсировал Компании все эти расходы: в некоторых случаях деньги удерживались из его зарплаты, которую он получал в Японии, а иногда он сам посылал деньги домой через лондонское отделение Ост-Индской компании.

В связи с этим возникает вопрос, знала ли английская миссис Адамс о существовании своей японской соперницы. Если знала, то, видимо, принимала деньги, руководствуясь принципом: „с паршивой овцы хоть шерсти клок“, навсегда потеряв надежду когда-либо вновь увидеть своего неверного супруга. Может быть, она пребывала в счастливом неведении относительно второго брака Уильяма Адамса в Японии благодаря заговору молчания со стороны служащих Ост-Индской компании. К сожалению, не сохранилось никаких сведений, позволяющих с уверенностью утверждать, что ей было известно еще при жизни мужа о его японской семье. И мы никогда не узнаем, оставалась ли она верной, но обманутой Гризельдой или просто несчастной соломенной вдовой, покорившейся обстоятельствам и решившей извлечь из них как можно больше выгод.

Так же мало известно о судьбе жен Адамса после его смерти. Вполне вероятно, что английская миссис Адамс снова вышла замуж, так как одна из двух записей в приходской книге церкви св. Дастона в Степни в 1627 и в 1629 годах вполне могла бы относиться к ней. Первая запись, датированная 20 мая 1627 года, гласит, что Мэри Адамс, вдова, вышла замуж за Джона Экехеда, булочных дел мастера. Вторая запись констатирует, что 30 апреля 1629 года еще одна Мэри Адамс, вдова, вышла замуж за Генри Лайнса, моряка из Рэтклиффа. Нет никаких сведений и о судьбе дочери Адамса — Деливеренс, за исключением одного упоминания ее имени в протоколах заседания Ост-Индской компании от 13 августа 1624 года, где говорилось, что дочь Уильяма Адамса, Деливеренс, подала прошение на имя Ост-Индской компании по поводу имущества отца. Это вообще единственное упоминание о Деливеренс.

Не много известно и о судьбе японской миссис Адамс и двух ее детей. Сёгун утвердил право сына Адамса на владение имением в Хэми, где Джозеф провел большую часть жизни, возвращаясь из плаваний. Сын пошел по стопам отца. Выучившись на штурмана, Джозеф с 1624 по 1635 год не менее пяти раз плавал в Кохинхину и Сиам. Последние сведения о нем относятся к 1636 году, когда он поставил в Хэми надгробный

памятник, возможно, в одну из годовщин смерти своих родителей. О японской дочери Адамса Сюзанне имеется лишь одно упоминание: 1 февраля 1622 года Кокс, который очень ее любил, записал в дневнике, что подарил ей отрез тафты.

Магомэ, японская жена Адамса, умерла в августе 1634 года и была похоронена в Хэми. Вполне вероятно, что позднее, а возможно, и перед ее смертью останки Адамса были перевезены из Хирадо в Хэми, так как там установлены два надгробных памятника, а много лет спустя, в 1798 году поставлены два каменных фонаря²⁷. Со временем эти могилы пришли в запустение и фактически были совершенно заброшены до того момента, когда в 1872 году их обнаружил английский купец Джеймс Уолтер. Благодаря его усилиям, помощи японцев и англичан, проживающих в Японии, а также покровительству принца Артура Коннотского и принца Арисугава Такэхито могилы были восстановлены. В 1905 году эта территория была выкуплена на деньги, собранные общественностью, и на ней разбили парк: посадили деревья, цветы и приставили постоянного служителя, в обязанности которого входило следить за состоянием могил.

В 1918 году в мемориальном парке в Хэми воздвигли каменную колонну высотой в 10 футов. Торжественное открытие состоялось 30 мая того же года. На колонне высечена длинная надпись на японском языке, повествующая о жизни Уильяма Адамса. Перед смертью он якобы оставил следующий наказ:

„Причалив в своих скитаниях к этой земле, я до последней минуты жил здесь в покое и достатке, всецело благодаря милости сёгуна Токугава. Прошу похоронить меня на вершине холма в Хэми, чтобы моя могила был обращена на восток и я мог взирать на Эдо. Мой дух из загробного мира будет защищать этот прекрасный город”²⁸.

Если бы удалось проверить подлинность этих последних слов! Что может быть достойнее для старого моряка, нежели охранять из царства теней столицу страны, в которой он гостил столько лет! Увы, никаких доказательств достоверности этих слов Адамса нет: об этом нигде не говорит аккуратный и дотошный хроникер Кокс, да и никакие английские источники о них не упоминают.

Впрочем, существование такого наказа не исключается. Недаром на одной из сторон мемориальной колонны мы находим следующие строки, написанные японским поэтом и адресованные Уильяму Адамсу — стражу города:

²⁷ Однако, возможно, останки Адамса по-прежнему покоятся в Хирадо, на английском кладбище, которое позднее было осквернено японцами во время антихристианской кампании. Если эта версия верна, то в таком случае два надгробных памятника в Хэми поставлены на могилах Магомэ и Джозефа. (Примеч. авт.).

²⁸ Transactions and Proceedings of the Japanese Society. Vol. XVI (1917–1918). L., с. XIII – XV.

*„О штурман, избороздивший немало морей, чтобы при-
быть к нам.
Ты достойно служил государству и за это был щедро
вознагражден.
Не забывая о милостях, ты в смерти, как и в жизни, ос-
тался таким же преданным;
И в своей могиле, обращенной на восток, вечно охра-
няешь Эдо”.*

Согласно буддийскому обычаю, Адамс получил посмертное имя Дзюрё-манъин Гэндзуй-кодзи, а его жена — Кайка-оин Мёман-бику, и в память о них в храме Дзёдодзи близ Хэми регулярно курится фимиам. Улица в Эдо, на которой находился дом Адамса, была впоследствии названа в его честь „Андзинтё” (Квартал штурмана). Так японцы воздали дань уважения Адамсу. Что касается его соотечественников, то только в 1934 году с большим опозданием они также решили почтить его память. В тот год на его родине в Джиллингеме были собраны средства на постройку мемориальной башни-часов на Уэтлиг-стрит, на старой римской дороге, которая пересекает город и выходит к реке Медуэй, с детства знакомой Адамсу.

Таким образом, спустя три века Адамсу наконец воздали должные почести как на родине, так и в стране, которая его усыновила. Моряк вполне этого заслужил, поскольку то положение, которого он добился в Японии, было беспрецедентным и вызывало удивление и восхищение его современников. Кокс выразил эти чувства в письме Ост-Индской компании от 14 декабря 1620 года словами:

„Я не могу не сожалеть о потере такого человека, как капитан Уильям Адамс, ибо он находился в такой чести у двух японских императоров, как никто из христиан в восточных странах. Он мог свободно входить к ним и вести с ними беседу, в то время как даже многие японские короли²⁹ не осмеливались на это...”³⁰

Хотя Адамсу и не суждено было стать столь же знаменитым мореплавателем елизаветинской эпохи, как, например, Хокинс, Дрейк, Ральф, он был человеком из этой плеяды и по праву заслуживает того, чтобы занять достойное место рядом с ними. Он обладал теми же достоинствами и недостатками, что и они. Как и они, Адамс был уверен в себе: это был умный, храбрый, дерзкий, честолюбивый, хитрый, эгоистичный, разносторонний человек. И так же, как и они, лишь благодаря своей незаурядности сумел достичь такого высокого положения. Самые замечательные высказывания об Адамсе, пожалуй, оставил известный биограф Томас Фуллер в книге „Знаменитые люди Англии”, написанной приблизительно через 30 лет после смерти Адамса:

²⁹ Здесь имеются в виду владетельные японские князья.

³⁰ *Thompson E. M. The Diary of Richard Cocks. Vol. II, L, 1883, с. 322.*

„Немало трудностей встретил на пути установления торговых отношений Адамс. Те, кто прочтут о них, согласятся с Катонем и невольно содрогнутся при мысли, что когда-то приходилось отправляться морем туда, куда можно было добраться и по суше. Но ведь Япония — это остров, окруженный со всех сторон морями, поэтому у Адамса не было другого выбора. Так воздадим же должное стойкости, которую он проявил во всех своих злоключениях”.

После смерти Адамса английская фактория в Японии продолжала существовать, хотя дела ее шли довольно плохо. Последние месяцы жизни Адамса были омрачены вспышкой страшной вражды, перешедшей в настоящую войну, между его соотечественниками — англичанами и его друзьями — голландцами, и это состояние войны, конечно, отрицательно сказалось на торговле. Однако уже 2 июня 1619 года в далеком Лондоне представители двух стран договорились о подписании „Договора защиты”, по которому англичане и голландцы прекращали военные действия и начинали торговать в Ост-Индии как партнеры; кроме того, решено было сформировать объединенный флот (названный символически: „Флот защиты”!) для отпора испанцам и португальцам.

Известие об этом договоре дошло до Хирадо в августе 1620 года, когда „Флот защиты” прибыл в Хирадо, который, по совместному решению англичан и голландцев, должен был стать их базой. По прибытии „Флота защиты” английские и голландские купцы в Хирадо единодушно забыли о прошлых ссорах и распрях и снова стали друзьями. Но такая быстрая и внезапная перемена в отношениях могла показаться странной и подозрительной сёгуну, поэтому Кокс и Спекс встретились, чтобы обдумать и составить следующее объяснение для Хидэ-тада. Составлено оно в довольно осторожной форме:

„Мы с почтением сообщаем Его Величеству, каким образом те разногласия, которые, как известно Его Величеству, существовали между англичанами и народом Нидерландов, теперь разрешились благодаря счастливому прибытию в Хирадо двух кораблей: английского и голландского, принесших одно и то же известие: со всеми старыми разногласиями покончено по той причине, что мы решили вместе беспощадно бороться с португальцами и испанцами, где бы их ни повстречали. Это вызвано тем, что он (то есть король Испании) объявил себя монархом всей Европы; и в связи с этим мы хотим обратить внимание Его Величества на действия короля Испании и его подчиненных, которые уже обосновались в Леконии (то есть на о-ве Лусон на Филиппинах) и в Макао...”³¹

Согласно этому договору, в течение двух лет англо-голландский флот беспощадно грабил испанские и португальские суда

³¹ Pratt P. History of Japan (India Office Records. China. Vol. IX). Kobe, 1931, с. 316.

на Дальнем Востоке, и благодаря награбленной добыче, которую он получал, английская фактория наконец стала приносить доход. Однако англичане и голландцы не доверяли друг другу, и часто между ними возникали споры и взаимные обвинения в нечестном дележе трофеев. Более того, каждый раз, когда объединенный флот по окончании операции возвращался в порт, между английскими и голландскими моряками происходили кровопролитные драки. Все это продолжалось до тех пор, пока их поведение на берегу — в трактирах и публичных домах — не вынудило японские власти принять против них жесткие меры. Следующая запись, где упомянуто только несколько таких скандалов, происшедших в 1621 году, возможно, даст какое-то представление о недолгой военной дружбе между голландцами и англичанами на Дальнем Востоке в начале XVII века:

«10 июня 1621 года, когда объединенный „Флот защиты“ вернулся в Японию после экспедиции на Филиппины, английские и голландские моряки затеяли на берегу ссору, в результате которой одного голландца убили, а несколько человек с обеих сторон получили серьезные ранения. Был созван совместный совет с целью расследования этих бунтарств, на котором постановили впредь запретить всем морякам сходить на берег вооруженными. Несмотря на приказ, 10 июня голландские моряки сошли на берег с оружием и напали на англичан, чтобы отомстить за убийство товарища. В результате стычки им удалось убить одного и ранить нескольких своих английских союзников. Очевидно, второй скандал заставил руководство обеих сторон принять серьезные меры, так как 8 июля Джон Роун, английский матрос, который 10 июня убил в драке голландца, был приговорен к казни через повешение на корабельной рее. Этот приговор вызвал недовольство товарищей: они наотрез отказались привести его в исполнение, и адмирал вынужден был сам надеть петлю на шею приговоренного.

Голландские моряки также продемонстрировали свою солидарность с товарищем, осужденным на смерть за убийство, но она носила более практический характер. Голландец, напавший на эконома английского судна „Элизабет“ и нанесший ему серьезное ранение, от которого тот скончался 28 июля, был также приговорен начальством к смертной казни. Согласно приговору, 6 августа голландец был обезглавлен, но перед казнью товарищи напоили его до такой степени, что он еле держался на ногах и с трудом был доставлен к месту казни».

Как голландские, так и английские моряки во время увольнений на берег вели себя просто неистово. 24 июля 1621 года пьяные голландцы как безумные метались по улицам Хирадо, избивая детей и нанося удары кинжалом всем тем несчастным японцам, которые попадались на их пути. На этот раз японским властям удалось схватить двоих из разбушевавшихся хулиганов, и в качестве меры дисциплинарного наказания им немедленно отрубили головы.

Но даже это страшное возмездие не возымело никакого эффекта. Так, 15 сентября английский моряк с „Неперкона“, напившись пьяным в одном из трактиров Хирадо, пытался изнасиловать японскую девушку. Он снял с нее два кольца, а затем собирался скрыться, даже не заплатив по счету. Девушка пробовала задержать его, но матрос набросился на нее и стал жестоко избивать. Он бил ее до тех пор, пока какие-то японцы не пришли к ней на помощь и не доставили его в английскую факторию. Там достопочтенный Кокс, шокированный подобным поведением, приказал вернуть кольца и велел наказать матроса — дать ему сто ударов плетью.

Даже если английские и голландские моряки и не совершали никакого серьезного преступления, вызывавшего гнев японских властей, их репутация была сильно подорвана тем, что они брали в долг деньги, а затем не могли или не желали их отдавать. Поэтому японцы арестовывали должников, и часто „Флот защиты“ вынужден был отправляться в рейс с неполным экипажем, так как многие матросы, вместо того чтобы бороздить морские просторы, в это время „отдыхали“ в японских тюрьмах.

2 августа 1622 года из английского штаба в Батавии пришло известие о выходе английских судов из состава „Флота защиты“. В атмосфере постоянного недоверия между англичанами и голландцами, непрекращающихся скандалов и полной необузданности моряков капитаны обеих сторон, должно быть, с облегчением восприняли эту новость. Так распался лихорадочный и недолгий англо-голландский альянс на Дальнем Востоке.

Среди прочих приказов, прибывших из Батавии, один, вероятно, возымел на Кокса и других купцов в Хирадо действие разорвавшейся бомбы, так как он гласил о безотлагательном закрытии фактории и немедленном их прибытии в Батавию. Совет английских купцов в Батавии вынес это решение в основном потому, что фактория в Хирадо не приносила тех прибылей, на которые они рассчитывали. Другой же причиной явилось то, что до них дошли слухи о недобросовестном отношении Кокса к своим обязанностям, и о том, будто он, как, впрочем, и другие купцы в Хирадо, вел непристойный образ жизни. Об этом писал руководству Ост-Индской компании Ферсленд — глава английских факторий в Батавии: „Если все, что нам о них рассказали, — правда, то ужасно сознавать, как люди в таком почтенном возрасте так предаются чувственным утехам, не понимая даже, что тем самым приближают свой конец“. Однако все эти донесения оказались правдой, так как Кокс и другие английские купцы с большим комфортом обосновались в Хирадо. Они завели себе японских „жен“, которых время от времени меняли, и не жалели ни времени, ни денег на развлечения вместе со своими японскими и голландскими коллегами. На частых вечеринках, которые продолжались до самого утра, поглощалось огромное количество спиртного, а представления

японских танцовщиц придавали этим пирушкам разнообразие и пышность.

Понятно, что при таком образе жизни Коксу и его друзьям не очень-то хотелось уезжать из Японии, и поэтому он ослушался приказа из Батавии на том основании (впоследствии это подтвердилось), будто дела фактории требуют его присутствия там до тех пор, пока он не приведет их в порядок. Президент Ферсленд был сильно рассержен неповиновением Кокса, и 2 мая 1623 года послал в Хирадо Кокрема на судне „Балл”, уполномочив его закрыть там факторию, а Кокса и его друзей, если потребуется, насильно доставить в Батавию. Ферсленд передал Кокрему письмо для Кокса, и когда тот прочитал его, то, должно быть, понял, что упорствовать далее бессмысленно, так как Ферсленд был настроен весьма сурово.

«М-р Кокс и прочие (презрительно писал Ферсленд)! Вопреки нашим ожиданиям и строгому приказу, на „Палсгрейве” и других наших кораблях „Флота защиты” вместо Вашей собственной персоны к нам прибыли лишь несколько писем от Вас лично и от остальных, что ни в коей мере не компенсирует невыполнения Вами нашего приказа, и, кроме того, в них не содержится никаких веских причин, оправдывающих Ваше столь страшное неповиновение. Нам неизвестно, что побудило Вас так поступить, однако за столько лет службы следовало бы уже представлять, какими последствиями чревато подобное невыполнение распоряжений свыше. У нас нет сомнений, что, призови Вас к строгому ответу, как Вы того заслуживаете, Вам нечем будет оправдать свои действия. Но будем считать, что такое поведение обусловлено скорее Вашим неведением, нежели каким-либо преднамеренным проявлением неуважения по отношению к нам. Мы будем снисходительны в надежде, что на этот раз Вы наконец подчинитесь нашему повторному распоряжению, которое мы посылаем с нашим любезным другом Джозефом Кокремом, назначенным старшим купцом на все время плавания „Балла”. В немалую сумму нам обошлось снаряжение этого корабля, чтобы специально отправить его за Вами и остальными служащими фактории, а также за всем имуществом Компании, которое находится в Японии, — все это особо оговаривается в распоряжении и инструкциях, данных Кокрему. Итак, от имени и по поручению руководства нашей достопочтенной Компании приказываю, чтобы Вы, Кокс, передали все деньги, товары, обязательства, принадлежащие достопочтенной Компании, Джозефу Кокрему; а лично Вам, Ричард Кокс, а также Уильяму Итону, Эдмонду Сэйерсу и Джону Остервику следует всем до одного отплыть в Батавию. Настоятельно требую, чтобы вышеуказанный приказ был выполнен безоговорочно, в противном случае Вы сурово ответите за свое (непослушание) ...

Так как в прошлый раз Вы истолковали наш приказ о прибытии сюда в своих собственных интересах, мы еще раз повто-

ряем его в конце письма, чтобы Вы, прочитав его в начале оного, по крайней мере не забыли о нем, дойдя до конца...»³²

Прочитав это грозное и полное сарказма письмо, Кокс понял, что сопротивляться далее приказам Ферсленда неразумно, и поэтому предпринял наконец необходимые шаги по свертыванию дел Ост-Индской компании в Японии. Так как ни он, ни кто-либо другой из ответственных лиц не имели особого желания сообщить сёгуну об их предстоящем отъезде, то Кокс послал за этим известием самого младшего из купцов — Ричарда Хадсона в Киото, где в тот момент как раз пребывал Хидэтада.

Хадсону было велено в тактичной форме объяснить сёгуну, что убыточность их предприятия вынуждают англичан на время покинуть Японию, после чего он испросил официальное разрешение отбыть из страны. Чтобы облегчить Хадсону выполнение этой миссии, ему вручили подарки для сёгуна и других придворных, которые задолжали Ост-Индской компании немалые деньги. Тщетно надеялись английские купцы, что, получив подарки, японцы тотчас же выплатят долги. Сёгун и его приближенные соблаговолили только принять дары, после чего Хидэтада незамедлительно дал разрешение на выезд англичан из Японии. Однако вернуть деньги японские вельможи вежливо, но безоговорочно отказались.

Поэтому Коксу не оставалось ничего другого, как смириться с этой неприятностью и списать долги со счетов Ост-Индской компании. Но все же на тот случай, если англичане когда-либо вернуться в Японию, он уговорил капитана Корнелиса ван Нейджен Роода (он сменил Спекса на посту главы голландской фактории в Хирадо) быть доверенным лицом англичан и получить деньги, если они позже все-таки будут выплачены. Кокс также договорился с правителем Хирадо, что тот будет присматривать за зданием, принадлежащим английской фактории, на тот случай, если англичане придут снова, чтобы возобновить свою деятельность в этой стране.

Наконец, сделав все, что было в его силах, Кокс закрыл факторию в Японии и велел остальным купцам к 23 декабря 1623 года быть готовыми к отъезду. В тот же день они поднялись на борт „Балла”, отправлявшегося в Батавию.

И хотя до этого состоялось уже немало прощальных обедов, превосходивших роскошью все предыдущие, голландским и японским друзьям и коллегам было очень трудно проститься с англичанами, и более ста человек решили остаться с Коксом и его товарищами до последней минуты. Они собрались на борту „Балла”, и заставить их покинуть корабль было просто невозможно.

Идя навстречу пожеланиям друзей, Кокс дал согласие еще на один прощальный обед. К тому моменту, когда он объявил,

³² *Thompson E. M. The Diary of Richard Cocks. Vol. II, L., 1838, с. 340 – 345.*

что настало время всем покинуть корабль, алкогольное опьянение и искренняя печаль вызвали слезы как у англичан, так и у провожавших их японцев и голландцев. Наконец гости покинули судно; но они еще долго, до тех пор, пока корабль не скрылся из виду, смотрели с берега ему вслед, махали руками и выкрикивали прощальные слова Коксу и другим купцам, стоявшим на высокой корме.

Со своей стороны Кокс и его товарищи с грустью взирали на удаляющийся берег и веселых собутыльников, которых они там оставили, а когда фигуры людей на берегу скрылись из виду, они спустились в трюм, чтобы сном восстановить силы после последней пирушки. На следующий день был канун рождества, но Кокс не мог ни о чем думать, кроме предстоящей неприятной встречи с Ферслендом в Батавии; и на протяжении всего плавания, вспоминая свои прошлые грехи, он обдумывал, как лучше защищаться против тех обвинений, которые, как он знал, будут ему скоро предъявлены.

„Балл” прибыл в Батавию 27 января 1624 года, и самые скверные опасения Кокса подтвердились. Ферсленд сразу же стал строго выговаривать ему за „преступную халатность и злоупотребления”. Хорошенько отчитав Кокса за все прегрешения, Ферсленд поверг его в полное уныние следующим заявлением: Коксу надлежит немедленно вернуться в Англию и держать там ответ за свое поведение в Хирадо перед директорами Ост-Индской компании. Для Кокса это было равносильно смертному приговору, но заставить Ферсленда изменить свое решение было невозможно, и поэтому 22 февраля 1624 года Кокс покинул Батавию на судне „Энн Ройалл”, взявшем курс на Англию.

Мысль о предстоящем позоре в Лондоне, где все его хорошо знали, так угнетала Кокса, что вскоре он внезапно заболел и 27 марта умер в пути. В судовом журнале появилась краткая и сухая запись: „похоронен согласно обряду”. Бедный Кокс! Как он, должно быть, тосковал по своей миниатюрной японской жене, любимому садику в Хирадо, легкой и насыщенной развлечениями жизни в Японии тем временем, как „Энн Ройалл” безжалостно несла его по Южным морям навстречу неминуемому суду в Лондоне! Безусловно, он много страдал, и судьба, избавившая его от дальнейших мучений и окончательного бесчестия на родине, отнеслась к нему с гораздо большим сочувствием, чем земные судьи.

Однако наши симпатии к Коксу не должны заслонять того факта, что он в какой-то мере был виновен в неудачах, постигших английскую факторию в Японии. Несмотря на то что сам он, по-видимому, был честен в делах, которые вел от имени Компании, его руководство торговым предприятием и деятельностью других купцов не отличалось требовательностью. Так, ему не удалось обнаружить нелегальную частную торговлю, которой занимались в большом масштабе некоторые купцы, в особенности Викхем, за счет Ост-Индской компании, а если он

и обнаружил ее, то неспособен был остановить. В то же время Кокс был слишком расточителен в расходах, когда в этом не было никакой нужды, и тем самым способствовал увеличению издержек фактории. Так, например, в письме к Коксу Ферсленд упрекает его в том, что он слишком щедро платил морякам, нанятым Ост-Индской компанией:

„Мы надеемся, что огромные расходы на экипажи судов будут уменьшены. Достопочтенная Компания требует, чтобы отдых, в каком бы порту он ни происходил, стоил недорого. Матросы должны получать не более четырех мясных и трех блюд из соленой рыбы с рисом в неделю. Вам же предписывается неукоснительно выполнять это распоряжение; Вы также не имеете права дополнительно кормить матросов ни на борту, ни на берегу, что (как нам стало известно) вошло у вас в привычку и вызывает чрезмерные расходы Компании...”³³

Кокс также позволил одурачить себя китайским купцам, которые обещали добиться для англичан разрешения торговать непосредственно с Китаем и покупать там шелк и другие товары, которые были необходимы для торговли с Японией. В этом же письме Ферсленд, говоря о задолженности одного китайца, отмечал:

„Китаец Нохеда слишком долго пользовался вашим просодушием в целях получения кредита. Вы уже достаточно прожили в восточных странах, и Вам пора бы уже лучше разбираться в этих лживых людях...”³⁴

Несмотря на огромные затраты на китайских купцов, Коксу так и не удалось заручиться разрешением торговать с Китаем, и эта неудача поставила англичан в крайне невыгодное положение по сравнению с португальцами, которые регулярно получали китайские товары прямо из поста в Макао. В оправдание Кокса можно сказать одно: он сделал все, что было в его силах, дабы наладить торговлю с Китаем, но потерпел поражение, столкнувшись с хитростью восточных людей. Нет и не может быть никаких оправданий тому, как он вел счета фактории, — в результате неаккуратных записей доходов и расходов они со временем стали безнадежно запутанными. В целом обвинения, выдвинутые против Кокса, были слишком серьезны, чтобы их игнорировать. На нем лежит вся ответственность за разбазаривание (из-за небрежности и бездеятельности) имущества и средств, принадлежащих Ост-Индской компании.

Однако, несмотря на все слабые стороны руководства Кокса, не это явилось основной причиной провала английского торгового предприятия в Японии. Возможно, неудача постигла факторию главным образом потому, что вопреки советам Адамса она была основана в Хирадо, где англичанам пришлось столкнуться с острой конкуренцией голландцев. К тому же в

³³ Там же, с. 341, 343 — 344.

³⁴ Там же.

начале XVII века англичане еще недостаточно прочно укрепились в Ост-Индии, чтобы иметь возможность постоянно снабжать изолированный и отдаленный пост в Хирадо товарами и средствами, которые были столь необходимы, чтобы выдержать конкуренцию голландцев. В течение долгого времени ни один английский корабль не заходил в Хирадо, чтобы пополнить факторию товарами и, что также немаловажно, поддержать ее служащих морально.

Голландцы же к тому времени прочно обосновались в Ост-Индии и имели возможность оказывать своим соотечественникам в Хирадо постоянную поддержку. Фактически ситуация была такова, что, даже если бы Кокс и представлял собой образец трудолюбия, все равно он не в состоянии был превратить факторию в доходное предприятие уже только потому, что позиции англичан в Ост-Индии оставались слишком слабыми, чтобы поддерживать успешную деятельность торгового поста в Японии. Голландцы, их основные конкуренты в этом районе, были гораздо сильнее, и поэтому англичанам пришлось удалиться не только из Японии, но на долгое время вообще уйти из Ост-Индии³⁵. Это, безусловно, — следствие того, что Ост-Индской компании приходилось концентрировать все свои силы в Индии. Так что у голландцев теперь были все условия для создания в Юго-Восточной Азии огромной доходной империи, впоследствии получившей название Нидерландская Ост-Индия.

Судя по тем мерам, которые принял Кокс относительно должников, оставшихся в Японии, и строений, являвшихся собственностью фактории в Хирадо, очевидно, что он рассчитывал на скорое возвращение английских купцов в эту страну. Однако оно задержалось на многие годы, так как после отъезда английских купцов из Японии отношение сёгуна к европейцам резко изменилось.

Японский правитель предпринял шаги к выдворению всех иностранцев из страны. Причина этой новой политики сёгуна носила как религиозный, так и экономический характер. Японцы опасались, что если позволить иностранцам расширить круг деятельности, то установленный в стране порядок может пошатнуться. Сёгун уже давно настороженно относился к миссионерской деятельности испанцев и португальцев, считая, что она может подорвать традиционную японскую религию и ослабить лояльность народа по отношению к властям. Он пришел к выводу, что выгоды от торговли с европейцами не компенсируют возможной опасности изменения традиционного уклада жизни страны.

Поэтому в 1624 году испанцам, а в 1639 — и португальцам было приказано покинуть Японию, и хотя для голландцев было сделано исключение — им разрешили остаться в стране, — но их деятельность была строго ограничена одним маленьким остро-

³⁵ Португальцы фактически были изгнаны из Японии по указу 1624 года.

вом Дэсима, расположенным недалеко от Нагасаки. Здесь горстка голландских купцов сохраняла свои довольно шаткие позиции до 1854 года, пока эскадра американских военных кораблей под предводительством комодора Перри не заставила японцев вновь открыть страну для Запада. После того как американцы нарушили затворничество Японии, в которое ее заключили сёгуны, англичане последовали их примеру, и в 1855 году в воды Японии вошла английская эскадра, результатом чего явилось подписание англо-японского договора, по которому англичанам разрешалось торговать в Нагасаки и Хакодате. Позднее эти торговые привилегии распространились на всю страну, и, таким образом, более чем через два века после смерти Уильяма Адамса англичане вновь обрели право на торговлю с Японией.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Е. Светлов. Предисловие</i>	<i>3</i>
<i>Г л а в а I. Юные годы Уильяма Адамса</i>	<i>17</i>
<i>Г л а в а II. Первые годы в Японии</i>	<i>24</i>
<i>Г л а в а III. Появление голландцев и испанцев в Японии</i>	<i>38</i>
<i>Г л а в а IV. Появление англичан в Японии</i>	<i>46</i>
<i>Г л а в а V. Английская фактория в Японии</i>	<i>58</i>
<i>Г л а в а VI. Морские плавания и визиты ко двору</i>	<i>68</i>
<i>Г л а в а VII. Последнее плавание и конец английской фактории в Японии</i>	<i>81</i>

Ф. Дж. Роджерс

ПЕРВЫЙ АНГЛИЧАНИН В ЯПОНИИ

История Уильяма Адамса

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

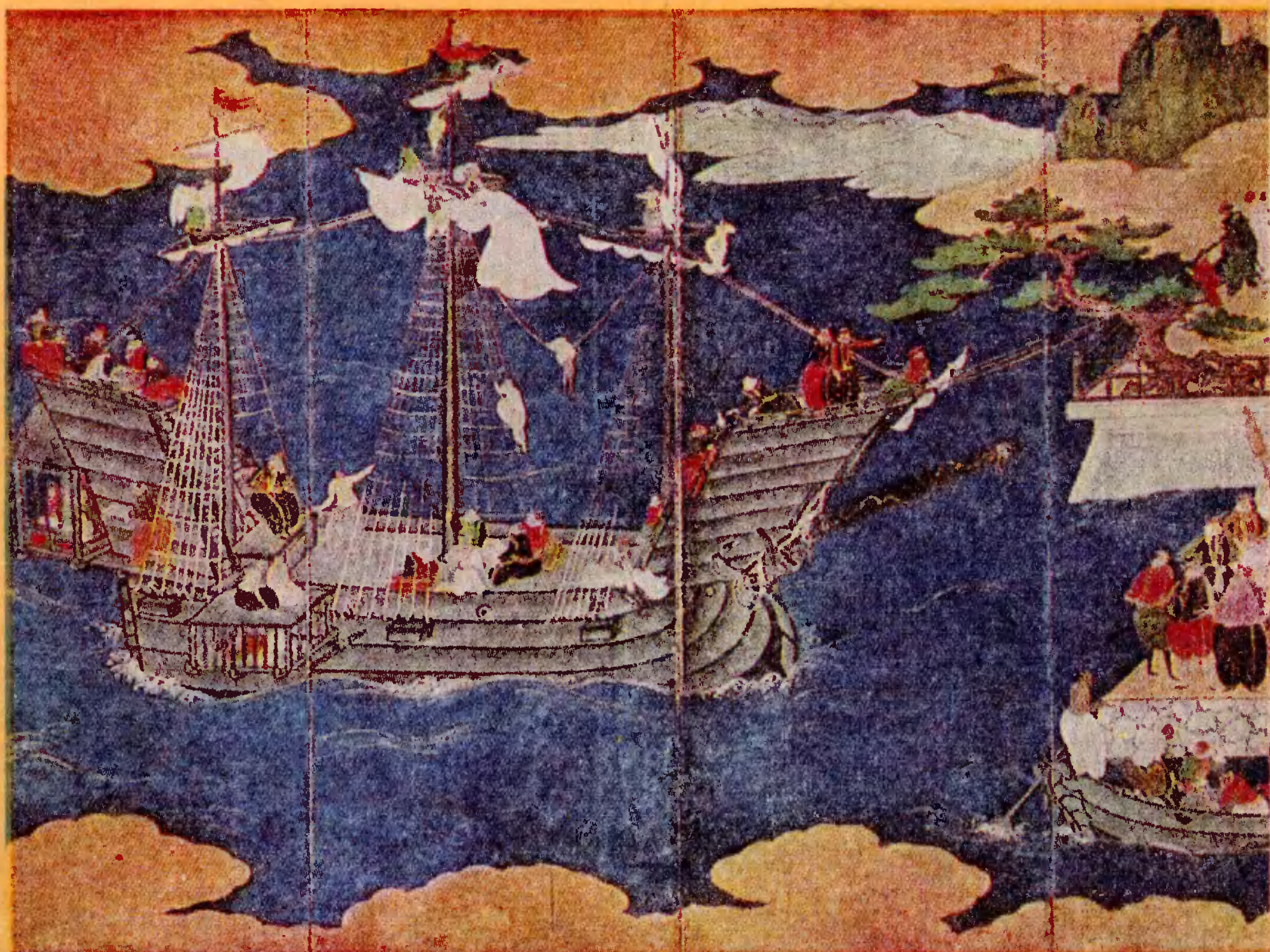
Редактор *Э.О. Секар*. Младший редактор *М.С. Грикурова*
Художник *Л.С. Эрман*. Художественный редактор *Э.Л. Эрман*
Технические редакторы *З.С. Теплякова, Л.Н. Кузьмина*
Корректор *Н.В. Морозова*

ИБ № 15664

Сдано в набор 6.08.86. Подписано к печати 17.02.87
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная
Иллюстрации отпечатаны по высокой печати на мелованной бумаге
Усл. п.л. 5,04 + 0,21 вкл. Усл. кр.-отт. 5,88. Уч.-изд. л. 6,84
Тираж 30 000 экз. Изд. № 6069. Зак. № 184. Цена 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства "Наука". 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28



«Уильям Адамс и не подозревал, что судьба привела его с товарищами в Японию в один из решающих моментов ее истории и ему лично суждено сыграть важную роль в событиях, которые изменят дальнейшую судьбу этой страны, а его труд и страдания будут щедро вознаграждены на земле, куда привело его судно „Лифде“».